

ISSN 2409-7136 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 05-09-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Даниленко Денис Васильевич, доктор права, danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 05-09-2025

Founder: Danilenko Vasiliiy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Danilenko Denis Vasil'evich, doktor prava, danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Главный редактор

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической издательской группы «НОТА ВЕНЕ» (ООО «НБ-МЕДИА»). 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Редсовет

Сыченко Елена Вячеславовна – PhD (университет Катании, Италия) , доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета, декан юридического факультета, 183052, г. Мурманск, просп. Кольский, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Боярский Марек - доктор права, профессор, ректор Университета Вроцлав, Польша; Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Графский Владимир Георгиевич - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул.Знаменка, д.10.

Герд Винтер - доктор права, профессор, директор Научно-исследовательского Центра Европейского права окружающей среды Бременского университета (г. Бремен, Германия). Universität Bremen, Universitätsallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Гузик-Макарук Эва Моника - доктор права, профессор Университета в Белостоке, Польша Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Гуляихин Вячеслав Николаевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Волгоградского государственного университета

Даниленко Василий Иванович - кандидат политических наук, председатель совета директоров академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА») 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА»). 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Добрынин Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Желински Мартин - доктор права, профессор, Конституционный трибунал Республики Польша (Constitutional Tribunal (Poland))Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Ковлер Анатолий Иванович -доктор юридических наук, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Большая Черемушкинская ул., 34, Москва, 117218

Курбанов Рашад Афатович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Марочкин Сергей Юрьевич - профессор, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ, директор Института государства и права Тюменского государственного университета. 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Семакова, дом 10, Институт государства и права

Наган Винстон Персиваль - доктор права, профессор права Университета Флориды (школа права имени Левина), директор Института прав человека, мира и развития, профессор антропологии Брейзноуз Колледжа (Оксфорд), член Королевского общества искусств (Royal Society of the Arts, Лондон), член Комиссии по конституционным вопросам ЮАР (США). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Перихт Алла Альфредовна - кандидат юридических наук, научный сотрудник юридического факультета Университета г. Гамбурга. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Хаммер Крег Саймон - доктор философии, консультант по вопросам международного права Всемирного банка реконструкции и развития, отдел развития новых банковских практик в сфере вовлеченности в гражданское общество, усиления и уважения разнообразия — CEERD, (г. Вашингтон, США). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Коробеев Александр Иванович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедра уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая

кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН, профессор кафедры УДПООП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Чернядьева Наталья Алексеевна - доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия. chernyadnatalya@yandex.ru

Альбов Алексей Павлович - доктор юридических наук, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА), профессор, 107078, Россия, г. Москва, ул. Новая Басманская, 4-6, строение 3, кв. 348, aap62@yandex.ru

Аюпова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Беляева Галина Серафимовна - доктор юридических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, заведующий кафедрой административного права и процесса, 308503, Россия, Белгородская область, пос. Майский, ул. Агрономическая, 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Бидова Бэла Бертовна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», зав.кафедрой уголовного права, криминологии и национальной безопасности, 364060, Россия, Чеченская республика область, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 7, кв. 63, bela_007@bk.ru

Васильев Алексей Михайлович - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 2-й кадетский переулок, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Володина Людмила Мильтоновна - доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Галяшина Елена Игоревна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Директор Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, оф. 721, eigaljashina@msal.ru

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное

бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Калужина Марина Анатольевна - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры криминалистики и правовой информатики, Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ФКУ НИИ ФСИН России), ведущий научный сотрудник, 350047, Россия, г. г. Краснодар, ул. 1 Линия, 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности, 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Кротов Андрей Владиславович - доктор юридических наук, 603054, Россия, г. Нижний Новгород, ул. а/я 33, 33, pravonnov@yandex.ru

Кудратов Некруз Абдунабииевич - доктор юридических наук, Таджикский государственный университет коммерции, Декан факультета, 734061, Таджикистан, г. Душанбе, ул. Дехоти, 1/2, каб. 309, nek-kudratov@mail.ru

Матвеев Антон Геннадьевич - доктор юридических наук, ФГАОУВО "Пермский государственный национальный исследовательский университет", профессор кафедры гражданского права, la-musica@yandex.ru

Новиков Алексей Валерьевич - доктор педагогических наук, Федеральное казенное учреждение "Научно-исследовательский институт ФСИН России", Главный научный сотрудник, Астраханский государственный университет, Профессор кафедры уголовного права, 140072, Россия, Московская область, пос. Томилино, ул. Пушкина, 59В, -, novikov.pravo@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские садки, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Рогова Евгения Викторовна - доктор юридических наук, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса, 664081, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, мкр. Крылатый, 24/3, кв. 20, rev-80@yandex.ru

Рыжов Валерий Борисович - Doctor of Juridical Science (S. J. D. or J. S. D.), Московский институт юриспруденции, заведующий криминалистической лабораторией , 125057, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 75, корп. 1 А, кв. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Сайфутдинов Тахир Исмаилжанович - доктор юридических наук, Кыргызско-Казахский университет, проректор по научной работе, Ошский государственный юридический институт, профессор кафедры уголовного права и процесса, 720072, Киргизия, г. Бишкек, ул. Тулебердиева, 80, saifutdinovt@bk.ru

Council of editors

Editor-in-Chief

Denis Vasiliyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Editorial Board

Sychenko Elena Vyacheslavovna – PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Nikolay Dmitrievich Gomonov – Doctor of Law, Professor, North-Western Institute (branch) Moscow University of Humanities and Economics, Dean of the Faculty of Law, 183052, Murmansk, ave. Kola, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University, Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Bojarski Marek - Doctor of Law, Professor, Rector of the University of Wroclaw, Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenka str., 10.

Gerd Winter is a Doctor of Law, Professor, Director of the Research Center for European Environmental Law at the University of Bremen (Bremen, Germany). Universit?t Bremen, Universit?tsallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Guzik-Makaruk Eva Monica - Doctor of Law, Professor at the University of Bialystok, Poland Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Vyacheslav N. Gulyikhin – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Social Work and Pedagogy of Volgograd State University

Danilenko Vasily Ivanovich - Candidate of Political Sciences, Chairman of the Board of Directors of the academic publishing group "NOTA BENE" (LLC "NB-MEDIA) 115114, Moscow,

Paveletskaya Embankment, house 6A, office 211.

Denis Vasilyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Martin Zelinsky - Doctor of Law, Professor, Constitutional Tribunal of the Republic of Poland (Constitutional Tribunal (Poland))Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Kovler Anatoly Ivanovich - Doctor of Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Bolshaya Cheremushkinskaya str., 34, Moscow, 117218

Rashad Afatovich Kurbanov - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Sergey Yuryevich Marochkin - Professor, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 10 Semakova str., Tyumen, 625003, Russia, Institute of State and Law

Nagan Winston Percival - Doctor of Law, Professor of Law at the University of Florida (Levin School of Law), Director of the Institute of Human Rights, Peace and Development, Professor of Anthropology at Brasenose College (Oxford), Member of the Royal Society of the Arts (London), member of the Commission on Constitutional Issues of South Africa (USA). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Roerich Alla Alfredovna - Candidate of Law, Researcher at the Faculty of Law of the University of Hamburg. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Hammer Craig Simon - PhD, Consultant on International Law of the World Bank for Reconstruction and Development, Department for the Development of New banking practices in the field of involvement in civil society, strengthening and respect for diversity – CEERD, (Washington, USA). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEFU campus,

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006 Peshkova1@yandex.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10

Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Natalia A. Chernyadyeva - Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Crimean Branch of the Russian State University of Justice.
chernyadnatalya@yandex.ru

Alexey Pavlovich Albov - Doctor of Law, All-Russian State University of Justice (RPA), Professor, 4-6 Novaya Basmannaya str., building 3, sq. 348, Moscow, 107078, Russia,
aap62@yandex.ru

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Belyaeva Galina Serafimovna - Doctor of Law, Belgorod State National Research University, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, 308503, Russia, Belgorod region, village Maysky, Agronomic str., 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Bidova Bela Bertovna - Doctor of Law, Kadyrov Chechen State University, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and National Security, 364060, Russia, Chechen Republic region, Grozny, ul. Subry Kishieva, 7, sq. 63, bela_007@bk.ru

Vasiliev Alexey Mikhailovich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology criminology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 2nd kadetskiy lane, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Volodina Lyudmila Miltonovna - Doctor of Law, Tyumen State University, Professor, 111402, Russia, Moscow region, Moscow, Veshnyakovskaya str., 5 building 1, sq. 195, lm.volodina@yandex.ru

Elena Igorevna Galyashina - Doctor of Law, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Director of the Center for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., office 721, Moscow, 123995, Russia, eigaljashina@msal.ru

Nikolay Dmitrievich Gomonov - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Murmansk Arctic State University", Professor of the Department of Jurisprudence, 7 Khalturina str., office 10, Murmansk, Murmansk Region, 183010, Russia, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Kaluzhina Marina Anatolyevna - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics, Federal state Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service" (FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia), leading researcher, 350047, Russia, Krasnodar, 1 Liniya str., 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Kobets Pyotr Nikolaevich - Doctor of Law, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department of Scientific

Information, Training of Scientific Personnel and Ensuring the activities of Scientific Councils of the Center for Organizational Support of Scientific Activity, 121069, Russia, Moscow, Povarskaya str., 25, p. 1, pkobets37@rambler.ru

Andrey Vladislavovich Krotov - Doctor of Law, 603054, Russia, Nizhny Novgorod, 33 a/ya str., 33, pravonnov@yandex.ru

Kudratov Nekruz Abdunabievich - Doctor of Law, Tajik State University of Commerce, Dean of the Faculty, 734061, Tajikistan, Dushanbe, 1/2 Dekhoti str., room 309, nek-kudratov@mail.ru

Matveev Anton Gennadievich - Doctor of Law, Perm State National Research University, Professor of the Department of Civil Law, 614051, Russia, Perm Krai, Perm, ul. Uinskaya, 13, sq. 124, la-musica@yandex.ru

Alexey V. Novikov - Doctor of Pedagogical Sciences, Federal State Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia", Chief Researcher, Astrakhan State University, Professor of the Department of Criminal Law, 140072, Russia, Moscow region, village. Tomilino, Pushkin str., 59B, -, novikov.pravo@mail.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Controlstaff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmmos@rambler.ru

Rogova Evgeniya Viktorovna - Doctor of Law, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure, 664081, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, md. Winged, 24/3, sq. 20, rev-80@yandex.ru

Ryzhov Valery Borisovich - Doctor of Judicial Science (S. J. D. or J. S. D.), Moscow Institute of Jurisprudence, Head of the Forensic Laboratory, 125057, Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 75, building 1 A, sq. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Sayfutdinov Tahir Ismaildzhanovich - Doctor of Law, Kyrgyz-Kazakh University, Vice-Rector for Research, Osh State Law Institute, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, 80 Tuleberdieva Str., Bishkek, 720072, Kyrgyzstan, saifutdinovt@bk.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

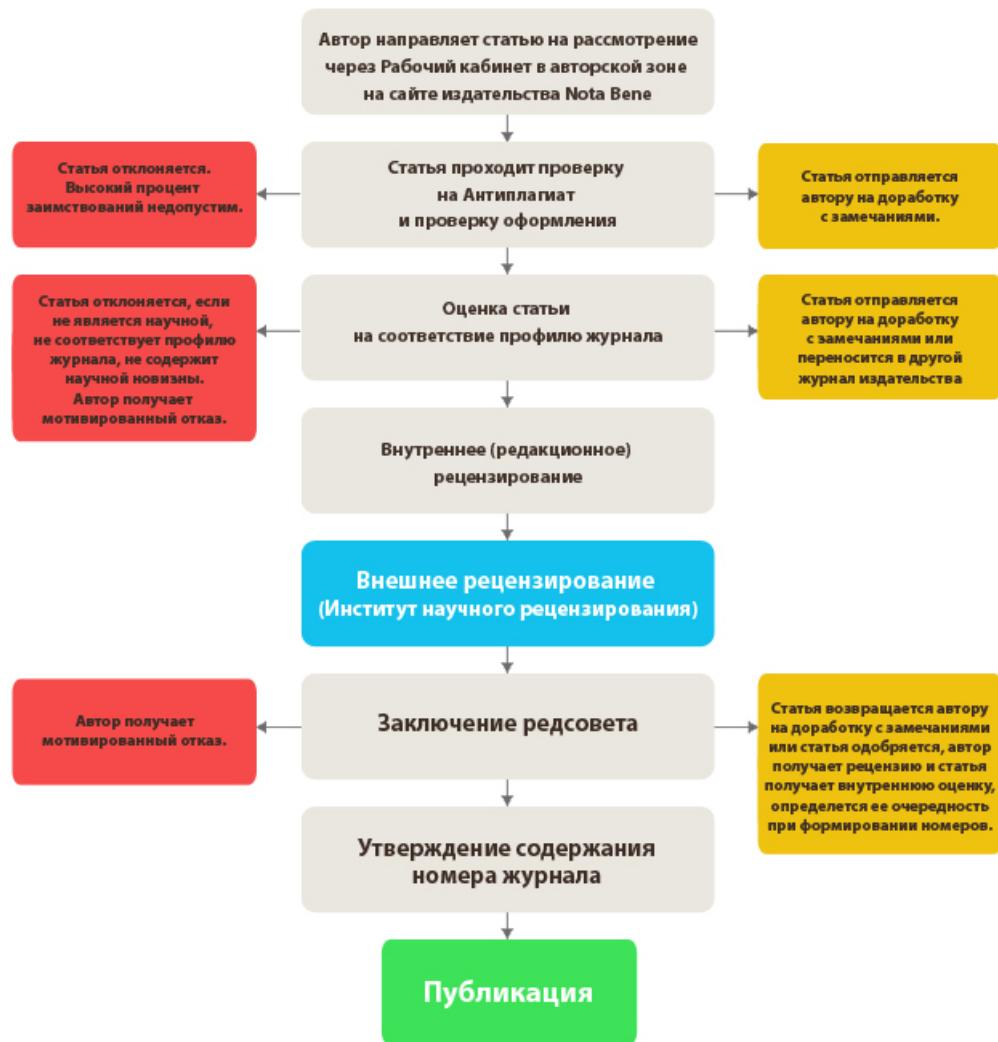
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Сергиенко С.Ю. Правовое обеспечение обработки персональных данных в сфере реализации туристского продукта: современные тенденции и цифровизация	1
Туршин А.И. Осмотр электронных доказательств в уголовном процессе: судебный аспект	18
Суворов И.К. Понятие юридического риска в современном российском правопорядке	31
Поярков С.Ю., Гончаров В.В. «Южный» конституционализм: особенности трансформации публичной власти в государствах Латинской Америки и Африки	50
Нгуен Т. Совершенствование тактики расследования торговли людьми на основе ситуационной теории: опыт России и рекомендации для Вьетнама	75
Согоян Д.П. Правосубъектность кредиторского сообщества в отношениях несостоятельности: теоретическое обоснование и практические следствия	101
Леканова Е.Е. К вопросу об осуществлении государством защиты детства, материнства, отцовства и семьи в семейно-правовой сфере	125
Англоязычные метаданные	136

Contents

Sergienko S.Y. Legal regulation of personal data processing in tourism product realization: current trends and digital transformation	1
Turshin A.I. Examination of digital evidence in criminal proceedings: judicial aspect	18
Suvorov I.K. The concept of legal risk in the modern Russian legal order	31
Poyarkov S.Y., Goncharov V.V. "Southern" constitutionalism: features of the transformation of public power in the countries of Latin America and Africa.	50
Nguyen T. Improving human trafficking investigation tactics based on situational theory: Russian experience and recommendations for Vietnam	75
Sogoian D.P. The legal capacity of the creditor community in insolvency relations: theoretical justification and practical consequences	101
Lekanova E.E. On the issue of the state protection of childhood, motherhood, paternity and family in the family law sphere	125
Metadata in english	136

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Сергиенко С.Ю. Правовое обеспечение обработки персональных данных в сфере реализации туристского продукта: современные тенденции и цифровизация // Юридические исследования. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.8.75123 EDN: LJPWRR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75123

Правовое обеспечение обработки персональных данных в сфере реализации туристского продукта: современные тенденции и цифровизация**Сергиенко Сергей Юрьевич**

ORCID: 0009-0008-9195-469X

аспирант; кафедра государственно-правовых дисциплин и цифрового права; Московский финансово-промышленный университет "Синергия"
юристконсульт; ООО Гео

660064, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, Кировский р-н, пр-кт им.газеты "Красноярский рабочий", д. 150, офис 119

[✉ 143417@mail.ru](mailto:143417@mail.ru)[Статья из рубрики "Человек и государство"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.8.75123

EDN:

LJPWRR

Дата направления статьи в редакцию:

10-07-2025

Дата публикации:

17-08-2025

Аннотация: Исследуется правовой механизм оснований обработки персональных данных исполнителями при заключении и исполнении договора о реализации туристского продукта, в том числе в условиях цифровизации отрасли. Предметом исследования выступают особенности применения правовых норм при обработке персональных данных туристов, обусловленные законодательством. Предмет исследования включает следующие аспекты: Нормативно-правовое регулирование обработки персональных данных в туристической сфере, включая: действующие правовые нормы в области защиты персональных данных; специальные требования к обработке данных в туризме; правоприменительную практику исполнителями услуг

законных оснований обработки персональных данных туристов; правоприменительную практику судебных инстанций (арбитражные суды, суды общей юрисдикции). Цель исследования – комплексный анализ существующих правовых механизмов обработки персональных данных и определение направлений их совершенствования в цифровой среде. В ходе исследования применены общенаучные (диалектический и системный), частнонаучные (сравнительно-правовой и формально-юридический) методы, проведен анализ нормативно-правовой базы с акцентом на практическое применение. Исследуются ФЗ "О персональных данных", ФЗ "Об основах туристской деятельности в РФ", договоры на предмет законности оснований для обработки персональных данных. Выводы исследования демонстрируют необходимость адаптации существующих правовых механизмов, регулирующих обработку персональных данных, к современным технологическим реалиям для устранения правовой неопределенности и повышения эффективности взаимодействия участников туристского рынка. Предлагается внесение дополнительных норм в ФЗ «Об основах туристской деятельности в РФ», регулирующих порядок и основания для обработки персональных данных туристов и заказчика по договору о реализации туристского продукта. Научная новизна исследования состоит в комплексном анализе правовых норм, выявлении пробелов в законодательстве, определяющих обработку персональных данных субъектов, и разработке предложений по их устранению. Практическая значимость работы определяется возможностью использования полученных результатов органами правоприменения и участниками договорных отношений при реализации туристского продукта. Материал будет полезен как субъектам туристской индустрии, так и организациям других сфер экономической деятельности, осуществляющим обработку персональных данных. Сформулированные выводы могут быть использованы при проведении дальнейших исследований в области обработки персональных данных.

Ключевые слова:

обработка персональных данных, цифровая трансформация, цифровизация, туристский продукт, реализация туристского продукта, турист, потребитель, персональные данные туриста, цифровизация реализации турпродукта, персональные данные

Введение

Развитие цифровых технологий обуславливает увеличение объемов обрабатываемых персональных данных (далее - ПД). Обработкой ПД признается любая операция автоматическими средствами или без таковых [\[13, с. 302\]](#). Создание комплексного механизма защиты прав в цифровой среде на сегодняшний день определяет меры совершенствования законодательства [\[1, с. 182\]](#). В условиях развития цифровых технологий международное сообщество выделяет ряд проблем, связанных с обработкой данных, среди которых: безопасность, согласие, доверие. Это обуславливает актуализацию этических аспектов в деятельности по обработке ПД [\[11, с. 4\]](#).

В современных условиях стремительного развития цифровых технологий туристическая индустрия также переживает глубокую трансформацию. Цифровая трансформация затрагивает все аспекты работы туристических компаний: от взаимодействия с клиентами до внутренних бизнес-процессов.

Цифровизация услуг становится ключевым трендом развития отрасли. Всё больше

операций переносится в онлайн-пространство: бронирование билетов и отелей, оплата услуг, оформление документов, сопровождение клиентов через мобильные приложения и веб-платформы. Современные технологии позволяют автоматизировать рутинные процессы и повысить качество обслуживания.

В условиях растущей роли цифровых технологий в сфере реализации товаров и услуг особое внимание законодателя уделяется правовому регулированию обработки и защиты ПД, что обуславливает повышенный интерес исследователей к данной проблематике и находит отражение в научных публикациях.

Значительный вклад в исследование правового регулирования в данной сфере внесли Э. В. Талапина, И. Г. Шаблинский, М. А. Федотов, Л. В. Лось, М. Б. Добробаба и другие учёные. Однако несмотря на существенность проведённых исследований, большинство работ носит общий характер либо фокусируется на иных отраслях права, не затрагивая специфику туристической сферы.

На сегодняшний день туристические компании активно внедряют инновационные решения:

- онлайн-платформы для бронирования;
- мобильные приложения для клиентов;
- системы электронного документооборота.

В процессе реализации туристических услуг происходит масштабная работа с личной информацией клиентов. В связи с этим особое внимание следует уделить вопросам, когда у лица, оказывающего услуги, появляется законное основание на обработку ПД туристов. Несмотря на наличие законодательной базы, регулирующей обработку ПД, на практике существуют затруднения по определению таких аспектов. Одним из основанием для обработки ПД является предоставление оператору согласия субъекта. При этом законодательно установлено, что согласие должно быть конкретным, информированным, сознательным, предметным и однозначным [\[5, с. 56\]](#).

Такие аспекты служат предметом исследования правоприменительной практики законодательства о ПД не только в российском праве в контексте туристической индустрии, но и в рамках зарубежного опыта. Тот факт, что защита ПД представляет собой сложную задачу для многих туристических компаний, находит отражение в зарубежных научных публикациях. Так, данный вопрос рассматривается в статье «*Protection of personal data in the tourism sector*» автора Lučić S [\[12, с. 203\]](#). В данной статье рассматриваются правовые аспекты необходимости получения согласия на обработку ПД при оказании туристических услуг в юрисдикции Евросоюза.

Правовые аспекты обработки ПД требуют дополнительного изучения, особенно в контексте:

- необходимости получения согласия на обработку данных, включая трансграничную передачу;
- избыточности сбора ПД [\[3, с. 27\]](#).

Правильное определение основания для обработки ПД субъектов, заключающих или планирующих заключить договоры о реализации туристских услуг, осложняется многоступенчатостью оказания услуг. Договор может быть заключен турагентом,

туристский продукт формируется туроператором, а непосредственное оказание услуг осуществляется различными исполнителями: перевозчиками, отельерами, гидами и другими участниками туристического рынка.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью внесения определенности в правовые нормы для обеспечения однозначного практического применения и защиты прав потребителей туристских услуг. Существующие правовые механизмы требуют адаптации к современным технологическим реалиям, что делает данную тему особенно значимой для развития туристической индустрии.

Практическая значимость исследования заключается в возможности разработки конкретных рекомендаций по совершенствованию правового регулирования обработки ПД в туристической сфере. Реализация предложенных мер позволит повысить уровень защиты информации и обеспечить соблюдение прав потребителей туристических услуг.

Цель исследования — комплексный анализ практического применения правовых оснований обработки ПД при реализации туристского продукта, включая условия цифровой трансформации туристической отрасли. Исследование направлено на определение необходимости совершенствования правового регулирования в части конкретизации правовых оснований обработки ПД.

Методология и организация исследования

Теоретическая база исследования сформирована на основе комплексного подхода к изучению правовых и технологических аспектов обработки ПД в туристической индустрии, что позволило всесторонне проанализировать существующие проблемы и перспективы развития данной сферы. В ходе исследования были применены следующие методы научного познания:

Общенаучные методы: диалектический метод и системный подход к изучению правовых отношений, которые позволили выявить закономерности и взаимосвязи в исследуемых процессах

Частнонаучные методы: сравнительно-правовой и формально-юридический методы, способствовавшие детальному анализу правовых норм и их сопоставлению

Специальные методы: метод анализа нормативно-правовых актов, обеспечивший изучение законодательной базы в сфере обработки персональных данных

Организация исследования включает следующие этапы:

1. Анализ действующего законодательства в сфере обработки ПД.
2. Изучение практики применения правовых норм в туристической отрасли.
3. Исследование особенностей многоступенчатой системы реализации туристского продукта.
4. Выявление проблемных аспектов правового регулирования и разработка рекомендаций по совершенствованию правового механизма.

Информационная база исследования включает:

- нормативно-правовые акты РФ (ФЗ «О персональных данных», ФЗ «Об основах туристской деятельности в РФ» (далее – Закон о туризме), Закон РФ «О защите прав потребителей» (далее - ЗОЗПП), Приказ Ростуризма от 27.11.2020 N 448-Пр-20, иные нормативные акты);

- материалы судебной практики;
- научные публикации по теме исследования.

Практическая основа исследования базируется на:

- изучении документации туристических компаний;
- анализе договоров о реализации туристского продукта;
- исследовании процессов обработки ПД.

Ожидаемые результаты исследования позволяют:

- выявить основные проблемы правового регулирования оснований для обработки ПД;
- разработать рекомендации по совершенствованию правового механизма.

Результаты исследования и их обсуждение.

На сегодняшний день отмечается, что вопрос о ПД является: «...отдельным динамично развивающимся правовым институтом» [\[4, с. 432\]](#). Отношения, связанные с обработкой ПД, регулируются ФЗ «О персональных данных». ПД — это «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу...» [\[2, с. 44\]](#).

Согласно статье 3 данного закона, обработка ПД включает любые действия с данными, осуществляемые как с использованием средств автоматизации, так и без них. Статья 6 закона определяет случаи допустимой обработки данных, среди которых, для целей реализации туристского продукта, выделяются:

- обработка с согласия субъекта ПД;
- обработка, необходимая для выполнения функций, возложенных на оператора законом;
- обработка, необходимая для заключения и исполнения договора.

Анализ закона о туризме показывает отсутствие прямого упоминания об обработке ПД. Однако закон содержит императивные нормы, устанавливающие обязанности турагента по уведомлению туроператора о заключенном договоре (ст. 10.1) и определяющие существенные условия договора, включающие сведения о туристах и заказчике (ст. 10). Статья 10.4 предусматривает обязанность передачи сведений в информационную систему «Электронная путевка» (ГИС) с установлением административной ответственности за несоблюдение этого требования [\[8, с. 2\]](#).

В соответствии с пунктом 19 Правил (Постановление Правительства РФ от 18.11.2020 N 1852) оказания услуг по реализации туристского продукта на исполнителя возлагается обязанность по принятию необходимых мер, обеспечивающих безопасность ПД потребителя при их обработке и использовании в процессе оказания услуг.

Реализация туристского продукта потребителям регулируется Законом о защите прав потребителей. В соответствии с абзацем 1 пункта 4 статьи 16 ЗОЗПП, потребитель обязан предоставить ПД, необходимые для заключения и исполнения договора. Закон также содержит запрет на включение в договор условий, ущемляющих права потребителя и противоречащих законодательству.

Типовая форма договора о реализации туристского продукта (утверждена Приказом Ростуризма от 27.11.2020 N 448-Пр-20) как публичный договор (ст. 426 ГК РФ), предусматривает в подпункте «г» пункта 3.3 обязанность заказчика предоставить согласие на обработку и передачу ПД туроператору и третьим лицам, оказывающим услуги по договору.

Особого внимания заслуживает Постановление Правительства РФ от 08.06.2019 N 748, устанавливающее Требования к использованию документов в электронной форме при взаимодействии туроператора, турагента, туриста и (или) иного заказчика в процессе реализации туристского продукта. Согласно пункту 5 данного нормативного акта, установлен обязательный порядок получения согласия на обработку и передачу ПД в случае направления заявки на реализацию туристского продукта или иных необходимых документов в электронной форме.

В процессе системного анализа нормативных правовых актов выявляются существенные противоречия в правовом регулировании. Согласно Федеральному закону «О персональных данных», допускается обработка ПД без согласия субъекта в случаях, непосредственно связанных с заключением и исполнением договора. Закон РФ «О защите прав потребителей» устанавливает запрет на включение в договор условий, противоречащих действующему законодательству. В соответствии с типовым договором, утвержденным уполномоченным органом, предусмотрено право исполнителя требовать получения согласия субъекта ПД на их обработку. Наряду с этим, Постановление Правительства РФ устанавливает обязательное получение согласия на использование электронных форм документов при осуществлении взаимодействия между участниками договорных отношений.

В результате анализа законодательного регулирования можно выделить специальный порядок взаимодействия участников гражданско-правовых отношений в цифровой среде при реализации туристского продукта. Данный порядок характеризуется наличием дополнительного правового атрибута в виде обязательного согласия на обработку ПД, что обуславливает усложнение соответствующего процесса и вступает в противоречие с ФЗ «О персональных данных», определяющим право обработки ПД в целях заключения и исполнения договоров без каких-либо ограничений на цифровую среду.

Законодательством предусмотрены особые требования к согласию на обработку ПД в отношении:

- специальной категории ПД;
- распространения ПД;
- биометрических ПД.

При этом электронный формат документов не относится к указанным требованиям, за исключением случаев, когда они содержат ПД указанных видов.

Как было отмечено, процесс реализации туристского продукта характеризуется многоступенчатостью. На первом этапе договор о реализации туристского продукта заключается турагентом. После этого информация передается туроператору, который осуществляет формирование туристского продукта. На последующем этапе оказание услуг осуществляется третьими лицами, привлекаемыми туроператором в качестве фактических исполнителей.

Важной особенностью данного процесса является то, что на каждом этапе многоступенчатого оказания услуг происходит обработка ПД субъектов — заказчиков или получателей услуг, в том числе в цифровой среде. Данный аспект обуславливает необходимость исследования документации и гражданско-правовых договоров исполнителей на предмет определения оснований обработки ПД.

Рассмотрим договоры турагентов, реализующих туристские продукты на интернет-платформах, с точки зрения содержания в них условий, касающихся обработки ПД. Механизм реализации туристских продуктов через интернет-платформы базируется на системе гражданско-правовых договоров присоединения, которые размещаются на соответствующих цифровых ресурсах. Ключевая особенность данных договоров заключается в отсутствии возможности модификации их условий со стороны потребителя туристских услуг.

На сайте «Слетать.ру» (<https://static.sletat.ru/offers/>, дата обращения: 24.06.2025), реализующем туры, размещена оферта ООО «МСУ Тех» о заключении договора о реализации туристского продукта. В пункте 9.1 оферты указано, что заказчик предоставляет согласие и подтверждает наличие согласия туристов на обработку персональных данных (в том числе на их трансграничную передачу) для исполнения договора. Также предусмотрено получение от турагента информационных сообщений посредством СМС-рассылок и e-mail.

Данный пункт дополнительно содержит условие о согласии на распространение ПД заказчика и туристов в сети Интернет. Согласие предоставляется на бессрочный период. Важной особенностью пункта является положение о возмещении заказчиком убытков, понесенных турагентом из-за предоставления недостоверной информации о наличии согласия туристов на обработку их ПД.

Анализ публичной оферты ООО «Мой горящий тур — Екб» (<https://moihottur.ru/output/ofert/>, дата обращения: 24.06.2025) на сайте показывает, что в пункте 11.1 документа содержится положение о предоставлении согласия на обработку ПД субъектов туроператору и турагенту в целях исполнения договора.

После заключения договора турагент осуществляет передачу сведений о ПД туроператору, который формирует туристский продукт. В целях исследования правовых аспектов обработки ПД целесообразно проанализировать договоры, заключаемые между турагентом и туроператором, на предмет наличия требований к получению согласия на обработку ПД туристов со стороны турагента, осуществляющего реализацию туристского продукта.

В пункте 3.3.32 договора (https://pix.intourist.ru/Files/File/adv/2024/oferta_intourist.pdf, дата обращения: 17.06.2025), предлагаемого туроператором «Интурист» турагентам к заключению, содержится условие, предусматривающее обязанность турагента получить письменное согласие на обработку ПД от туристов в целях исполнения договора сроком на 10 лет. Согласно положениям данного пункта, турагент, направляя заявку на бронирование туристского продукта, подтверждает наличие у него надлежащим образом оформленного согласия туристов на обработку их ПД. По смыслу данного положения можно сделать вывод о том, что при отсутствии такого согласия у турагента он не вправе направлять заявку на бронирование.

Аналогичное договорное условие предусмотрено пунктом 5.2.5 договора (https://www.alean.ru/page/dogovory_dokumenty/?label=1, дата обращения: 12.05.2024), предлагаемого туроператором ООО «Система Алеан» для заключения с турагентами.

Особого внимания заслуживает тот факт, что исследуемый договор включает приложение под названием «Примерное содержание положения договора о реализации туристского продукта или реализации услуги, заключаемого Агентом с физическим лицом, содержащее сведения о согласии субъекта персональных данных на их обработку». Данный документ устанавливает требование к турагенту о включении определенных условий, связанных с обработкой ПД, в договор, заключаемый с заказчиком туристского продукта.

Проведенный анализ демонстрирует, что рассматриваемые примеры договорных условий, предлагаемых туроператорами и турагентами, носят распространенный характер. Свобода договора между хозяйствующими субъектами, предоставленная гражданским законодательством, а также доминирующее положение туроператоров позволяет определять условия агентских договоров [\[7, с. 29\]](#). Вместе с тем согласие субъекта на обработку ПД не является единственным правовым основанием для осуществления таких действий [\[6, с. 42\]](#). Данная ситуация обуславливает необходимость проведения комплексной правовой оценки подобных договорных условий на предмет их соответствия положениям Федерального закона «О персональных данных», в частности, статьям 6, 9 указанного закона.

Условия обработки ПД определены статьей 6 Федерального закона «О персональных данных», обработка ПД в контексте рассматриваемых правоотношений допускается при соблюдении следующих условий:

1. Наличие согласия субъекта ПД.
2. Необходимость обработки ПД для достижения целей, установленных законодательством РФ.
3. Необходимость обработки ПД в целях заключения и исполнения договора.

Анализ указанных норм позволяет сделать вывод о том, что получение согласия на обработку ПД, под которой понимается любое действие (операция) либо совокупность действий (операций), совершаемых с использованием средств автоматизации или без использования таких средств, не требуется в случаях, когда такая обработка непосредственно связана с заключением и исполнением договора и осуществляется в соответствии с требованиями законодательства РФ.

К обязательным требованиям законодательства относятся:

- обязанность турагента по передаче данных туроператору о заключенных договорах о реализации туристского продукта;
- обязанность туроператоров по передаче данных о туристах и заказчике в государственную информационную систему (ГИС).

При обработке ПД, выходящей за рамки заключения и исполнения договора, необходимо получение согласия субъекта. Форма согласия на обработку ПД не ограничена письменной формой и может быть представлена в любой форме, позволяющей подтвердить факт его получения. При этом обязанность проверки полномочий представителя субъекта на предоставление согласия возлагается на оператора в силу императивных норм законодательства. В ФЗ «О персональных данных» не регламентирован конкретный порядок подтверждения полномочий представителя субъекта на передачу ПД. Однако полномочия могут быть реализованы законным представителем либо на основании надлежащим образом оформленной доверенности.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что попытки турагентов включить в договор о реализации туристского продукта условие о получении турагентом согласия субъектов на обработку ПД противоречат положениям ФЗ «О персональных данных». Такие действия не образуют состава правонарушения в части ФЗ «О персональных данных», предусмотренного КоАП РФ, и не влекут административной ответственности, однако не соответствуют требованиям к согласию субъекта на обработку ПД.

Указанное положение создавало правовую неопределенность. Данный правовой пробел устраняется после вступления в силу изменений в законодательстве с 1 сентября 2025 года. В соответствии с частью 4 статьи 9 указанного закона вводится новое положение: согласие субъекта ПД необходимо оформлять отдельным документом. Данное изменение закреплено в статье 4 Федерального закона от 24 июня 2025 г. № 156-ФЗ «О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

С момента вступления в силу дополнений к Федеральному закону «О персональных данных» включение согласия субъекта на обработку ПД в текст договора (вместо оформления отдельным документом) будет являться административным правонарушением, предусмотренным статьёй 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Данное нарушение квалифицируется как несоблюдение установленных требований при обработке ПД.

Кроме того, включение указанных условий непосредственно в текст договора может быть признано Роспотребнадзором ущемляющим установленные законом права потребителей. Данное обстоятельство влечет наступление предусмотренных законодательством правовых последствий, включая возможность привлечения к административной ответственности и обязанность устранить выявленные нарушения.

Подтверждением данных выводов служит Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 мая 2022 г. N 11АП-3919/22 по делу N А65-22746/2021, в котором суд отмечает, что условия договора не выражают самостоятельную волю и интерес потребителя, так как согласие последнего обусловлено наличием типографским способом напечатанного текста в договоре. Судом апелляционной инстанции рассмотрена жалоба заявителя на решение Роспотребнадзора о привлечении к административной ответственности. Заявитель оспаривал законность постановления о привлечении к ответственности за включение в договор условия о предоставлении согласия на обработку ПД, в том числе передачу третьим лицам, которое было признано ущемляющим права потребителя.

Установленные туроператорами требования о допуске к бронированию туристского продукта исключительно при наличии письменного согласия субъектов на обработку их ПД противоречат положениям законодательства и представляют собой попытку подмены публично-правовых норм частноправовыми конструкциями.

Следует отметить, что отказ в заключении договора о реализации туристского продукта при непредоставлении согласия на обработку ПД является незаконным и может повлечь следующие правовые последствия:

- возможность признания таких действий нарушением прав потребителей и привлечение к административной ответственности в соответствии с КоАП РФ;
- риск признания условий договора недействительными в судебном порядке;

- обязанность возмещения причиненного ущерба.

Заслуживает внимания апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 24 апреля 2024 г. N 33-8221/2024 в котором судебная коллегия дает подробную оценку согласия на обработку ПД путем включения такого согласия в текст договора на оказываемые услуги.

В судебном акте указывается, что «согласие формально истребуется только в случаях, когда иное не следует из контекста возникшей правовой связи, в частности, если наличие согласия не свидетельствуется конклюдентными действиями субъекта персональных данных по вступлению в отношения с оператором их обработки».

Суд отмечает, что при вступлении субъекта ПД в гражданско-правовые отношения, в силу императивных требований закона, происходит предоставление согласия на обработку ПД в объеме, необходимом для исполнения условий договора.

В анализируемом акте подчеркивается, что согласие на обработку ПД, включенное в типовой договор, носит безусловный характер и не предполагает возможности отказа субъекта от его предоставления, что противоречит принципу добровольности предоставления согласия.

Предоставление согласия на обработку ПД посредством конклюдентных действий при заключении гражданско-правового договора (включая заполнение веб-формы заявки) находит теоретическое обоснование в научной литературе [\[10, с. 16\]](#).

Заключение.

Обеспечение защиты ПД субъектов относится как к нормам публичного, так и частного права. С одной стороны, ПД представляют собой личную информацию, предоставление которой является субъективным правом индивидуума. С другой стороны, существуют сферы деятельности, реализация которых невозможна без обработки ПД. При этом развитие цифровых технологий, подчиняющихся определённой логике, оказывает трансформирующее воздействие на правовую систему, размывая границы между частным и публичным правом, что приводит к конфликтам с устоявшимися правовыми механизмами [\[9, с. 26\]](#).

Проведенное исследование выявило противоречивость правовых норм, определяющих основания для обработки ПД при реализации туристского продукта, в том числе в цифровой среде.

В правоприменительной практике среди операторов ПД сформировалось неверное толкование норм Федерального закона «О персональных данных» в части необходимости предоставления согласия на обработку ПД при реализации туристского продукта. Данная ситуация способствует неправомерным действиям операторов и ущемлению прав потребителей.

Анализ договорных конструкций показал, что они составлены с искажением соответствующих законодательных норм. Избыточные требования при вступлении в гражданско-правовые отношения создают дополнительные споры и препятствия для развития цифровой трансформации рынка туристских услуг.

Особого внимания заслуживает практика туроператоров, связывающих право бронирования с получением согласия на обработку данных. Такие требования представляют собой попытки регулирования публичных норм частноправовыми

конструкциями.

Исследование демонстрирует искажённое понимание воли законодателя, выраженной в Федеральном законе «О персональных данных». Основной целью данного закона является защита ПД субъекта, а не создание препятствий для вступления в гражданско-правовые отношения. При этом обработка ПД должна осуществляться в интересах субъекта, а не оператора.

Анализ фактического материала (типовые договоры о реализации туристского продукта, договоры туроператоров, оферты турагентов) выявил сложности в толковании Федерального закона «О персональных данных» в контексте туристской деятельности, обусловленную многоступенчатостью отношений между участниками.

Результаты исследования обосновывают необходимость внесения изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». Предлагаемые изменения должны детально регламентировать процедуру и основания обработки ПД при реализации туристского продукта, включая особенности взаимодействия всех участников правоотношений.

При разработке изменений необходимо учитывать принципы цифровизации, направленные на оптимизацию и повышение эффективности взаимодействия в ключевых отраслях экономики, к которым относится туристическая сфера. Это позволит обеспечить баланс между защитой ПД и удобством предоставления туристских услуг в условиях цифровой трансформации.

Библиография

1. Быстрыкова С. А. Развитие правового регулирования персональных данных в условиях формирования экономики данных в России / Быстрыкова С. А. // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 2 (230). – С. 179-182. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_2_179.
2. Добробаба М. Б. Понятие персональных данных: проблема правовой определенности / Добробаба М. Б. // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – Понятие персональных данных. – № 2 (102). – С. 42-52. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.102.2.042-052 EDN: MZFQKT
3. Еидин Б. А. Сбор избыточных данных: вопросы правового регулирования / Еидин Б. А., Кочеткова (Крымская) К. В. // Право и цифровая экономика. – 2022. – Сбор Избыточных Данных. – № 2 (16). – С. 27-32. DOI: 10.17803/2618-8198.2022.16.2.027-032 EDN: GLYBFM
4. Лось Л. В. Актуальные вопросы защиты персональных данных: обзор правовых позиций высших судебных инстанций / Лось Л. В. – [Электронный ресурс] // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве: сборник статей по результатам III Международной научно-практической конференции. – Симферополь : ООО "Издательство Типография "Ариал", 2024. – Актуальные вопросы защиты персональных данных. – С. 430-436. EDN: TKTSSY
5. Михеева И. В. Законодательство о защите персональных данных: неопределенность vs конкретности / Михеева И. В., Нахман Ф. Г. // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2023. – № 3 (17). – С. 52-59. DOI: 10.22394/2686-7834-2023-3-52-59 EDN: MTHGCK
6. Мищенкова К. В. Согласие как основание обработки персональных данных / Мищенкова К. В. // Universum: экономика и юриспруденция. – 2024. – № 4-1 (114). – С. 42-44. EDN: ORSBZX
7. Сергиенко С. Ю. О некоторых проблемных аспектах в регулирования гражданско-

- правовых отношений на туристическом рынке / Сергиенко С. Ю., Гриб В. Г. // Туризм: право и экономика. – 2024. – № 2 (89). – С. 27-30. DOI: 10.18572/1813-1212-2024-2-27-30 EDN: CWWGRZ
8. Сергиенко С. Ю. Проблемы правоприменения положения об электронной путевке при реализации туристского продукта / Сергиенко С. Ю. // Международный научно-исследовательский журнал. – 2025. – № 3 (153). – С. 1-4. DOI: 10.60797/IRJ.2025.153.102.
9. Талапина Э. В. Право на информационное самоопределение: на грани публичного и частного / Талапина Э. В. // Право. Журнал высшей школы экономики. – 2022. – Право на информационное самоопределение. – № 5. – С. 24-43. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.5.24.43 EDN: JYVMRV
10. Шаблинский И. Г. Правовое регулирование информационных отношений в сфере обработки персональных данных: учебное пособие для вузов / Шаблинский И. Г.; Федотов М. А. ред. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024.
11. Eke D. Ethics in the governance of data and digital technology: an analysis of european data regulations and policies / Eke D., Stahl B. // Digital Society. – 2024. – Vol. 3. – Ethics in the Governance of Data and Digital Technology. – № 1. – P. 1-23. DOI: 10.1007/s44206-024-00101-6 EDN: QOJFMQ
12. Lučić S. Protection of personal data in the tourism sector / Lučić S. // Menadzment u hotelijerstvu i turizmu. – 2023. – № 11(1). – P. 193-206. DOI: 10.5937/menhottur2301193L
13. Lynskey O. Complete and effective data protection / Lynskey O. // Current Legal Problems. – 2023. – Vol. 76. – № 1. – P. 297-344. DOI: 10.1093/clp/cuad009 EDN: JMNAQS

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, правовое обеспечение обработки персональных данных в сфере реализации туристского продукта. Автор сосредоточил внимание на анализе соответствующих современных тенденций и цифровизации. Заявленные границы исследования соблюdenы ученым.

Методология исследования раскрыта: "Теоретическая база исследования сформирована на основе комплексного подхода к изучению правовых и технологических аспектов обработки ПД в туристической индустрии. В ходе исследования применены общенаучные методы (анализ нормативно-правовых актов, системный подход к изучению правовых отношений, сравнительно-правовой, формально-юридический, диалектический)". Однако сравнительно-правовой и формально-юридический методы относятся к частнонаучным. Следовательно, методология исследования нуждается в уточнении.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Актуальность исследования обусловлена необходимостью внесения определенности в правовые нормы для обеспечения однозначного практического применения и защиты прав потребителей туристских услуг. Существующие правовые механизмы требуют адаптации к современным технологическим реалиям, что делает данную тему особенно значимой для развития туристической индустрии. Практическая значимость исследования заключается в возможности разработки конкретных рекомендаций по совершенствованию правового регулирования обработки ПД в туристической сфере. Реализация предложенных мер позволит повысить уровень защиты информации и обеспечить соблюдение прав потребителей туристических услуг".

Ученым раскрыта степень изученности рассматриваемых в статье проблем: "Такие аспекты служат предметом исследования правоприменительной практики законодательства о ПД не только в российском праве в контексте туристической индустрии, но и в рамках зарубежного опыта. Тот факт, что защита ПД представляет собой сложную задачу для многих туристических компаний, находит отражение в зарубежных научных публикациях. Так, данный вопрос рассматривается в статье «Protection of personal data in the tourism sector» автора Lučić S.[12, с. 203] Правовые аспекты обработки ПД требуют дополнительного изучения, особенно в контексте: - необходимости получения согласия на обработку данных, включая трансграничную передачу; - избыточности сбора ПД.[3, с. 27]".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "В процессе системного анализа нормативных правовых актов выявляются существенные противоречия в правовом регулировании. Согласно Федеральному закону «О персональных данных», допускается обработка ПД без согласия субъекта в случаях, непосредственно связанных с заключением и исполнением договора. Закон РФ «О защите прав потребителей» устанавливает запрет на включение в договор условий, противоречащих действующему законодательству. В соответствии с типовым договором, утвержденным уполномоченным органом, предусмотрено право исполнителя требовать получения согласия субъекта ПД на их обработку. Наряду с этим, Постановление Правительства РФ устанавливает обязательное получение согласия на использование электронных форм документов при осуществлении взаимодействия между участниками договорных отношений. В результате анализа законодательного регулирования можно выделить специальный порядок взаимодействия участников гражданско-правовых отношений в цифровой среде при реализации туристского продукта. Данный порядок характеризуется наличием дополнительного правового атрибута в виде обязательного согласия на обработку ПД, что обуславливает усложнение соответствующего процесса и вступает в противоречие с ФЗ «О персональных данных», определяющим право обработки ПД в целях заключения и исполнения договоров без каких-либо ограничений на цифровую среду"; "Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что попытки турагентов включить в договор о реализации туристского продукта условие о получении турагентом согласия субъектов на обработку ПД противоречат положениям ФЗ «О персональных данных». Такие действия не образуют состава правонарушения в части ФЗ «О персональных данных», предусмотренного КоАП РФ, и не влекут административной ответственности, однако не соответствуют требованиям к согласию субъекта на обработку ПД. Указанное положение создавало правовую неопределенность. Данный правовой пробел устраняется после вступления в силу изменений в законодательстве с 1 сентября 2025 года. В соответствии с частью 4 статьи 9 указанного закона вводится новое положение: согласие субъекта ПД необходимо оформлять отдельным документом. Данное изменение закреплено в статье 4 Федерального закона от 24 июня 2025 г. № 156-ФЗ «О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». С момента вступления в силу дополнений к Федеральному закону «О персональных данных» включение согласия субъекта на обработку ПД в текст договора (вместо оформления отдельным документом) будет являться административным правонарушением, предусмотренным статьей 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Данное нарушение квалифицируется как несоблюдение установленных требований при обработке ПД. Кроме того, включение указанных условий непосредственно в текст договора может быть признано Роспотребнадзором ущемляющим установленные законом права потребителей. Данное обстоятельство влечет наступление предусмотренных законодательством правовых

последствий, включая возможность привлечения к административной ответственности и обязанность устранить выявленные нарушения" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, раскрывает его методологию. В основной части работы автор осуществляет комплексный анализ практического применения правовых оснований обработки персональных данных при реализации туристского продукта, включая условия цифровой трансформации туристической отрасли. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Современные технологии, позволяют автоматизировать рутинные процессы и повысить качество обслуживания" - запятая является лишней.

Ученый отмечает: "В связи с этим, особое внимание следует уделить вопросам, когда у лица, оказывающего услуги, появляется законное основание на обработку ПД туристов" - первая запятая является лишней.

Автор указывает: "Несмотря на наличие законодательной базы, регулирующей обработку ПД, на практике существует затруднения по определению таких аспектов" - "существуют" (опечатка).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки и пунктуационные ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 13 источниками (научными статьями, учебным пособием), в том числе на английском языке. С формальной точки зрения этого достаточно.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер. В научную дискуссию с конкретными учеными автор не вступает, ссылаясь на ряд теоретических источников исключительно в обоснование своих суждений либо для иллюстрирования отдельных положений работы.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Обеспечение защиты ПД субъектов относится как к нормам публичного, так и частного права. С одной стороны, ПД представляют собой личную информацию, предоставление которой является субъективным правом индивидуума. С другой стороны, существуют сферы деятельности, реализация которых невозможна без обработки ПД. При этом развитие цифровых технологий, подчиняющихся определённой логике, оказывает трансформирующее воздействие на правовую систему, размывая границы между частным и публичным правом, что приводит к конфликтам с устоявшимися правовыми механизмами.[9, с. 26] Проведенное исследование выявило противоречивость правовых норм, определяющих основания для обработки ПД при реализации туристского продукта, в том числе в цифровой среде. В правоприменительной практике сформировалось неверное толкование норм Федерального закона «О персональных данных» в части необходимости предоставления согласия на обработку ПД при реализации туристского продукта. Данная ситуация способствует неправомерным действиям операторов и ущемлению прав потребителей. Анализ договорных конструкций показал, что они составлены с искажением соответствующих законодательных норм. Излишние требования при вступлении в гражданско-правовые отношения создают дополнительные споры и препятствия для развития цифровой трансформации рынка туристских услуг. Особого внимания заслуживает практика туроператоров, связывающих право

бронирования с получением согласия на обработку данных. Такие требования представляют собой попытки регулирования публичных норм частноправовыми конструкциями. Исследование демонстрирует искажённое понимание воли законодателя, выраженной в Федеральном законе «О персональных данных». Основной целью данного закона является защита ПД субъекта, а не создание препятствий для гражданско-правовых отношений. При этом обработка ПД должна осуществляться в интересах субъекта, а не оператора"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере гражданского права, информационного права при условии ее доработки: уточнении методологии исследования, введении дополнительных элементов дискуссионности, устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Правовое обеспечение обработки персональных данных в сфере реализации туристского продукта: современные тенденции и цифровизация».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам правового регулирования отношений по поводу обработки персональных данных в сфере реализации туристского продукта. Автором отмечается, что на сегодня «туристические компании активно внедряют инновационные решения: - онлайн-платформы для бронирования; - мобильные приложения для клиентов; - системы электронного документооборота». Всё сказанное требует обработки большого количества персональных данных. В связи с этим встает вопрос о необходимости регулирования. Именно правовую базу и практику в данной сфере исследует автор рецензируемой статьи. В качестве конкретного предмета исследования выступили положения законодательства, мнения ученых, материалы практики.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье заявлена: «комплексный анализ практического применения правовых оснований обработки ПД при реализации туристского продукта, включая условия цифровой трансформации туристической отрасли. Исследование направлено на определение необходимости совершенствования правового регулирования в части конкретизации правовых оснований обработки ПД». Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования. Как указано в самой статье, Общенаучные методы: «диалектический метод и системный подход к изучению правовых отношений, которые позволили выявить закономерности и взаимосвязи в исследуемых процессах». В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ

и осуществить толкование норм действующего законодательства. Например, следующий вывод автора: «В процессе системного анализа нормативных правовых актов выявляются существенные противоречия в правовом регулировании. Согласно Федеральному закону «О персональных данных», допускается обработка ПД без согласия субъекта в случаях, непосредственно связанных с заключением и исполнением договора. Закон РФ «О защите прав потребителей» устанавливает запрет на включение в договор условий, противоречащих действующему законодательству».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема правового регулирования отношений по поводу обработки персональных данных в сфере реализации туристского продукта сложна и неоднозначна. С одной стороны, имеется общее регулирование, которое касается законодательства о персональных данных в целом. С другой стороны, имеется серьезная специфика изучаемой автором сферы, которая должна быть учтена при совершенствовании законодательства, а также при формировании практики. Сложно спорить с автором рецензируемой статьи в том, что «В условиях растущей роли цифровых технологий в сфере реализации товаров и услуг особое внимание законодателя уделяется правовому регулированию обработки и защиты ПД, что обуславливает повышенный интерес исследователей к данной проблематике и находит отражение в научных публикациях».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод: «Анализ договорных конструкций показал, что они составлены с искажением соответствующих законодательных норм. Избыточные требования при вступлении в гражданско-правовые отношения создают дополнительные споры и препятствия для развития цифровой трансформации рынка туристских услуг».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию действующего законодательства. В частности,

«Результаты исследования обосновывают необходимость внесения изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». Предлагаемые изменения должны детально регламентировать процедуру и основания обработки ПД при реализации туристского продукта, включая особенности взаимодействия всех участников правоотношений».

Приведенный вывод может быть актуален и полезен для правотворческой деятельности.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с регулированием отношений по поводу персональных данных.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг поставленной цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной

мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и из-за рубежа (Быстрякова С.А., Добробаба М.Б., Едидин Б.А., Сергиенко С.Ю., Талапина Э.В., Lučić S. Lynskey O. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области защиты персональных данных.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам защиты персональных данных в сфере туристских услуг.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Туршин А.И. Осмотр электронных доказательств в уголовном процессе: судебный аспект // Юридические исследования. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.8.75591 EDN: QMKBZL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75591

**Осмотр электронных доказательств в уголовном процессе:
судебный аспект****Туршин Андрей Иванович**

ORCID: 0009-0005-2926-9091

аспирант, кафедра уголовно-процессуального права им. Н.В. Радуной; Российский государственный
университет правосудия

152850, Россия, Ярославская область, г. Пощепонье, наб. реки Сожи, 2, кв. 9

 antursh@yandex.ru[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок "](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.8.75591

EDN:

QMKBZL

Дата направления статьи в редакцию:

15-08-2025

Дата публикации:

22-08-2025

Аннотация: Предметом исследования является осмотр электронных доказательств как следственное действие, проводимое на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства. Целью исследования является выработка научно-практических рекомендаций по вопросам осмотра электронных доказательств в ходе судебного следствия. Развитие и повсеместное распространение цифровых технологий приводит к тому, что всё чаще следы преступления оказываются зафиксированы в электронной форме. В связи с этим в доктрине появляются предложения о закреплении в УПК РФ электронных следственных действий. Отдельные особенности взаимодействия с электронной информацией получают отражение и в зарубежных странах. Однако исследователи крайне редко обращаются к стадии судебного разбирательства, не анализируя порядок исследования электронных доказательств в суде. В связи с чем в

настоящей статье предпринята попытка раскрыть особенности осмотра электронных доказательств. Для достижения поставленной цели использовались как общенаучные методы познания, так и специально-юридические методы. Метод анализа судебной практики использован для уяснения особенностей исследования электронных доказательств. Метод сравнительного правоведения позволил проанализировать релевантное законодательство зарубежных стран, установить его преимущества и недостатки. Формально-юридический метод использовался для уяснения содержания правовых норм. На основании анализа работ С.В. Зуева, Р.И. Оконенко, М.С. Сергеева, А.Б. Смушкина, К.Ю. Яковлевой установлено, что вопросы осмотра электронных доказательств судом ранее не получали широкого освещения. В результате исследования автором был проведён детальный анализ института осмотра электронных доказательств как следственного действия. Элементами новизны обладает выделение трёх основных видов осмотра электронной информации в судебном разбирательстве: осмотр сформированных на досудебном этапе электронных доказательств, осмотр электронных носителей информации, предоставленных сторонами в ходе судебного разбирательства, осмотр онлайн-источников. Вклад автора заключается в том, что была обоснована необходимость дополнения действующего уголовно-процессуального закона статьёй, регулирующей порядок судебного осмотра электронных доказательств и их приобщения к уголовному делу. Предложен проект статьи УПК РФ, посвящённой судебному осмотру электронных доказательств. Такое решение позволит устранить существующий пробел в законодательстве, предусмотрев специальное следственное действие для исследования электронных доказательств, обеспечивающее единобразие судебной практики.

Ключевые слова:

электронные доказательства, осмотр электронных доказательств, электронный осмотр, дистанционный осмотр, судебное следствие, цифровизация, следственные действия, электронные носители информации, доказывание, уголовное судопроизводство

В современном уголовном судопроизводстве часто возникает необходимость обращения к различной электронной информации, имеющей доказательственное значение. Примером являются аудио- или видеозаписи, сведения с сайтов и страниц в сети «Интернет», переписка в социальных сетях, мессенджерах, лог-файлы, метаданные и иные данные, при помощи которых устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию [\[17, С. 23-33\]](#).

Как известно, доказательства собираются и исследуются в строгом соответствии с установленной законом процессуальной формой — при помощи следственных и иных процессуальных действий (ст. 86, 240 УПК РФ). В ряде научных публикаций выделяются особенности электронной информации, которые определяют порядок её сортирования и исследования. Так, А. Б. Смушкин пишет, что первичное объективное отражение события остаётся в памяти электронных носителей в виде, который человек не способен напрямую воспринимать, в связи с чем информация приводится в понятный вид с помощью компьютерных устройств и программ, что, например, позволяет воспринимать такую информацию дистанционно, создавать её абсолютно идентичные копии [\[10, С. 168-170\]](#). Однако в главах 24-27, 37 УПК РФ, которые посвящены следственным действиям и судебному следствию, не учитываются особенности взаимодействия с электронной информацией. В доктрине высказываются предложения о включении в УПК РФ группы

«электронных следственных действий». Например, М.С. Сергеев в своей диссертационной работе предложил закрепить в уголовно-процессуальном законе электронный осмотр, обыск, выемку и наблюдение, общей чертой которых будет направленность на обнаружение, восприятие и фиксацию электронной доказательственной информации [\[9, С. 17, 262\]](#).

Следует отметить, что досудебное доказывание имеет более поисковую природу, поэтому, будучи направленным на обнаружение и закрепление сведений в материалах уголовного дела, оно не гарантирует полноценной состязательности [\[11, С. 11-12\]](#). Таким образом, полученные в ходе досудебного производства сведения становятся полноценными доказательствами в результате состязательного исследования в ходе судебного разбирательства, после чего они могут быть положены в основу приговора суда [\[4, С. 11-14\]](#). В связи с чем в настоящей статье внимание будет сосредоточено на таком следственном действии, как осмотр, поскольку, в отличие от обыска и выемки, различные виды осмотра могут проводиться не только во время предварительного расследования, но и в ходе судебного разбирательства (284, 287 УПК РФ).

С.Б. Россинский определяет, что сущность осмотра заключается в непосредственном восприятии (изучении) фрагментов объективной реальности, а также их фиксации в протоколе с возможностью изъятия для приобщения к материалам уголовного дела [\[8, С. 180-181\]](#). Автор указывает, что при наличии условий следователь должен стремиться к обеспечению возможности непосредственного исследования доказательства в судебном разбирательстве, так как протокол осмотра носит вторичный характер, поскольку, в отличие от прямого отражения следа, является повторным его отражением через сознание изготавливающего протокол лица [\[8, С. 183-184\]](#). Таким образом, исследование электронных доказательств не обязательно должно ограничиваться лишь оглашением соответствующего протокола следственного действия, а может представлять непосредственное восприятие информации судом.

М.С. Сергеев подробно описывает порядок проведения электронного осмотра следователем, однако конструирует его исключительно как следственное действие для досудебных стадий (следователь является единственным участвующим субъектом доказывания, отсутствует вариант для главы 37 УПК РФ) [\[9, С. 313\]](#).

Следует согласиться с Р.И. Оконенко в том, что электронное доказательство не может быть исследовано путём только внешнего осмотра электронного носителя как предмета материального мира. Необходимо совершение действий в виртуальной среде, которые направлены на установление содержания такого носителя, например, открытие файлов, папок с файлами, изучение их свойств, в том числе с применением подходящего программного обеспечения [\[6, С. 8-9\]](#). Аналогичную мысль высказал В.В. Момотов, поскольку в судебном разбирательстве электронные доказательства должны быть визуализированы, исследованы надлежащим образом, в противном случае невозможно установить и учесть их содержание [\[5, С. 5\]](#).

К.Ю. Яковлева также предлагает закрепить понятие дистанционного осмотра электронной информации, понимая под этим выявление, изъятие и фиксацию информации, к которой предоставляется доступ неограниченного круга лиц [\[13, С. 43-44\]](#). Заслуживает поддержки её вывод о том, что электронная информация по возможности должна быть сохранена в первоначальном (электронном) виде, поскольку таким образом остаются зафиксированы различные метаданные, которые могут быть утеряны при

переносе в формат бумажного документа. Для подтверждения достоверности электронной информации ей выдвинуто предложение о фиксации в протоколах следственных и иных процессуальных действий контрольной суммы электронной информации [14, С. 43]. Контрольная сумма файла представляет собой строку символов, получаемую в результате работы математического алгоритма, который не затрагивает содержимое исходной информации. Контрольные суммы совпадают при тождественности самих электронных документов и позволяют установить аутентичность электронного документа подобно штампу или печати на бумажном документе [18, С. 16]. Таким образом можно установить идентичность копии и оригинала электронной информации, а также идентичность одного и того же материала самому себе в разные периоды времени, например в момент осмотра следователем и судом. Достаточно сравнить контрольную сумму, зафиксированную в протоколе на момент осмотра доказательства следователем, и вновь установленную во время осмотра в суде. Если они совпадают, то сведения остались неизменными, что позволяет продемонстрировать, что достоверность электронного доказательства не была нарушена с момента его собирания до момента исследования в суде.

В то же время представляется ошибочным утверждение о том, что возможен осмотр исключительно общедоступных сведений. Субъекты доказывания могут проводить осмотр информации, которая, хотя и не находится в свободном доступе для неограниченного круга лиц, а, например, защищена паролем, но добровольно представляется владельцем для включения в доказательственную базу. В таком случае отсутствует поиск и принудительное изъятие сведений без согласия их обладателя, которое характерно для обыска и выемки.

В отношении электронных следственных действий критерием разграничения является осведомленность владельца информации о проведении в отношении информации следственных действий и наличие его добровольного согласия, а также тип осматриваемого устройства [12, С. 103]. Таким образом, прослеживается понятное разграничение. Осмотр электронных доказательств — это наблюдение (исследование) и фиксация доступной субъекту доказывания электронной информации с сохранением её целостности, в то время как обыск или выемка предполагают отыскание и изъятие электронных носителей информации или самой информации вопреки воле её владельца. Представляется, что осмотр может быть следующим шагом после изъятия, поскольку следователю необходимо ознакомиться с полученной информацией, выяснить её содержание и сделать вывод о её соответствии признакам, которые закон предъявляет к доказательствам, по возможности зафиксировать её контрольную сумму.

Помимо доктринальных разработок отечественных учёных, несомненный интерес представляет и опыт зарубежных стран, которые включили в законодательство нормы, регламентирующие отдельные особенности осмотра электронных доказательств.

Так, согласно ч. 3 ст. 110 УПК ФРГ, допускается осмотр электронных носителей лица, подвергшегося обыску [1]. Такой осмотр может распространяться на находящиеся на удалённом расстоянии электронные носители, доступные с первоначального устройства, когда существует риск, что в противном случае искомые данные будут утрачены. В ходе судебного следствия каких-либо специальных правил по осмотру электронных доказательств прямо не предусмотрено, однако следует отметить ч. 5 ст. 244 УПК ФРГ, закрепляющую общее правило о том, что ходатайство о производстве осмотра может быть отклонено, если по дискреционному усмотрению суда такой осмотр не является необходимым для установления истины. Такой подход позволяет обезопасить процесс от

чрезмерного потока сомнительной электронной информации, достоверность которой суд подтвердить не может, а доказательственная ценность которой мала либо неочевидна.

В УПК Французской Республики существует статья 57-1, регулирующая осмотр компьютерных систем^[2]. Согласно ей, проводящие обыск лица вправе получить доступ к значимой для расследования информации в компьютерной системе в обыскиваемом помещении либо находящейся на расстоянии компьютерной системе, доступ к которой возможен при использовании первоначальной. Правоохранители имеют право в предусмотренной законом форме потребовать от любого лица, которое может быть осведомлено о мерах, применённых для защиты данных, доступ к которым осуществляется в рамках обыска, передачи информации, обеспечивающей доступ к указанным данным. Стоит отметить, что упомянутый осмотр компьютерных систем скорее составляет элемент обыска, что в целом характерно для зарубежных стран в случаях, когда осмотр носит принудительный характер^[1].

Особый интерес представляет УПК Республики Беларусь, где получила закрепление статья 204.1 «Осмотр компьютерной информации»^[3]. Данная норма предоставляет ряд дополнительных гарантий владельцам электронных носителей. Так, осмотр информации, доступ к которой осуществляется посредством аутентификации пользователя (например, вводом пароля или сканированием отпечатка пальца), либо информации, составляющей личную или иную охраняемую законом тайну, либо иным образом ограниченной в распространении, возможен только с согласия владельца такой информации либо с санкции прокурора (за исключением случаев, не терпящих отлагательств). В случае, если компьютерная информация или аутентификационные данные были ранее получены в ходе следственного действия, санкционированного прокурором, повторно получать разрешение на осмотр такой информации не требуется. Подобный подход представляется достаточно гибким и, с одной стороны, гарантирует владельцам информации защиту от необоснованного доступа к ней, но и допускает возможность лиц, ведущих расследование, провести с одобрения прокурора осмотр информации, имеющей важное значение для расследования. Для обеспечения допустимости полученных доказательств ведётся протокол с указанием, какое оборудование использовалось в ходе осмотра, как осуществлялся доступ к информации, какие действия с ней проводились и какие результаты были получены.

Приведённые примеры показывают, что отечественные исследователи и зарубежные законодатели, как правило, не выделяют особенностей осмотра электронных доказательств во время судебного разбирательства. Это характерно и для российского уголовного процесса. На сегодняшний день в судебном разбирательстве осмотр электронных носителей проводится по правилам ст. 284 УПК РФ, которая регулирует осмотр вещественных доказательств. Использование данной статьи может вызывать затруднения при переходе к облачному способу хранения электронных доказательств, когда исследуемые данные сохранены в виртуальном формате, например системе электронного уголовного дела, как это имеет место в Республике Казахстан^[2, С. 90]. В таком случае отсутствует явно обособленный, приобщённый к материалам уголовного дела предмет, сохранивший следы преступления. Также в судебной практике нередко встречается ситуация, когда сторона защиты в апелляционной жалобе указывает, что суд положил в основу приговора неисследованное электронное доказательство. Как правило, суды вышестоящей инстанции отмечают, что процессуальные нормы не нарушены. Например, в апелляционном определении судебной коллегии по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда от 28.02.2025 по делу № 22-576/2025

установлено, что все протоколы обнаружения и изъятия мобильных и компьютерных устройств, электронных носителей информации исследованы судом первой инстанции, стороной защиты ходатайства о непосредственном осмотре в порядке 284 УПК РФ заявлено не было. Таким образом, суд апелляционной инстанции пришёл к выводу, что порядок исследования доказательств не был нарушен.

Ещё одной проблемой являются пределы осмотра электронного носителя, на котором хранится доказательство. Как верно отмечает С.Г. Коновалов, признание единичного электронного документа самостоятельным доказательством позволяет избежать ситуации, когда по логике закона суд обязан ознакомиться с содержимым электронного носителя как с обычным вещественным доказательством, то есть исследовать его полным и всесторонним образом, что практически невозможно, а логически нецелесообразно, когда, например, сторона представляет для исследования свой мобильный телефон, содержащий сотни неотносимых к делу файлов [\[3\]](#). Подобная мысль подтверждается судебной практикой, например, Седьмой кассационный суд общей юрисдикции в постановлении от 23 ноября 2023 г. по делу № 7У-9741/2023[77-4574/2023] указал, что электронный носитель, в частности диск, может не иметь самостоятельного доказательственного значения, поскольку в доказательственную базу входят именно конкретные сведения, записанные на этот диск. Ключевое значение имеет то, чтобы эти сведения получались и исследовались в соответствии с законом.

Согласно ст. 240 УПК РФ, в обоснование приговора могут быть положены только непосредственно исследованные доказательства. В указанной статье перечислены способы исследования доказательств, а именно: заслушивание показаний или заключений, оглашение протоколов и иных документов, осмотр вещественных доказательств, кроме того, перечень открыт и предполагает, что могут быть проведены судебные действия по исследованию доказательств. Заслушивание предлагает выступление живого человека, который в устной форме сообщает перед судом и сторонами какую-либо информацию. Оглашение уместно для текстовых данных, в том числе представленных в виде электронного документа, однако при необходимости восприятия визуального, динамического, смешанного контента (изображение, аудио-, видеозапись, метаданные файла) следует проводить осмотр электронного доказательства с фиксацией используемых устройств, последовательности действий, свойств и содержания исследуемой информации.

Во время судебного разбирательства могут быть осмотрены несколько видов электронной информации, имеющей доказательственное значение, природа которых различается.

Первый вариант — это сведения, которые были ранее собраны и приобщены в качестве доказательств на досудебных стадиях. Они получили предварительное процессуальное оформление, их допустимость подтверждается тем, что они собраны (сформированы) надлежащими субъектами в ходе процедур, предусмотренных уголовно-процессуальным законом. На момент судебного разбирательства такие сведения уже должны были пройти проверку подлинности, если она была необходима, например, путём проведения экспертизы. Как правило, в материалах уголовного дела также имеются протоколы следственных и иных процессуальных действий, отражающие порядок сопирания и приобщения электронных доказательств. Данные документы имеет смысл огласить перед непосредственным исследованием электронного носителя и содержащейся на нём информации, поскольку таким образом суд может установить основания и законность появления конкретного электронного доказательства в материалах уголовного дела, обстоятельства его хранения, характеристики электронной информации (например,

сравнить контрольную сумму, если она фиксировалась) и другие имеющие значение сведения.

Как отмечалось ранее, в судебной практике признаётся допустимым оглашение протокола осмотра электронной информации, который проводился следователем на досудебных стадиях уголовного процесса. Вместе с тем у некоторых участников судопроизводства возникает недопонимание, которое приводит к обжалованию приговора по причине его обоснования неисследованными доказательствами. Чтобы избежать подобного диссонанса, суд имеет возможность после оглашения протокола следственного действия выяснить мнение сторон о необходимости непосредственного осмотра электронной информации, которая была описана в протоколе следственного действия.

Следующим вариантом является информация на электронных носителях, которые стороны принесли для осмотра и приобщения в качестве доказательства в ходе судебного разбирательства. Получение новых доказательств в судебном разбирательстве допускается в силу разъяснения Конституционного суда РФ, согласно которому закон не допускает произвольного отказа в приобщении и исследовании судом доказательств, за исключением ситуаций, когда такие сведения не относятся к рассматриваемому делу, с их помощью невозможно установить обстоятельства, подлежащие доказыванию, сведения получены с нарушением закона, либо устанавливаемое при помощи этих сведений обстоятельство уже нашло подтверждение

^[4] или было опровергнуто при помощи достаточной совокупности доказательств. Таким образом, следует выяснить, законно ли собрана данная информация, не нарушались ли при её получении права граждан и организаций, имеет ли она отношение к рассматриваемому делу, почему она не была приобщена ранее, на этапе предварительного расследования (соответствие ст. 75 УПК РФ). Суд может как принять такие доказательства без дополнительной проверки, так и направить электронный носитель для проведения экспертизы его подлинности.

Третья ситуация возникает, когда исследуется электронная информация, находящаяся в информационно-телекоммуникационных сетях, например сети «Интернет». Очевидно, что в ходе судебного следствия невозможен поиск новой, ранее неизвестной для сторон информации в глобальной сети, поскольку это превратило бы суд в полицейский субъект, самостоятельно занимающийся поиском доказательств, что противоречило бы принципу состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ).

В то же время, существуют примеры обращения судов к глобальным сетям. Передовым в вопросе осмотра сайтов является арбитражный процесс. Согласно разъяснению Пленума Верховного суда РФ, суд при подготовке дела к слушанию наделён правом получать необходимые сведения из открытых источников, в частности государственных информационных систем, в том числе посредством сети «Интернет». Если обратиться к п. 3 ст. 135 АПК РФ, то становится понятно, что речь идёт именно о содействии сторонам в получении необходимых доказательств либо получении доказательств по инициативе суда.

В иностранных публикациях относительно осмотра сайтов встречаются споры о том, возможно ли применение judicial notice, то есть правила о признании общеизвестных фактов без их дополнительной проверки. Суть подобного правила заключается в том, что суд может осмотреть сайт и принять во внимание размещённую на нём информацию без дополнительной проверки, не требуя, например, нотариального удостоверения и не

назначая экспертизу [15, С. 194]. Как правило, без дополнительной проверки информация берётся только с государственных официальных сайтов (сайты органов государственной власти, государственные реестры, сайты с официальной статистикой и им подобные). В то же время иные сайты требуют проверки размещённой на них информации, поскольку она может оказаться недостоверной или изменённой [15, С. 194-195]. Авторы подчёркивают, что сведения из открытых интернет-источников могут обладать существенной ценностью для доказывания [С. 1254]. Однако традиционные правила о допустимости доказательств недостаточно приспособлены к специфике цифрового контента, что требует критической оценки и осторожности при их использовании [16, С. 1253]. Кроме того, состязательная природа уголовного процесса подразумевает ограниченную активность суда, поэтому инициировать такой осмотр должно волеизъявление участнице в процессе стороны.

Таким образом, в случае наделения суда правом по ходатайству стороны проводить осмотр заранее известной страницы и/или сайта в сети «Интернет», следует предусмотреть такие процессуальные рамки, которые позволили бы суду избежать включения в доказательственную базу ненадёжной информации. Например, установление перечня сайтов государственных органов и организаций, где публикуется официально подтверждённая информация, которую суд может принять без дополнительной проверки. Кроме того, существует возможность запроса дополнительных сведений у владельца сайта, провайдера, государственных органов и назначения экспертизы подлинности размещённой в сети информации. Кроме того, как ранее отмечалось, суд имеет право отказать в удовлетворении ходатайства, если становится понятно, что подлежащий установлению при помощи осмотра сайта факт уже был подтверждён или опровергнут достаточным количеством доказательств, либо осматриваемая информация не относится к слушаемому делу или не может подтвердить или опровергнуть искомые факты.

Ход и результаты осмотра электронных доказательств, использованные технические и программные средства должны быть отражены в протоколе судебного разбирательства, составлять отдельный протокол или акт не требуется [7, С. 9]. Поскольку цифровые ресурсы могут быть изменены, отредактированы, имеет смысл сохранение электронной информации в более стабильном виде и её приобщение к материалам дела, например, в виде распечатки или электронной копии [7, С. 10, 13].

В качестве итогов исследования могут быть сформулированы следующие выводы.

1. В научной литературе, а также законодательстве ряда зарубежных стран, осмотр электронных доказательств (его аналоги) чаще всего рассматривается в качестве следственного действия, проводимого для собирания доказательств на досудебном этапе. Осмотр электронных доказательств как судебное действие анализируется достаточно редко.
2. Осмотр электронной доказательственной информации представляет собой следственное действие, направленное на непосредственное восприятие и фиксацию следователем (дознавателем) или судом электронной информации. Допускается использование необходимых для исследования электронной информации устройств и компьютерных программ, взаимодействие с информацией, которое не нарушает её целостность (например, ввод пароля для просмотра защищённых им документов, увеличение (приближение) отдельных элементов цифрового изображения и др.). В досудебных стадиях нередко происходит фактически обыск (выемка) электронных

ресурсов, а затем осмотр информации в качестве самостоятельного следственного действия. В судебном разбирательстве проведение обыска или выемки не допускается, в связи с чем осмотр остаётся наиболее подходящим следственным действием для исследования электронных доказательств.

3. Могут быть выделены три возможные ситуации, в ходе которых в судебном разбирательстве исследуется электронная информация:

- а) осмотр электронных доказательств, собранных в ходе предварительного расследования;
- б) осмотр и приобщение в качестве доказательства электронной информации на электронном носителе, который предоставлен стороной непосредственно в судебное разбирательство по ходатайству этой стороны;
- в) осмотр находящихся в открытом доступе страниц и/или сайтов в сети «Интернет» и приобщение электронной информации в качестве доказательства по ходатайству стороны.

На основании проведённого исследования автором сформулировано предложение о дополнении УПК РФ статьёй 284.1 «Осмотр и приобщение электронных доказательств» следующего содержания:

1. Осмотр электронных доказательств осуществляется по ходатайству стороны в любой момент судебного следствия в зале заседания или в ином специально оборудованном помещении. При необходимости могут быть использованы технические и программные средства, приглашён специалист.

2. Допускается приобщение электронных доказательств по ходатайству стороны судебного разбирательства путём предоставления суду электронного носителя либо копирования информации на иной электронный носитель, который предоставляется суду.

3. Осмотр открытых источников в информационно-коммуникационных сетях, в том числе сети «Интернет», осуществляется судом по ходатайству стороны при наличии технической возможности. Ходатайство стороны об осмотре сайта или страницы в сети «Интернет» может быть отклонено, если подлежащий установлению факт подтверждается ранее исследованной достаточной совокупностью доказательств либо подлежащая исследованию информация не отвечает требованиям, предъявляемым настоящим кодексом к доказательствам.

4. Ход осмотра фиксируется в протоколе судебного разбирательства, делаются отметки об использованных технических устройствах и программном обеспечении. По определению суда к материалам уголовного дела может быть приобщена копия осмотренных сведений.

Подобный подход позволит расширить использование в доказывании по уголовному делу электронных доказательств, обеспечить их непосредственное исследование, сохраняя определённые рамки, позволяющие суду не допустить использование в доказывании произвольной информации, которую стороны желают ввести в процесс.

^[1] German Code of Criminal Procedure // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stpo/index.html#gI_p0962

^[2] Code de procédure pénale // URL:

https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000047053305

[\[3\]](#) Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь // URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=HK9900295>

[\[4\]](#) Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2006 № 100-О // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60927/

Библиография

1. Зуев С.В. Осмотр и изъятие электронных носителей информации при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий // Законность. 2018. № 4. С. 58-60. EDN: UNYMRO.
2. Зуев С. В., Моругина Н. А. Электронное уголовное дело: теоретическая модель // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. № 3 (57). С. 83-94. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-57-9. EDN: CQSDYT.
3. Коновалов С.Г. Использование в уголовном процессе цифровых данных, хранящихся в телефоне: назревшие вопросы и пути их решения // Закон. 2021. № 11. С. 128-138. DOI: 10.37239/0869-4400-2021-16-11-128-138. EDN: NCNSAA.
4. Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе: автореф. дис. ... док. юрид. наук: 12.00.09. Нижний Новгород, 2012. 61 с.
5. Момотов В.В. Электронное правосудие в Российской Федерации: миф или реальность? // Российская юстиция. 2021. № 7. С. 2-9.
6. Оконенко Р.И. "Электронные доказательства" и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации: дис. ... кан. юрид. наук: 12.00.09. М., 2016. 158 с. EDN: VMNEAE.
7. Плотников А., Харитонюк К. Электронное судопроизводство и рассмотрение электронных доказательств при рассмотрении дел экономическими судами // Судебный вестник Плюс: экономическое правосудие. 2021. № 8. С. 4-13.
8. Россинский С.Б. Следственные действия: монография. М. Норма, 2018. 240 с. EDN: ZSYGNX.
9. Сергеев М.С. Правовое регулирование применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Казань, 2018. 322 с. EDN: RWUZOU.
10. Смушкин А.Б. "Концепция электронных" следственных действий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 3. С. 165-172. DOI: 10.24412/2587-9820-2021-3-165-172. EDN: MPMSKP.
11. Хмельницкая Т.В. Проблемы формирования доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Нижний Новгород, 2016. 213 с. EDN: WFMQYF.
12. Черкасов В.С. Проблема разграничения следственных действий: осмотр и обыск при получении компьютерной информации // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 1 (16). С. 99-103. EDN: YWUJVG.
13. Яковлева К.Ю. Собирание доказательств, содержащих электронную информацию, в уголовном процессе (на примере осмотра) // Уголовное судопроизводство. 2023. № 1. С. 40-44. DOI: 10.18572/2072-4411-2023-1-40-44. EDN: IGXXTJ.
14. Яковлева К.Ю. Контрольная сумма как элемент достоверности доказательства, содержащего электронную информацию, в уголовном процессе // Российский следователь. 2024. № 2. С. 39-43. DOI: 10.18572/1812-3783-2024-2-39-43. EDN: QTOFGL.
15. Jones S. Trial by Google Maps? The Dangers of Admitting Privatized GIS Technology by

- Judicial Notice // California Western Law Review. 2023. Vol. 60, Iss. 1, Article 7. P. 185-219.
16. Koenig A., Freeman L. Cutting-Edge Evidence: Strengths and Weaknesses of New Digital Investigation Methods in Litigation // Hastings Law Journal. 2022. Vol. 73, Iss. 5. P. 1233-1254.
17. Mason, S., & Seng, D. (Eds.). Electronic Evidence and Electronic Signatures (5th ed.). Institute of Advanced Legal Studies, University of London Press. 2021. 540 p.
18. Novak M. Digital Evidence in Criminal Cases Before the U.S. Courts of Appeal: Trends and Issues for Consideration // Journal of Digital Forensics, Security and Law. 2020. Vol. 14, Article 3. "

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, осмотр электронных доказательств в уголовном процессе. Автор сосредоточил внимание на анализе судебного аспекта проблемы. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "В современном уголовном судопроизводстве часто возникает необходимость обращения к различной электронной информации, имеющей доказательственное значение. Примером являются аудио- или видеозаписи, сведения с сайтов и страниц в сети «Интернет», переписка в социальных сетях, мессенджерах, лог-файлы, метаданные и иные данные, при помощи которых устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию [17, С. 23-33]" и др. Дополнительно ученым необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "В то же время представляется ошибочным утверждение о том, что возможен осмотр исключительно общедоступных сведений. Субъекты доказывания могут проводить осмотр информации, которая, хотя и не находится в свободном доступе для неограниченного круга лиц, а, например, защищена паролем, но добровольно представляется владельцем для включения в доказательственную базу. В таком случае отсутствует поиск и принудительное изъятие сведений без согласия их обладателя, которое характерно для обыска и выемки"; "Приведённые примеры показывают, что отечественные исследователи и зарубежные законодатели, как правило, не выделяют особенностей осмотра электронных доказательств во время судебного разбирательства. Это характерно и для российского уголовного процесса. На сегодняшний день в судебном разбирательстве осмотр электронных носителей проводится по правилам ст. 284 УПК РФ, которая регулирует осмотр вещественных доказательств. Использование данной статьи может вызывать затруднения при переходе к облачному способу хранения электронных доказательств, когда исследуемые данные сохранены в виртуальном формате, например системе электронного уголовного дела, как это имеет место в Республике Казахстан [2, С. 90]. В таком случае отсутствует явно обособленный, приобщённый к материалам уголовного дела предмет, сохранивший следы преступления. Также в судебной практике нередко встречается ситуация, когда сторона защиты в апелляционной жалобе указывает, что суд положил в основу приговора неисследованное электронное

доказательство. Как правило, суды вышестоящей инстанции отмечают, что процессуальные нормы не нарушены"; "Как отмечалось ранее, в судебной практике признаётся допустимым оглашение протокола осмотра электронной информации, который проводился следователем на досудебных стадиях уголовного процесса. Вместе с тем у некоторых участников судопроизводства возникает недопонимание, которое приводит к обжалованию приговора по причине его обоснования неисследованными доказательствами. Чтобы избежать подобного диссонанса, суд имеет возможность после оглашения протокола следственного действия выяснить мнение сторон о необходимости непосредственного осмотра электронной информации, которая была описана в протоколе следственного действия"; "Таким образом, в случае наделения суда правом по ходатайству стороны проводить осмотр заранее известной страницы и/или сайта в сети «Интернет», следует предусмотреть такие процессуальные рамки, которые позволили бы суду избежать включения в доказательственную базу ненадёжной информации. Например, установление перечня сайтов государственных органов и организаций, где публикуется официально подтверждённая информация, которую суд может принять без дополнительной проверки. Кроме того, существует возможность запроса дополнительных сведений у владельца сайта, провайдера, государственных органов и назначения экспертизы подлинности размещённой в сети информации" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор анализирует судебный аспект проблемы осмотра электронных доказательств в уголовном процессе и предлагает пути ее решения. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание работы соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 18 источниками (диссертационными работами, монографией, научными статьями), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (М. С. Сергеев), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("1. В научной литературе, а также законодательстве ряда зарубежных стран, осмотр электронных доказательств (его аналоги) чаще всего рассматривается в качестве следственного действия, проводимого для собирания доказательств на досудебном этапе. Осмотр электронных доказательств как судебное действие анализируется достаточно редко. 2. Осмотр электронной доказательственной информации представляет собой следственное действие, направленное на непосредственное восприятие и фиксацию следователем (дознавателем) или судом электронной информации. Допускается использование необходимых для исследования электронной информации устройств и компьютерных программ, взаимодействие с информацией, которое не нарушает её целостность (например, ввод пароля для просмотра защищённых им документов, увеличение (приближение) отдельных элементов цифрового изображения и др.). В досудебных стадиях нередко происходит фактически обыск (выемка) электронных ресурсов, а затем осмотр информации в качестве самостоятельного следственного действия. В судебном разбирательстве проведение обыска или выемки не допускается, в связи с чем осмотр остается наиболее подходящим следственным действием для исследования электронных

доказательств. 3. Могут быть выделены три возможные ситуации, в ходе которых в судебном разбирательстве исследуется электронная информация: а) осмотр электронных доказательств, собранных в ходе предварительного расследования; б) осмотр и приобщение в качестве доказательства электронной информации на электронном носителе, который предоставлен стороной непосредственно в судебное разбирательство по ходатайству этой стороны; в) осмотр находящихся в открытом доступе страниц и/или сайтов в сети «Интернет» и приобщение электронной информации в качестве доказательства по ходатайству стороны" и др.), они четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного процесса при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования и дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания).

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Суворов И.К. Понятие юридического риска в современном российском правопорядке // Юридические исследования. 2025. № 8. С. 31-49. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.8.75600 EDN: QQCGVJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75600

Понятие юридического риска в современном российском правопорядке**Суворов Илья Константинович**

аспирант; кафедра обязательственного права; Исследовательский центр частного права им. С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации

109012, Россия, г. Москва, Тверской р-н, ул. Ильинка, д. 6

✉ IKSuvorov.work@yandex.ru

[Статья из рубрики "Договор и обязательства"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.8.75600

EDN:

QQCGVJ

Дата направления статьи в редакцию:

17-08-2025

Дата публикации:

24-08-2025

Аннотация: Статья посвящена исследованию риска как как особой правовой категории, а также тех исторических предпосылок, которые сформировали ее содержание. Автором анализируются подходы к пониманию юридического риска, формы его нормативного закрепления и сфера применения соответствующих положений закона. Рассмотрение данного института ведется в контексте исторического развития представлений о юридическом риске – от римского права и пандектистики до современных доктрин. Особое внимание уделяется нормативному закреплению юридического риска в положениях Гражданского кодекса Российской Федерации и его интерпретации Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 6 от 2020 года. Исследование направлено на поиск закономерностей в правилах распределения риска между сторонами обязательства, критериев разграничения правил о риске и о гражданско-

правовой ответственности сторон обязательства, а также отыскание места юридического риска в системе институтов российского обязательственного права. Методологическую основу работы составили историко-правовой, сравнительно-правовой и системный анализ разъяснений Верховного Суда Российской Федерации во взаимосвязи с положениями российского Гражданского кодекса. Практическая значимость такого подхода заключается в уточнении сферы применения правил о риске, что позволяет более чётко разграничить зоны ответственности и риска сторон такого правоотношения. Новизна исследования состоит в комплексной реконструкции риска как сугубо юридической категории и выявлении двойственной природы этого правового явления конкретно в российском правопорядке. В результате автором демонстрируется, что в современном российском праве юридический риск функционирует в двух формах – риска убытков и риска неполучения встречного предоставления; они рассматриваются правопорядком как частные случаи одного и того же исключения из общего правила о последствиях случайного наступления привходящей постоянной невозможности исполнения обязательства. Российская концепция юридического риска сочетает в себе отдельные черты традиций, начатых немецкой пандектистикой и теориями объективной гражданско-правовой ответственности XX века. При этом соответствующие разъяснения закона сохраняют целостность понятийного аппарата и внутреннюю системную согласованность, что позволяет рассматривать риск как явление с единым правовым содержанием. В заключение формулируется вывод о перспективах дальнейшего развития учения о юридическом риске в отечественной цивилистике.

Ключевые слова:

Риск убытков, Неполучение встречного предоставления, Обязательственное право, Невозможность исполнения обязательства, Гражданско-правовая ответственность, Синаллагма, *Periculum est emptoris*, Непреодолимая сила, Юридический случай, Договор купли-продажи

Рассмотрение любой правовой проблемы, которая в том или ином аспекте отсылает к понятию риска, всегда затрудняется неопределенностью самого этого понятия. Перегруженность данного термина множеством внеправовых, и, зачастую, не пересекающихся между собой значений отмечал еще В. А. Ойгензихт, говоря об этой особенности риска как одной из возможных причин отсутствия единого определения данного термина в европейских законодательствах начала XX века [\[4, с. 5-7\]](#).

В то же время в современной российской правовой науке вопрос о дефиниции данного термина достаточно часто не поднимается вовсе. Наиболее характерен этот подход для работ, посвященных узкоспециализированным вопросам гражданского права (см, например, [\[2\]](#),[\[6\]](#),[\[11\]](#)). Авторы таких работ как правило апеллируют к риску как к интуитивно понятной, самоочевидной и общеизвестной категории, не требующей дополнительных пояснений. В таких случаях под «риском» обычно понимается определенная типизированная угроза интересам кредитора или группа таких угроз. При такой трактовке «риск» используется как термин, указывающий на возможность наступления некоторого события, возникновение обстоятельства внешнего мира, на которое кредитор должен иметь возможность своевременно отреагировать, воспользовавшись теми или иными правовыми инструментами. Отсюда наиболее распространенным примером употребления термина «риск» являются ситуации, при которых кредитор может потерпеть имущественные потери (убытки) в связи с

наступлением известного события в будущем (например, банкротство должника, неудачное осуществление предпринимательской деятельности и т.п.).

Между тем, в описанном выше смысле риск не является элементом обязательственного правоотношения или каким-либо правовым явлением вообще. Эта трактовка риска лишь отсылает к некоторой универсальной взаимосвязи угрозы и последствий наступления какого-либо негативного события [\[14, с. 20\]](#). Она не объясняет, почему угроза наступления именно такого события должна иметь какое-либо юридическое значение вообще (или же в данном конкретном случае), какую юридическую квалификацию необходимо дать такому негативному событию, и какое влияние его наступление должно оказать на отношения сторон обязательства. Все эти обстоятельства автор вынужден пояснить отдельно для каждого конкретного случая своего обращения к понятию риска.

В отсутствие же такого объяснения соответствующее исследование теряет в своей объективности. Ведь если аргументация автора опирается на понятие с неидентифицируемым значением, то все полученные таким образом выводы невозможно как-либо верифицировать или фальсифицировать. Кроме того, отсутствие четкого смыслового наполнения у данного термина все более расширяет сферу его возможного применения. Поэтому с каждым таким расширением установить значение термина «риск» в конкретном случае его применения становится кратно сложнее.

Между тем история развития представлений о юридическом риске демонстрирует, что на сегодняшний день в частноправовой науке оформился относительно устойчивый консенсус относительного того, какие правовые механизмы и явления следует именовать риском, какова их роль в регулировании обязательственных отношений и как они взаимосвязаны с иными элементами правовой системы.

В российском правопорядке эти представления получили нормативное закрепление в тексте Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств». Поэтому на сегодняшний день в российском гражданском праве основным препятствием для развития общего учения о юридическом риске является даже не размытость дефиниции данного термина, а неопределенность границ, до которых возможно применение такого определения и соответствующих ему юридических механизмов. К разрешению данной проблемы и обращена настоящая работа.

Основные исторические формы представлений о юридическом риске

1. Чтобы надлежащим образом описать то явление, которое современный российский правопорядок именует риском, целесообразным будет вписать это явление в общий исторический контекст развития представлений о юридическом риске.

Первоначальная разработка данного понятия была обусловлена поисками ответа на вопрос о том, почему в многочисленных отрывках древнеримских текстов последовательно воспроизводится правило, согласно которому покупатель остается обязан заплатить продавцу полную стоимость товара даже если после заключения договора купли-продажи товар будет случайно поврежден или уничтожен. Устойчивость данного нормативного решения (получившего, впоследствии, наименование *periculum est emptoris*) в источниках и, при этом, отсутствие каких-либо обоснований или аргументов в его пользу со стороны древнеримских юристов составляло проблему для ученых-романистов.

Постановку указанной проблемы и начало дискуссии о юридическом содержании риска некоторые иностранные авторы [25, с. 70; 23, с. 632] связывают с работой К. Г. Вэхтера [24], где автором предпринимается попытка вписать обсуждение риска в контекст обязательственных отношений в целом, а не только купли-продажи. Убедительная историческая реконструкция Д. В. Дождева [7, с. 401-408] демонстрирует, что после этого, уже ко второй половине XIX века правовое значение и содержание риска становится вопросом, который широко обсуждается в немецкой пандектистике. В данном контексте слово «риск» (Gefahr) впервые начинает использоваться в техническом значении, отсылающем именно к этой, описанной в источниках ситуации, а «несение риска» (Gefahrtragung) означает такое юридическое свойство покупателя, в силу которого тот обязан нести имущественные потери при возникновении ситуации регулируемой правилом *periculum est emptoris*.

На данном этапе исследование риска как специфической правовой категории ведется в двух основных направлениях. Обсуждается, во-первых, влияние случайной гибели предоставления (то есть объекта задолженности, получение которого кредитором погашает соответствующее обязательство надлежащим исполнением) на состояние одностороннего обязательства. Во-вторых, исследуется вопрос о том, в какой степени кредитор по двухстороннему обязательству остается вправе требовать изначально согласованное предоставление от должника, если в результате случайного события сам этот кредитор освобождается от собственной обязанности по предоставлению [25, с. 70].

Первоначально обсуждение данных вопросов не выходит за рамки договорных отношений продавца и покупателя. Еще в начале XX века незэквивалентность и несправедливость того правового результата, к которому приводит применение правила *periculum est emptoris*, объясняется тем, что данное правило является исключением, которое применимо лишь к купле-продаже и иным обязательствам, структурированным схожим образом (например, мена и дарение *sub modo* [17, с. 499-500]).

Занимательно, также, что одним из ключевых аргументов в пользу несправедливости данного правила являлось несоответствие последствий применения правила *periculum est emptoris* принципу условной синаллагмы, согласно которому во взаимном (синаллагматическом) обязательстве если обязанность одной стороны (например, осуществить согласованное предоставление в пользу другой стороны) прекращается, то прекращается и встречная ей обязанность другой стороны [9, 10]. В свою очередь, сам данный принцип был выработан А. Бехманном также в результате анализа структуры обязательства по договору купли-продажи [7, с. 400].

Помимо двух описанных выше вопросов, интерес для исследователей риска представляет также и конкретный критерий, исходя из которого древнеримские тексты возлагали риск на покупателя с момента заключения договора и завершенности (перфекции [7, с. 435-442]) обязательства. Поиски данного критерия со временем приводят к формированию относительно устойчивой типологии механизмов распределения риска между сторонами взаимного (синаллагматического) обязательства [20, с. 8-15]. После этого дискуссия ведется уже лишь о том, какой из этих механизмов в наибольшей мере отвечает интересам сторон и соответствует самой структуре взаимного обязательства.

В результате обсуждений, длившимся около двух сотен лет [23, с. 631-632], все многообразие предложенных за это время обоснований и правовых решений сводится в

единое общее мнение. И уже к началу 1960-х гг. П. Филиос [\[20, с. 3-9\]](#) и Г. Айзер [\[21, с. 3-41\]](#) указывают на то, что несение риска (иначе называемого *periculum obligationis*) является техническим термином, который означает, что для всякого действительного, не полностью исполненного и взаимного обязательственного отношения верно следующее: кредитор несет «риск предоставления» (*Leistungsgefahr*), связанный с невозможностью или неспособностью должника выполнить свою часть обязательства; должник же (по общему правилу) несет зеркальный по своему содержанию «риск встречного предоставления» (*Gegenleistungsgefahr*) в отношение кредитора и его обязанностей по взаимному обязательству.

Оба этих «риска», таким образом, составляют частные проявления общего правила §323 Германского Гражданского уложения (ГГУ), которое к этому моменту действует уже чуть больше полувека. В силу данной нормы, если согласованное по взаимному договору предоставление одной из сторон становится невозможным в силу обстоятельств, которые ни она, ни другая сторона не должны были предвидеть, то такая первая сторона теряет право требования в отношение встречного предоставления. Указание данной нормы на непредвидимый (*zu vertreten*) характер обстоятельств, сделавших исполнение обязательства невозможным, подразумевает, что такие обстоятельства имеют случайный характер (о предвидимости как критерии юридического случая см. [\[12\]](#)).

Следовательно можно сказать, что термин «риск» в обозначенном контексте имеет одновременно два значения. Во-первых, «риском» называется угроза наступления таких ситуаций, где кредитор потерпит имущественный вред, состоящий в случайно наступившей невозможности должника осуществить согласованное сторонами предоставление и, следовательно, исполнить договорное обязательство. Во-вторых, под риском понимается и само юридическое обременение, в силу которого закон возлагает на кредитора обязанность самостоятельно претерпевать имущественные потери, возникающий при «материализации» таких угроз, то есть в результате их превращения из гипотетической вероятности в реально возникшие убытки. Как правило, при обсуждении риска и механизмов его распределения немецкоязычными авторами подразумевается именно последнее, более техническое значение термина.

Подытоживая можно сказать, что термин «риск» в данной традиции одновременно описывает определенный тип юридических ситуаций (случайно наступившая на стороне должника невозможность исполнения обязательства, воспринимающаяся как ущерб на стороне кредитора) и, при этом, адресует последствия их наступления конкретной стороне обязательства (кредитору). В таком понимании риск используется для описания отношений сторон всякого взаимного двухстороннего обязательства.

Насколько нам известно, мнение немецкой юридической науки по данному вопросу остается таким же и впредь. Даже несмотря на прошедшую в 2002 г. реформу общих положений ГГУ о невозможности исполнения обязательства [\[22, с. 7-54\]](#), представления о правовом значении риска и его роли применительно к отношениям сторон взаимного двухстороннего обязательства остаются неизменны. Важное значение в обеспечении этой стабильности, как кажется, сыграла неизменность положений §§446-447 ГГУ, которые устанавливают общие правила немецкого правопорядка о распределении риска в договоре купли-продажи – модельной ситуации и прародителе современных представлений о юридическом риске.

2. В то же время, параллельно с традицией, рассматривающей юридический риск как ответ на вопрос о судьбе встречных предоставлений во взаимном двухстороннем

обязательстве при наступлении случайной невозможности его исполнения, в европейской юридической науке существовало еще одно направление мысли, которое разрабатывало риск как самостоятельную правовую категорию. Данное направление можно крайне условно назвать учением об объективной гражданско-правовой ответственности [4, с. 13-14]. Ему соответствовало понимание риска как субститута вины, объяснявшего феномен так называемой «строгой» ответственности.

Достаточно сложно отследить конкретный исторический период, автора или работу с которых начинает зарождаться такое понимание юридического риска. Однако можно предположить, что на ее становление повлияла проблематика, поднимаемая, в частности, Е. В. Пассеком в работе, посвященной понятию непреодолимой силы в гражданском праве [5].

Автор указывает на то, что в современной ему романистике (конец XIX века) все больше споров вызывала сфера применения общего принципа римского права о возложении на должника гражданско-правовой ответственности только за субъективно-виновное нарушение обязательства. Названные сомнения обусловлены, с одной стороны, последними достижениями в области изучения института непреодолимой силы, а с другой – относительной теоретической неразработанностью данного института, основной сферой применения которого до недавнего времени выступало учение о повышенной ответственности корабельщиков, содержателей гостиниц и постоянных дворов.

Как следует из комментариев Е. В. Пассека, такая повышенная ответственность названных категорий лиц была установлена преторским эдиктом *de recepto*. По общему правилу она состояла в безусловной ответственности (понимаемой здесь в смысле ответственности не только за собственную вину, но и за случай, то есть в пределах *custodia* [8, с. 494-500]) за пропажу или повреждение имущества, принятого от контрагентов (пассажиров и постоянных дворов) в ходе исполнения соответствующего договорного обязательства. Исключение составляли лишь ситуации, в которых причинение вреда имуществу пассажиров и постоянных дворов происходило в результате действия обстоятельств непреодолимой силы (*damnum fatale* или, что то же, *vis major*). За события такого рода ответственность не наступала.

Таким образом, заключает Е. В. Пассек, общее правило эдикта *de recepto* о привлечении корабельщиков, содержателей гостиниц и постоянных дворов к гражданско-правовой ответственности строилось не по традиционной схеме гражданского права (ответственность только при наличии вины за исключением ряда конкретных случаев), а по своей собственной – устанавливался общий принцип безусловной ответственности данных лиц за нарушение обязательства и единство абстрактно сформулированное исключение (наличие обстоятельств непреодолимой силы).

Как можно заметить, уже в данной работе поднимается вопрос о том, каким образом следует определять область, в которой имеет место гражданско-правовая ответственность, или, иначе говоря, «как можно установить точные границы, до которых она простирается» [5]. Постановка данного вопроса ставит под сомнение и роль вины как основополагающего элемента учения о гражданско-правовой ответственности. Впоследствии именно попытки выявления границ, в которых должна простираться сфера такой ответственности, и приводят к включению понятия «риска» в разрабатываемые французскими правоведами теории объективной ответственности, или, что то же, ответственности за причинение [4, с. 3-19].

По свидетельствам В. А. Ойгензихта трактовка риска как критерия привлечения к гражданско-правовой ответственности находила свое оправдание в широко распространившейся к концу XIX века идее, согласно с которой сам факт причинения вреда должен обязывать лицо к восстановлению ущерба. Появление данной идеи было обусловлено не столько развитием представлений о риске, сколько кризисным состоянием учения о виновной ответственности. Предлагаемые классической теорией правовые решения перестали восприниматься в качестве эффективных и справедливых, а неопределенность понятия «вины» ставила вопрос о критериях разграничения гражданской-правовой и уголовной ответственности за причинение вреда.

Обоснования вышеобозначенного общего правила о строгой ответственности, в свою очередь, были различны. Причем как в части приводимых в пользу данного правила аргументов, так и в части предлагаемой степени строгости самого правила. Так, наиболее строгая трактовка (теория «интегрального риска») предполагала, что простого факта причинения вреда достаточно, поскольку того требуют соображения справедливости, – материальные потери жертвы нужно всегда возлагать на причинителя, причем даже в случаях, когда такой вред наступил случайно. Во французском праве это правило приобрело еще более универсальную формулировку: «всякий кто действует, должен нести на себе риск случайных последствий своей деятельности» [4, с. 21].

Некоторые теории, развивавшиеся в том же ключе, предлагали критерии, нацеленные на ограничение сферы действия общего правила о строгой ответственности лица, обремененного риском. Среди таких критериев наибольшее признание получил Принцип выгоды (*le profit*), согласно которому возложение на причинителя вреда ущерба возможно только если действия такого лица приводят к получению им выгоды. Однако в дальнейшем Принцип выгоды утратил значение критерия, позволявшего ограничить случаи, где допустимо объективное вменение ответственности. Напротив, он стал использоваться в качестве обоснования общего правила о возможности привлечения к строгой ответственности за всякий ущерб, причиненный третьим лицам при осуществлении приносящей доход деятельности.

В России на подмену понятия вины риском значительное влияние оказал принятый 2 июня 1903 года закон «О вознаграждении заувечье и смерть в промышленных заведениях частных и общественных», который предписывал владельцам предприятий компенсировать рабочим ущерб, возникший в результате несчастного случая на производстве. Предприниматель мог освободиться от обязанности по возмещению ущерба только если докажет, что несчастный случай произошел вследствие умысла потерпевшего или его грубой неосторожности, которую нельзя оправдать «условиями и обстановкою производства работ» [11]. Данным шагом законодатель снял бремя возмещения вреда, причиненного при осуществлении заведомо опасной производственной деятельности (так называемый «профессиональный риск»), с государства. Оно было возложено на собственника имущества, в процессе эксплуатации которого (для последующего извлечения собственником доходов) и произошел несчастный случай.

Такая ответственность приобретала личный характер (то есть обременяла не само предприятие, а его владельца) и была строгой (то есть не учитывала вину). При этом, как указывает А. М. Нолькен, замысел законодателя состоял в том числе в возложении на предпринимателей обязанности по возмещению ущерба, причиненного действием непреодолимой силы [3, с. 33]. Правовое обоснование данного законодательного

решения в современной ему юридической литературе В. А. Ойгензихт описал следующей фразой: «лицо, получающее от предприятия барыши, должно нести и связанные с этим предприятием убытки» [\[4, с. 25\]](#). Это же логика распространялась и на вред, причиненный в ходе эксплуатации железных дорог или морского транспорта. Причем как пассажирам, так и третьим лицам.

Таким образом к началу XX века строгая ответственность за случай, вдохновленная учением о профессиональном риске, интегративной теорией риска и иными подобными теориями, рассматривалась в качестве необходимого дополнения статуса собственника. Уже к 1930-м гг. неразрывная связь риска, получения прибыли лицом, которое обременено риском, и его статуса как собственника имущества, при эксплуатации которого причиняется вред третьим лицам, не вызывала сомнений в советской юридической литературе [\[19, с. 142\]](#).

В то же время названные теории по-разному видели конкретное место риска в системе отношений причинителя вреда и потерпевшего. Само понятие риска в рамках таких теорий по большей части сводилось к юридическому обременению конкретного лица обязанностью возместить потерпевшему вред, который был причинен тому виновно (со стороны лица, обремененного риском) или случайно. Тем самым риск являлся не только субъективным критерием возложения на лицо гражданско-правовой ответственности, но и описывал пределы такой ответственности. Однако в каких отношениях должны были находиться между собой носитель риска и потерпевший, какое лицо могло быть признано потерпевшим, и на основании какого критерия выбиралось обремененное риском лицо, – на все эти вопросы различные теории отвечали по-разному.

Наиболее наглядной иллюстрацией этой проблемы, на наш взгляд, являлась так называемая «теория сфер», пользовавшаяся успехом во второй половине XX века [\[4, с. 36\]](#). Основная идея данной теории заключалась в распределении между работодателем и работником негативных последствий случая в зависимости от того, из какой сферы производственного цикла происходит соответствующее обстоятельство. В частности, к риску работодателя относились все угрозы, обусловленные спецификой производства, а также стихийные бедствия и действия органов публичной власти. К риску работника же относились забастовки и иные коллективные действия, в результате которых не выплачивается заработка плата.

Тем самым, в контексте данной теории риск обозначал одновременно обременение одной стороны обязательства угрозой возникновения внедоговорных имущественных потерь (обязанности компенсировать травму на производстве при несчастном случае), и, в то же время, обременение другой стороны обязательства угрозой возникновения потерь в связи с наступлением на стороне первой стороны невозможности исполнения обязательства (в частности, неполучение заработной платы ввиду приостановки производства на период забастовки). Этот пример хорошо демонстрирует, как две ключевые черты учения об объективной ответственности, – замещение вины понятием риска и перенос вопроса о содержании данного понятия из области обязательственного в область вещного права, – в конечном итоге приводят к полной утрате каких-либо ориентиров в понимании риска как категории с единым правовым содержанием.

Итог развитию данных тенденций в рамках российской юридической науки подводит Ф. А. Вячеславов, который делает вывод о том, что все представления о юридическом риске, существующие в российской юридической науке к началу XXI века, можно глобально разделить на две большие группы [\[14, с. 13-14, 19-24\]](#). Первую группу автор

условно называет «субъективной теорией риска» и относит к ней все представления, согласно которым риск является аналогом вины, в той или иной степени допускающим возложение на обремененное риском лицо сопряженной с этим риском гражданско-правовой ответственности. Вторая же группа представлений составляет «объективную теорию риска», сторонники которой указывали на отсутствие связи между возникновением негативных последствий на стороне обременённого риском лица и его поведением, но так и не смогли выработать какого-либо единого определения юридического риска.

Однако насколько нам известно, на сегодняшний день субъективная теория риска (так же, как и какая-либо новая теория, которая бы объединяла в себе основные выводы описанных выше групп) так и не получила дальнейшего развития в современной российской юридической науке.

Таким образом, последовательное развертывание идей, лежащих в основе учения об объективной ответственности, демонстрирует, что предлагаемая в рамках него трактовка юридического риска не имеет какого-либо единого содержания. Под «риском» в рамках этой традиции имеется ввиду юридическое обременение, с возложением которого на лицо вне зависимости от наличия в том его вины оно становится субъектом гражданско-правовой ответственности за вред, причиняемый другому лицу. При этом не всегда имеет значение, связывает ли причинителя вреда и потерпевшего какое-либо договорное, деликтное или обязательственное правоотношение вообще. Также учение об объективной ответственности не дает четкого ответа на вопрос о том, возможно ли привлечение обремененного риском лица к ответственности за вред, причиненный обстоятельствами непреодолимой силы.

Юридический риск как элемент российской правовой системы

1. Все сказанное далее необходимо, на наш взгляд, предварить следующим методологическим замечанием: традиционное для российской юридической науки представление о том, что судебная практика не является источником гражданского права, тем не менее, не умаляет значения разъяснений высших судов. Их деятельность выполняет критическую по отношению к положениям строгого права роль в том смысле, что высшие суды восполняют существующие в законодательстве пробелы и раскрывают действительное содержание абстрактно сформулированных норм права в их системной взаимосвязи. Поэтому изучение представлений о юридическом риске, которые на сегодняшний момент реально сложились в российском правопорядке, невозможно без учета основных выводов правоприменительной практики по данному вопросу. Сочетание данных выводов и положений закона образует собой ту общую картину, которая именуется российским правопорядком. И в этом смысле можно сказать, что представления российского правопорядка о содержании и значении юридического риска во многом опираются на две описанных выше исторических традиции.

Как становится ясно из пункта 39 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» (далее – Постановление № 6), нормы закона, в которых описывается возложение риска на сторону обязательства, составляют исключения из общего законодательного правила о влиянии случайной приводящей постоянной невозможности исполнения обязательства на отношения его сторон (ст. 416 ГК РФ).

Таким образом, по общему правилу стороны обязательства освобождаются от встречных

обязанностей по обязательству, если оно становится объективно и постоянно невозможным к исполнению, а за наступление такой невозможности не отвечает ни одна из сторон. Постановление № 6 содержит специальные критерии, на основании которых невозможность исполнения возможно квалифицировать в качестве постоянной и(или) объективной. Тем не менее в случае, если сторона обязательства обременена риском, то при наступлении подобной невозможности исполнения обязанность такой стороны либо не прекращается несмотря на то, что встречная обязанность прекратилась (риск неполучения встречного предоставления), либо возникает новая обязанность – возместить убытки (риск убытков).

Это двухчастное деление интересно тем, что оно преподносит в качестве эквивалентных две концептуально различные модели риска. Риск неполучения встречного предоставления, как можно понять из его описания, наследует дискуссии пандектистов о судьбе предоставлений во взаимном двухстороннем обязательстве. То есть сводит основное последствие возложения риска к разрыву функциональной синаллагматической связи встречных предоставлений. В свою очередь, риск убытков представляет собой упрощенное описание учения об объективной ответственности, где риском называется юридическое обременение одного лица обязанностью возместить имущественный вред, причиненный другому лицу, хотя бы тот и возник в отсутствие вины обремененном риском лица.

2 . Принятое российским правопорядком решение установить единый термин для обозначения риска, связанного с угрозой потери предоставления контрагента, на наш взгляд является более удачным, чем тот понятийный аппарат, который устоялся в немецкой правовой науке.

С теоретической точки зрения установление двух различных терминов для обозначения правового механизма, который имеет одинаковый принцип работы и идентичные правовые последствия независимо от того, какая сторона обязательства его задействует, бессмысленно. Таким образом подобный подход не соответствует принципу интеллектуальной экономии (бритвы Оккама) и не способствует лучшему проникновению в суть того явления, которое данные термины должны описывать. Схожие замечания, по свидетельству Д. В. Дождева, дает и М. Таламанка, который видит прямую взаимосвязь между неопределенностью современной теоретической концепции юридического риска и осуществлённым в пандектистике дроблением единого понятия «риск» на ряд специальных терминов [\[7, с. 414\]](#).

С практической же точки зрения предлагаемый Постановлением № 6 общий термин «риск неполучения встречного предоставления» напрямую отражает единство правового режима таких предоставлений в действующем российском законодательстве (ст.328 ГК РФ). В частности, ни одна из сторон обязательства, по условиям которого предусмотрено встречное исполнение, по общему правилу не вправе обратиться в суд с требованием к другой стороне об исполнении ее обязанностей в натуре, если сама не предоставила причитающегося с нее по обязательству. Предусмотренные законом меры воздействия на неисполняющую сторону (приостановление собственного исполнения, односторонний отказ от исполнения своих обязанностей, предъявление требований о возмещении убытков) также в равной степени принадлежат обеим сторонам взаимного обязательства. Таким образом, в российском правопорядке каждая сторона взаимного обязательства по общему правилу обладает одинаковым правовым инструментарием в вопросах получения встречного предоставления, а сами предоставления сторон в таком обязательстве юридически равнозначны друг другу.

К этому, также, стоит добавить, что приданье риску статуса общего правила, применимого ко всякому кредитору во взаимном двухстороннем обязательстве, на самом деле не способствует лучшему пониманию данного правового института. Несмотря на устранение противоречия между статусом риска как исключения, обусловленного специфической правовой природой купли-продажи, и тем фактом, что само это общее правило тоже было выведено из обязательства купли-продажи, немецкая доктрина по существу оставила неразрешенным вопрос о том, в силу каких причин (и в какой момент) риск возлагается на ту или иную сторону обязательства. Данный вопрос стал достоянием дискуссии о механизмах переноса риска в договоре купли-продажи. А сама эта дискуссия, в свою очередь, устранилась от поиска дефиниции риска.

Итогом же этой дискуссии, как следует из посвященной ей монографии П. Филиоса [\[20\]](#), стало ранжирование основных моделей переноса риска между собой по степени их соответствия, с одной стороны, интересам сторон договора, а с другой – принципу синаллагмы. Таким образом, в немецкой правовой теории понятие риска (*Gefahr*) свелось к техническому термину, описывающему, по большей части, сами правовые последствия случайного наступления невозможности исполнения обязательства, которые ложатся на каждую из сторон такого обязательства. Эти последствия могут быть, затем, переадресованы другой стороне в предусмотренных законом случаях и пределах. Поиск наиболее справедливого сочетания таких оснований, а также пределов распределения риска и составляет для автора наибольший интерес [\[20, с. 21-22\]](#).

В этом смысле прочтение риска как исключения из общего правила, а не правового последствия применения такого правила, и единство терминологии, используемой при описании данного явления, сближают российское понятие юридического риска с античным. В свою очередь, это открывает дорогу для дальнейшего изучения риска как комплексного явления с единым правовым содержанием.

3. Системное прочтение разъяснений Постановления № 6 с положениями статей 401, 404, 416, 417 ГК РФ указывает на то, что вина не является необходимым условием для возникновения у лица, обремененного риском убытков, соответствующей обязанности по возмещению имущественного вреда.

По общему правилу, если одной из сторон обязательства можно поставить в вину его исполнение (в том числе, ввиду невозможности исполнения), то применению должны подлежать положения закона об ответственности сторон за нарушение обязательства (п.1 ст.401, п.1 ст.404 ГК РФ). Древнеримское право объясняло этот эффект через процессуальную фикцию, в силу которой при просрочке должника обязательство юридически не могло прекратиться невозможностью его исполнения (увековечение обязательства) [\[8, с. 513-514; 18, с. 295-296, 299\]](#). Тем самым после наступления просрочки случайная гибель объекта долга приравнивалась для должника к добровольному неисполнению, хотя бы он и не был виноват в этом.

Такое объяснение тем уместнее, что согласно пункту 40 Постановления № 6, упомянутые в нем виды риска по умолчанию возлагаются на сторону обязательства, которая находится в просрочке его исполнения. В таком случае указание соответствующих разъяснений на «возникновение» у обремененного риском лица обязанности по возмещению убытков воспроизводит принцип работы юридического механизма переквалификации первичного исполнения (требования о получении предоставления, долга или *Shuld*), во вторичное (требование о возмещении убытков, ответственность или *Haftung*), которая происходила при нарушении должником обязательства [\[8, с. 483, 504-](#)

[5051](#).

Если же при наступлении невозможности исполнения отсутствует вина обеих сторон обязательства, то это приводит к такому правовому последствию как прекращение этого обязательства (ст.416 ГК РФ). То есть отсутствие вины сторон обязательства выступает необходимым условием применения общего правила. Исключением именно из этого правила о последствиях безвиновно наступающей невозможности исполнения обязательства и является риск убытков (п.п. 36, 39 Постановления № 6). Для обремененной риском стороны меняются правовые последствия такой невозможности (возникновение обязанности по возмещению убытков), но не условия их применения (в том числе – отсутствие вины).

В то же время, необходимо отметить, что Постановление № 6 прямо не разъясняет, как в каждом конкретном случае должно определяться, какой вид риска (и соответствующие ему правовые последствия невозможности исполнения обязательства) возлагается на просрочившего должника.

Единственным ориентиром при решении данного вопроса является указание пункта 40 Постановления № 6 на то, что с момента совершения правонарушения делинквент несет риск наступлении невозможности возмещения причиненного им вреда в натуре и остается обязанным возместить убытки (абз. 2). Иными словами, статус причинителя вреда в деликтном обязательстве приравнивается к положению должника, находящегося в просрочке, из-за чего он несет риск убытков с момента накопления соответствующего юридического состава [\[131\]](#). При этом правовые последствия наступления постоянной и объективной привходящей невозможности исполнения для сторон договорного обязательства могут устанавливаться специальными нормами о соответствующих договорных типах (абз. 3).

Таким образом, можно предположить, что указанный пункт Постановления № 6 подразумевает, что риск убытков по умолчанию возлагается на просрочившего должника во всяком одностороннем обязательстве (то есть таком, где лишь одна из сторон является должником другой стороны), а риск неполучения встречного предоставления – во всяком двухстороннем (где каждая сторона обязательства является одновременно и кредитором, и должником другой стороны).

Это же предположением может объяснить и предложенную Постановлением № 6 типологию рисков: ранее уже указывалось, что в двухстороннем обязательстве предполагается, что неполучение кредитором изначально согласованного исполнения составляет для него имущественный ущерб. Поэтому при наступлении невозможности исполнения обязательства с точки зрения кредитора нет принципиальной разницы в том, сохраняется ли у должника обязанность предоставить согласованный объект обязательства, или появляется обязанность возместить ущерб в объеме, эквивалентном своевременному предоставлению такого объекта. Кредитор в любом случае не потерпит ущерба, поскольку любое негативное последствие случайного события будет ему компенсировано. В то же время, должник в любом случае окажется в убытке (не получив предоставления или потеряв в имуществе, за счет которого будут возмещены убытки).

Однако в таком случае остается не вполне ясно, вписываются ли в это правило ситуации, где риск убытков ложится на кредитора по одностороннему обязательству (например, ввиду просрочки принятия исполнения), и если да, то как размер таких убытков соотносится с гипотезой статьи 404 ГК РФ.

4. Дополнением к общему принципу ГК РФ о виновной ответственности должника за нарушение обязательства выступает правило об ответственности предпринимателей (п.3 ст.401 ГК РФ), которое строится по схеме, идентичной ответственности корабельщиков, содержателей гостиниц и постоянных дворов в эдикте *de recepto*: она наступает независимо от наличия вины, но не выходит за пределы обстоятельств непреодолимой силы.

В то же время, необходимо отметить, что само понятие непреодолимой силы в тексте Постановления № 6 имеет не то же значение, какое ему придает Е. В. Пассек, называя непреодолимую силу специальным (квалифицированным) видом случая [5]. В Постановлении Пленума от 24.03.2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» Верховный суд Российской Федерации (далее – Постановление № 7) под непреодолимой силой имеется ввиду модельное обстоятельство, приводящее к объективной и постоянной невозможности исполнения обязательства. По этой причине часть называемых в Постановлении № 7 признаков непреодолимой силы по своему содержанию пересекаются с признаком «объективного характера» всякой невозможности исполнения, которая, в соответствии с положениями статей 416 и 417 ГК РФ, прекращает обязательство [16, с. 198–199].

В литературе указывается на то, что пределом ответственности предпринимателя в российском гражданском праве следует считать события, которые не могут предотвратить никакие трети лица [16, с. 200]. Однако в пункте 8 Постановления № 7 классические критерии разграничения зон ответственности и случая (непредвидимость), а также случая и непреодолимой силы (чрезвычайная непредотвратимость) [15, с. 575–576], характеризуют только непреодолимую силу. В тексте Постановления № 7 они называются, соответственно, «чрезвычайностью» и «непредотвратимостью». Тем самым, Верховный суд Российской Федерации фактически называет обстоятельством непреодолимой силы (которое и освобождает предпринимателя от ответственности) любой юридический случай. Подобное правовое регулирование, в свою очередь, совпадает с общим режимом виновной ответственности за нарушение обязательства. В связи с чем к настоящему моменту действительные пределы ответственности предпринимателей за нарушение обязательства по российскому гражданскому праву остаются не вполне понятны.

С учетом вышесказанного справедливо будет отметить, что описанную в Постановлении № 6 обязанность лица, обремененного риском убытков, возместить соответствующие имущественные потери не следует отождествлять с институтом строгой (не учитывающей вину) гражданско-правовой ответственности.

Так, даже если рассматривать положения пункта 3 статьи 401 ГК РФ сквозь призму классических представлений о разграничении зон ответственности, случая и непреодолимой силы, то согласно тексту разъяснений Постановления № 7 для привлечения предпринимателя к ответственности за нарушение обязательства закон все равно будет требовать, чтобы на стороне данного лица присутствовали все иные критерии привлечения к ответственности кроме вины (факт неисполнения или ненадлежащего исполнения должником обязательства, возникновение у кредитора убытков, наличие причинно-следственной связи между данными обстоятельствами).

В свою очередь, условиями возникновения обязанности возместить убытки другой стороне обязательства при наступлении невозможности его исполнения являются лишь

несение лицом соответствующего риска и просрочка как предпосылка для его возложения. Как и в теориях, лежащих в основе учения об объективной ответственности, риск убытков в Постановлении № 6 не отсылает к каким-либо единым правилам установления объема подлежащих возмещению убытков, пределов, в которых возможно возложение такой обязанности, конкретных причин или способа установления лица, обременяемого такой обязанностью.

Тем самым, обязанность лица, обременённого риском убытков, по возмещению имущественного ущерба другому лицу в действительности не является частью предусмотренного ГК РФ механизма привлечения должника к ответственности за нарушение обязательства. Единственное, что их связывает, – общность терминологического аппарата, используемого для описания подлежащих к возмещению имущественных потерь (убытков). В остальном же данная обязанность (как и весь институт юридического риска в целом) представляет из себя исключение из общего правила ГК РФ о правовых последствиях случайно наступившей невозможности исполнения обязательства.

Заключение

Понятие риска в современном российском правопорядке имеет самостоятельное юридическое значение, которое было закреплено в правовой системе посредством нескольких последовательных разъяснений Верховного суда Российской Федерации.

Согласно данным разъяснениям под риском следует понимать специфическое юридическое обременение стороны обязательства, в силу которого обязанности такого лица по обязательству не прекратятся с наступлением постоянной невозможности его исполнения по причинам, за которые не отвечает ни одна из сторон. Вместо этого у обремененного риском лица либо появится обязанность возместить другой стороне убытки, причиненные наступившей невозможностью исполнения обязательства, либо сохранится обязанность предоставить изначально согласованный сторонами объект обязательства, невзирая на отсутствие какого-либо встречного предоставления. По общему правилу такие обременения возлагаются на сторону обязательства, находящуюся в просрочке его исполнения. Однако положения ГК РФ об отдельных типах договоров могут устанавливать и иные правила, специальные по отношению к общему.

Возникновение у стороны обязательства обязанности по возмещению убытков наступает в результате возложения на нее риска убытков. Конструкция данного юридического обременения наследует разработанным в XX веке теориям риска как предпосылки возложения на лицо объективной гражданско-правовой ответственности, то есть за простой факт причинения вреда.

При этом, как показывает системное прочтение разъяснений высшей судебной инстанции с соответствующими положениями ГК РФ, в российском правопорядке риск убытков не дополняет положения закона, регулирующие привлечение к гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательства. Институт риска игнорирует иные реквизиты возложения на лицо подобной ответственности, а не только наличие или отсутствие вины, и применим к любой стороне одностороннего обязательства, а не только к должнику. По этим же причинам риск убытков не совпадает по своему содержанию с институтом расширенной гражданско-правовой ответственности предпринимателей (п.3 ст.410 ГК РФ). Тем не менее степень безусловности, с которой субъекты двух данных правовых институтов обязаны к возмещению имущественного вреда другим лицам, все еще подлежит выяснению.

Сохранение у лица обязанности по предоставлению при отпадении у его контрагента встречной обязанности в силу наступившей невозможности исполнения обязательства является правовым последствием возложения на такое лицо риска неполучения встречного предоставления. Данное обременение соответствует одному из наиболее древних правил мировой юриспруденции, первоначально регулировавшему только обязательственные отношения продавца и покупателя. Разрыв взаимной обусловленности предоставлений сторон договора при применении данного правила стал объектом обширной интеллектуальной рефлексии в пандектистике. Однако итогами поиска обоснований для такого разрыва стала постепенная утрата единого понимания юридического риска и расцвет исследований, посвященных типологии механизмов его перераспределения. В свою очередь, российский правопорядок сохранил терминологическое и структурное единство данного института, что позволяет исследовать его как целостное нормативное явление.

Риск неполучения встречного предоставления с необходимостью предполагает, что стороны обязательства являются одновременно должниками и кредиторами друг друга. В связи с чем целесообразно предположить, что по общему правилу риск убытков обременяет стороны в одностороннем обязательстве, а риск неполучения встречного предоставления – в двухстороннем.

Критерием для выделения именно таких типов риска может являться презумпция того, что неполучение согласованного предоставления представляет для стороны обязательства имущественный вред. Поэтому если такой вред вызван случайными событиями, то все негативные имущественные последствия таких событий данная сторона должна претерпевать сама. В свою очередь, будучи исключением из данного правила, юридически риск обязывает обремененное им лицо возместить такой вред другому лицу за свой счет (в виде убытков, или изначально согласованного предоставления).

При этом общим местом обоих описанных типов риска является то, что устанавливающие их правовые нормы и разъяснения рассматривают риск как специфическую правовую категорию, являющуюся исключением из общего правила о правовых последствиях случайно наступившей постоянной невозможности исполнения обязательства.

Библиография

1. Российская Империя. Законы. Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности [Электронный ресурс] : [Высочайше утв. 2 июня 1903 г.].
2. Законодательство о банкротстве: преемственность и новации / П.Р. Абдуллаева, Н.В. Бандурина, Ю.М. Воронина и др.; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2023.
3. Нолькен А.М. Законы о вознаграждении заувечье и смерть в промышленных заведениях частных, общественных и казенных : практическое руководство. СПб.: Издание Юридического книжного склада "Право", 1911.
4. Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве : часть общая. Душанбе: Изд. "Ирфон", 1972.
5. Пассек Е.В. Понятие непреодолимой силы (*vis major*) в гражданском праве // Неимущественный интерес и непреодолимая сила в гражданском праве. М.: Статут, 2003.
6. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 6-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2023.

7. Дождев Д.В. Возложение риска на покупателя в классической купле-продаже // Европейская традиция частного права : исследования по римскому и сравнительному праву : в 2 т. / Т. 2: Залоговое право. Обязательство. Договор купли-продажи. М.: Статут, 2021. С. 398-457.
8. Дождев Д.В. Римское частное право : учебник / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. 3-е изд., испр. и доп. М.: Норма : ИНФРА-М, 2022.
9. Кнельц (Капитонова) А.М. Синаллагма в договорном праве // Договоры и обязательства : сб. работ выпускников Российской школы частного права при Исследовательском центре частного права им. С. С. Алексеева при Президенте РФ : в 2 т. / сост. и отв. ред. А. В. Егоров и А. А. Новицкая. Т. 1. Общая часть. М.: Исследовательский центр частного права им. С. С. Алексеева при Президенте РФ, 2018. С. 187-232.
10. Новицкая А.А. Учение о синаллагматическом договоре в римском праве. Контракт Лабеона // Вестник гражданского права. 2013. № 2. С. 50-59.
11. Осокин, А. В. Распределение рисков при организации строительства // Проблемы строительного права. Выпуск 2: сборник статей / сост. и отв. ред. Н. Б. Щербаков. М.: Статут, 2023. С. 382-428.
12. Пирвиц Э.Э. Значение вины, случая и непреодолимой силы в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2010. № 5, 6.
13. Тололаева Н.В. Комментарий к статье 1080 Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник гражданского права. 2023. № 2. С. 112-144. DOI: 10.24031/1992-2043-2023-23-2-112-144 EDN: MDTTJM
14. Вячеславов Ф.А. Распределение рисков в договорных обязательствах : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 : защищена 14.05.08 / Вячеславов Федор Александрович. М., 2008. 04200811405. EDN: NPKFHJ
15. Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Д-р юрид. наук., проф. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2023. Т. I : Общая часть.
16. Громов А.А., Тололаева Н.В. Обязательственное и договорное право : курс лекций. М.: Статут, 2025.
17. Пляниоль М. Курс французского гражданского права. Ч. 1. Теория об обязательствах. Вып. 1; пер. с фр. и предисловие В. Ю. Гартмана. Петроков: Тип. С. Панского, 1911.
18. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права : учебник; пер. с итал. И. И. Маханькова ; под общ. ред. Д. В. Дождева. М.: Норма : ИНФРА-М, 2022.
19. Стучка П.И. Курс советского гражданского права. В 3 т. Т. 3. Особенная часть. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931.
20. Chr. Filios P. Die Gefahrtragung beim Kauf (§ 446 BGB) im Rahmen des Synallagmas. Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1964.
21. Eisser G. Die Gefahrtragung beim Kaufvertrag in rechtsvergleichender Darstellung. Berlin: Julius Springer, 1927.
22. Aksoy H.C. Impossibility in Modern Private Law : A Comparative Study of German, Swiss and Turkish Laws and the Unification Instruments of Private Law. London: Springer, 2014.
23. Pennitz M. Martin Bauer, Periculum emptoris. Eine dogmengeschichtliche Untersuchung zur Gefahrtragung beim Kauf // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Ableitung. 2000. № 1(117). Pp. 631-635.
24. Wächter C.G. Wer hat bei Obligationen die Gefahr zu tragen? // Archiv für die civilistische Praxis. 1832. Pp. 97-138.
25. Schirmer T. Zur Lehre von dem periculum casus bei Obligationen // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Ableitung. 1872. № 1(10). Pp. 70-83.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, понятие юридического риска в современном российском правопорядке. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им достаточно подробно: "Рассмотрение любой правовой проблемы, которая в том или ином аспекте отсылает к понятию риска, всегда затрудняется неопределенностью самого этого понятия. Перегруженность данного термина множеством внеправовых, и, зачастую, не пересекающихся между собой значений отмечал еще В. А. Ойгензихт, говоря об этой особенности риска как одной из возможных причин отсутствия единого определения данного термина в европейских законодательствах начала XX века [4, с. 5-7]. В то же время в современной российской правовой науке вопрос о дефиниции данного термина достаточно часто не поднимается вовсе. Наиболее характерен этот подход для работ, посвященных узкоспециализированным вопросам гражданского права (см, например, [2],[6],[11])" и др.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Следовательно, можно сказать, что термин «риск» в обозначенном контексте имеет одновременно два значения. Во-первых, «риском» называется угроза наступления таких ситуаций, где кредитор потерпит имущественный вред, состоящий в случайно наступившей невозможности должника осуществить согласованное сторонами предоставление и, следовательно, исполнить договорное обязательство. Во-вторых, под риском понимается и само юридическое обременение, в силу которого закон возлагает на кредитора обязанность самостоятельно претерпевать имущественные потери, возникающий при «материализации» таких угроз, то есть в результате их превращения из гипотетической вероятности в реально возникшие убытки. Как правило, при обсуждении риска и механизмов его распределения немецкоязычными авторами подразумевается именно последнее, более техническое значение термина. Подытоживая, можно сказать, что термин «риск» в данной традиции одновременно описывает определенный тип юридических ситуаций (случайно наступившая на стороне должника невозможность исполнения обязательства, воспринимающаяся как ущерб на стороне кредитора) и, при этом, адресует последствия их наступления конкретной стороне обязательства (кредитору). В таком понимании риск используется для описания отношений сторон всякого взаимного двухстороннего обязательства"; "По свидетельствам В. А. Ойгензихта трактовка риска как критерия привлечения к гражданско-правовой ответственности находила свое оправдание в широко распространившейся к концу XIX века идее, согласно с которой сам факт причинения вреда должен обязывать лицо к восстановлению ущерба. Появление данной идеи было обусловлено не столько развитием представлений о риске, сколько кризисным состоянием учения о виновной ответственности. Предлагаемые классической теорией правовые решения перестали восприниматься в качестве эффективных и справедливых, а неопределенность понятия «вины» ставила вопрос о критериях разграничения гражданской-правовой и уголовной ответственности за причинение вреда"; "Таким образом, последовательное развертывание идей, лежащих в основе учения об объективной ответственности, демонстрирует, что предлагаемая в рамках него трактовка юридического риска не имеет какого-либо единого содержания. Под «риском» в рамках этой традиции имеется ввиду

юридическое обременение, с возложением которого на лицо вне зависимости от наличия в том его вины оно становится субъектом гражданско-правовой ответственности за вред, причиняемый другому лицу. При этом не всегда имеет значение, связывает ли причинителя вреда и потерпевшего какое-либо договорное, деликтное или обязательственное правоотношение вообще. Также учение об объективной ответственности не дает четкого ответа на вопрос о том, возможно ли привлечение обремененного риском лица к ответственности за вред, причиненный обстоятельствами непреодолимой силы"; "Тем самым, обязанность лица, обременённого риском убытков, по возмещению имущественного ущерба другому лицу в действительности, не является частью предусмотренного ГК РФ механизма привлечения должника к ответственности за нарушение обязательства. Единственное, что их связывает, – общность терминологического аппарата, используемого для описания подлежащих к возмещению имущественных потерь (убытков). В остальном же данная обязанность (как и весь институт юридического риска в целом) представляет из себя исключение из общего правила ГК РФ о правовых последствиях случайно наступившей невозможности исполнения обязательства" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. Основная часть статьи состоит из двух разделов: "Основные исторические формы представлений о юридическом риске"; "Юридический риск как элемент российской правовой системы". В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Авторы таких работ как правило апеллируют к риску как к интуитивно понятной, самоочевидной и общеизвестной категории, не требующей дополнительных пояснений" - "Авторы таких работ, как правило, апеллируют к риску как к интуитивно понятной, самоочевидной и общеизвестной категории, не требующей дополнительных пояснений" (см. на пунктуацию).

Ученый отмечает: "Первоначальная разработка данного понятия, была обусловлена поисками ответа на вопрос о том, почему в многочисленных отрывках древнеримских текстов последовательно воспроизводится правило, согласно которому покупатель остается обязан заплатить продавцу полную стоимость товара, даже если после заключения договора купли-продажи товар будет случайно поврежден или уничтожен" - первая запятая является лишней.

Автор указывает: "После этого, дискуссия ведется уже лишь о том, какой из этих механизмов в наибольшей мере отвечает интересам сторон и соответствует самой структуре взаимного обязательства" - первая запятая является лишней.

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки и пунктуационные ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 25 источниками (монографиями, диссертационной работой, научными статьями, нормативным материалом, учебниками, комментарием). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Понятие риска в современном российском правопорядке имеет самостоятельное юридическое значение, которое было закреплено в правовой системе посредством нескольких последовательных разъяснений Верховного суда Российской Федерации. Согласно данным разъяснениям под риском следует понимать специфическое юридическое обременение стороны обязательства, в силу которого обязанности такого лица по обязательству не прекратятся с наступлением постоянной невозможности его исполнения вследствие обстоятельств, за которые не отвечает ни одна из сторон. Вместо этого у обремененного риском лица либо появится обязанность возместить другой стороне убытки, причиненные наступившей невозможностью исполнения обязательства, либо сохранится обязанность предоставить изначально согласованный сторонами объект обязательства, невзирая на отсутствие какого-либо встречного предоставления. По общему правилу такие обременения возлагаются на сторону обязательства, находящуюся в просрочке его исполнения. Однако положения ГК РФ об отдельных типах договоров могут устанавливать и иные правила, специальные по отношению к общему. Возникновение у стороны обязательства обязанности по возмещению убытков наступает в результате возложения на нее риска убытков. Конструкция данного юридического обременения наследует разработанным в XX веке теориям риска как предпосылки возложения на лицо объективной гражданско-правовой ответственности, то есть за простой факт причинения вреда. При этом, как показывает системное прочтение разъяснений высшей судебной инстанции с соответствующими положениями ГК РФ, в российском правопорядке риск убытков не дополняет положения закона, регулирующие привлечение к гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательства. Институт риска игнорирует иные реквизиты возложения на лицо подобной ответственности, а не только наличие или отсутствие вины, и применим к любой стороне одностороннего обязательства, а не только к должнику. По этим же причинам риск убытков не совпадает по своему содержанию с институтом расширенной гражданско-правовой ответственности предпринимателей (п.3 ст.410 ГК РФ). Тем не менее степень безусловности, с которой субъекты двух данных правовых институтов обязаны к возмещению имущественного вреда другим лицам, все еще подлежит выяснению" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере теории государства и права, гражданского права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования и устранении нарушений в оформлении статьи.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Поярков С.Ю., Гончаров В.В. «Южный» конституционализм: особенности трансформации публичной власти в государствах Латинской Америки и Африки // Юридические исследования. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.8.75182 EDN: XRSFKO URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=75182

«Южный» конституционализм: особенности трансформации публичной власти в государствах Латинской Америки и Африки

Поярков Сергей Юрьевич

кандидат педагогических наук

ученый секретарь; ФГУП "Всероссийский научно-исследовательский институт физико-технических и радиотехнических измерений"

350007, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Химзаводская, 48, оф. 4

✉ niipg2025@mail.ru

Гончаров Виталий Викторович

кандидат юридических наук

доцент; кафедра гражданского процесса и международного права; Кубанский государственный университет

350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

✉ niipgergo2009@mail.ru

[Статья из рубрики "Государственные институты и правовые системы"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.8.75182

EDN:

XRSFKO

Дата направления статьи в редакцию:

16-07-2025

Аннотация: Статья посвящена публично-правовому анализу особенностей трансформации публичной власти в государствах Латинской Америки и Африки. Актуальность изучения «южного» конституционализма обусловлена не только его эмпирическим разнообразием, но и тем, что он бросает вызов универсализирующему подходу к конституционному дизайну. Целью исследования является анализ

особенностей трансформации публичной власти в государствах Латинской Америки и Африки сквозь призму «южного» конституционализма, посредством не прямого сравнения правовых систем данных регионов планеты, а путем вычленения их основных типологических черт, выявления и формализации институциональных инноваций и культурно-правовых смыслов, которые транслируют контуры процессов формирования и развития конституционализма в данных государствах. Задачи статьи включают, прежде всего, выявление общих и отличительных черт моделей публичной власти на обоих континентах, определение соотношения южного конституционализма с более широкими типологиями (в частности, либеральным, социалистическим, гибридным конституционализмом), анализ трансформационных механизмов, применяемых в условиях конституционного плюрализма. Использованы научные методы: диалектический анализ; методология постколониального анализа; сравнительно-правового анализа; историко-правовой; социологический анализ. Обращение к феномену «южного» конституционализма позволяет расширить горизонты сравнительного анализа, поставить под сомнение универсальность нормативных моделей, доминирующих в западной науке. Это требует переосмыслиения самого языка, на котором мы говорим о праве, власти и государственности. Ведь именно в южных контекстах проявляется вся напряжённость между формой и содержанием публичной власти, между декларируемыми нормами и реальными практиками, между правовой универсалией и конкретной культурной ситуацией. Южный конституционализм – это не альтернатива как отклонение, но альтернатива как возможный путь, реальность, в которой публичная власть учится быть законной и легитимной в глазах многообразных сообществ, составляющих её тело. Он является процессом, где вместо навязываемых моделей рождаются формы, укоренённые в культурном, историческом и социальном контексте. Это политико-правовая философия, в которой горизонт власти опирается не на центр, а на множественность точек сборки. В этом множестве, в этом напряжении между стабильностью и переменой, в этом поиске равновесия между универсализмом и локальностью заключается главный вклад южного конституционализма в обновление современной доктрины публичного права.

Ключевые слова:

южный конституционализм, особенности трансформации, публичная власть, Латинская Америка, Африка, постколониальный, глобальный Юг, государства Севера, конституционный плюрализм, конституция

Введение

Безусловно, тема «южного» конституционализма является одним из наиболее интригующих направлений современной сравнительной конституционной теории. В условиях стремительных глобальных трансформаций и постоянных политико-правовых вызовов государства Латинской Америки и Африки становятся не просто пассивными потребителями западных моделей публичной власти, но активными конструкторами собственных конституционных решений, отражающих исторические травмы, культурные коды, политическую волатильность и борьбу за автономию. В отличие от традиционной парадигмы, в которой именно государства Севера задают тон нормативному дискурсу, «глобальный Юг» сегодня все чаще функционирует как лаборатория альтернативных моделей управления и легитимации власти, где трансформация публичной власти носит как адаптивный, так и революционный характер.

Примечательно, что именно в государствах Южной Америки и Африки можно наблюдать уникальное сочетание формального заимствования институтов «классического» конституционализма и их глубокого переосмыслиения на основе локальных контекстов. Конституции Боливии (2009), Эквадора (2008), ЮАР (1996) и Кении (2010) демонстрируют яркие примеры нормативного синтеза – правовых систем, где современный язык прав человека и институтов демократического участия сосуществует с постколониальными, этнокультурными и даже космологическими структурами власти. Как отмечает ряд исследователей, южный конституционализм не следует понимать как упрощённую версию северного – напротив, он предлагает альтернативную логику легитимации, основанную на эпистемологическом плюрализме и радикальной включенности ранее маргинализированных групп населения. [\[5\]](#)

Актуальность изучения «южного» конституционализма обусловлена не только его эмпирическим разнообразием, но и тем, что он бросает вызов универсализирующему подходу к конституционному дизайну. Концепции подлинного народовластия, участия, правового плюрализма и экологического гуманизма, отражённые, например, в боливийской идее «*buuen vivir*», не укладываются в привычные схемы либеральной государственности. При этом важно отметить, что многие из этих новаций не являются результатом академического конструктивизма, но возникают снизу – как выражение требований социальных движений, этнических сообществ и феминистских инициатив. Это свидетельствует о трансформации самой природы публичной власти: от репрезентативной и институционально замкнутой – к более открытой, сетевой и перформативной.

Целью настоящего исследования является анализ особенностей трансформации публичной власти в государствах Латинской Америки и Африки сквозь призму «южного» конституционализма. Однако важно подчеркнуть, что речь идёт не о прямом сравнении правовых систем, а о попытке вычленить их типологические черты, институциональные инновации и культурно-правовые смыслы, которые они транслируют. В этом контексте крайне продуктивным оказывается применение методологии постколониального анализа, позволяющего выявить глубокие структурные асимметрии, сохраняющиеся в постимперском правовом прогосударстве, а также сравнительно-правового подхода, способного установить параметры различия и схожести между региональными моделями публичной власти.

Задачи статьи включают, прежде всего, выявление общих и отличительных черт моделей публичной власти на обоих континентах. Например, в Латинской Америке ключевую роль играет идея конституционного рефундамента государства – как правило, через учредительные собрания, [\[30, с. 1587-1610\]](#) тогда как в Африке особое внимание уделяется вопросам правовой инклюзии и интеграции обыденного права в формальные институты. [\[31, с. 403-442\]](#) Кроме того, важно определить, каким образом южный конституционализм соотносится с более широкими типологиями – например, либеральным, социалистическим или гибридным конституционализмом, и возможно ли вообще адекватное его вписывание в эти рамки.

Особого внимания заслуживают трансформационные механизмы, применяемые в условиях конституционного плюрализма. Так, в ряде латиноамериканских государств наблюдается институционализация «двойной власти» – сосуществование формальных парламентских структур и автономных органов индейского самоуправления, как, например, в Боливии. В Африке подобные процессы носят иной характер: там публичная власть часто опирается на авторитет традиционных вождей, включённых в официальную

систему власти (например, в Гане или ЮАР). Возникает парадоксальная ситуация: деколонизация формально завершена, но постколониальный субъект по-прежнему вынужден маневрировать между западными формами публичной власти и коренными представлениями о легитимности.

В теоретическом плане «южный» конституционализм вызывает дискуссии о самой природе конституционного права. Следует ли рассматривать его как разновидность «нестабильного» или «переходного» конституционализма (*transitional constitutionalism*) или же как полноценную автономную традицию? По мнению южноафриканского правоведа Х. Клюг, южный опыт предоставляет не столько нестабильную модель, сколько динамическое поле для правовой эволюции, в котором правовая форма вынуждена приспосабливаться к реалиям глубокого социального расслоения, постконфликтного устройства и слабых институтов. [\[14, с. 67-94\]](#)

Таким образом, обращение к феномену «южного» конституционализма позволяет не только расширить горизонты сравнительного анализа, но и поставить под сомнение универсальность нормативных моделей, доминирующих в западной науке. Это требует, в свою очередь, переосмысления самого языка, на котором мы говорим о праве, власти и государственности. Ведь именно в южных контекстах проявляется вся напряжённость между формой и содержанием публичной власти, между декларируемыми нормами и реальными практиками, между правовой универсалией и конкретной культурной ситуацией.

Основной текст

Южный конституционализм как научная категория: постановка проблемы

Понятие «южного конституционализма» сравнительно недавно вошло в обиход современной конституционной теории, однако уже сегодня оно приобретает особую методологическую значимость, позволяя описывать процессы, ранее воспринимавшиеся как отклонения от «нормативной» модели, основанной на западном либеральном универсализме. Возникновение этого термина тесно связано с работами исследователей, стоящих на позициях постколониальной критики и критической теории права, прежде всего – Б. де С. Сантуша, чья концепция «южных эпистемологий» (*epistemologias del Sur*) впервые обозначила необходимость признания множественности форм знания, в том числе и в правовой сфере. [\[2\]](#) Его подход обосновывает право на существование альтернативных правовых систем, не совпадающих с доминирующей либерально-европоцентрической логикой, но равнозначных ей по степени нормативной значимости. Вслед за ним ряд правоведов, таких как Х. Клюг, [\[15\]](#) Дж. Талли [\[29\]](#) и О. Мадоуби, предложили рассматривать идею южного конституционализма не как случайную правовую аномалию, а как самостоятельную форму легитимации власти, рождающуюся в условиях политической нестабильности, постколониального противостояния и институциональной фрагментации.

Постановка проблемы заключается в следующем: в течение десятилетий конституционное право опиралось на умозрительный канон, в центре которого находился европейский или североамериканский опыт как универсальная формула демократии, разделения властей, верховенства права и прав человека. Однако государства Латинской Америки и Африки, чья история отмечена колониальным насилием, правовой рецепцией, авторитаризмом и массовой мобилизацией, вынуждены были переизобретать институты публичной власти, часто действуя вне рамок предложенного «методического набора». Эти условия породили необходимость концептуального осмысливания южного

конституционализма как особой научной категории, объясняющей не просто региональные различия, но и принципы нормативной альтернативности, культурной специфики и правового сопротивления глобальным иерархиям. Важно отметить, что сам термин «южный» в этом контексте не является географическим указанием, а скорее символизирует эпистемологическую позицию - взгляд с периферии, с нижней ступени глобальной правовой иерархии, откуда видны иные механизмы формирования публичной власти, иные цели конституционного регулирования и иные формы институционального выживания.

Южный конституционализм можно рассматривать как форму правовой рефлексии, возникающую в ответ на несоответствие западных теоретических рамок политическим реалиям государств постколониального мира. Он охватывает спектр практик и норм, в которых публичная власть формируется и осуществляется в условиях системного неравенства, дефицита легитимности, фрагментарной государственности и юридического плюрализма. В отличие от северной модели, где конституция традиционно понимается как результат рационального проекта, зафиксированного в виде стабильного текста, в южных контекстах она нередко выступает как инструмент постоянного переопределения власти, как поле конфликта между различными правовыми традициями и группами интересов. Это наглядно демонстрируют процессы, происходившие при принятии и реализации конституций Южной Африки, Боливии, Эквадора, Колумбии и Кении – государств, где сама идея «конституционного текста» всё чаще уступает место «конституционной практике», подверженной постоянной интерпретации, политизации и актуализации на уровне повседневного права.

Ключевая черта южного конституционализма – это его опора на практики инклюзивности и множественности правовых систем, признание сосуществования формальных и неформальных институтов власти. Например, в государствах африканского континента, как указывает М.-Ф. Ндойе, существует перманентный диалог между государственным правом и обычаями, при котором решения судов традиционного права могут быть признаны и легитимированы в рамках конституционного порядка. [\[21\]](#) В латиноамериканских государствах аналогичную функцию выполняет признание коллективных прав коренных народов и механизмов их автономного самоуправления, в том числе права на территорию, языка, системы правосудия и культурной идентичности, что прямо зафиксировано, например, в Конституции Боливии 2009 года и Конституции Эквадора 2008 года. Данные положения, с одной стороны, формально утверждают новые стандарты участия и представительства, а с другой – становятся ареной правового конфликта между государственным и негосударственным, между унифицированным и культурно специфичным.

Таким образом, южный конституционализм формируется как альтернатива не только западной правовой догме, но и универсалистскому взгляду на саму природу конституционного порядка. По мнению исследователей, конституции государств Латинской Америки часто воплощают не модель «власти под законом», а модель «власти от народа» - с акцентом на перманентную мобилизацию, коллективное участие и прямую демократию, что делает южный конституционализм менее правовой по форме, но более политический по сути. [\[26\]](#) Эта тенденция может быть интерпретирована в духе Р. Хирша, указывающего на необходимость различия конституционализм как формы права и конституционализмы как процесс социального конфликта. [\[13, с. 471-507\]](#)

Вместе с тем, включение южного конституционализма в глобальные типологии конституционного развития сталкивается с методологическими трудностями. С одной

стороны, он демонстрирует устойчивые черты, позволяющие говорить о нем как о самостоятельной парадигме. С другой - его эмпирическое многообразие делает любые обобщения уязвимыми перед обвинениями в экзотизации или редукционизме. Это требует отказа от жёстких классификаций в пользу подходов, признающих гибкость, противоречивость и неоднородность нормативной ткани. В этой связи продуктивным представляется подход, предложенный С.Е Мэрри, которая описывает, как доминирующие понятия права подавляют локальные практики, и предлагает изучать «правовой жанр» конкретных сообществ в их уникальном контексте. [\[19\]](#)

Наконец, следует подчеркнуть, что южный конституционализм функционирует не в вакууме, а в тесной связи с глобальными процессами и трансформацией международного правопорядка. Его развитие обусловлено не только внутренними потребностями государств Юга, но и реакцией на внешние давления: от международных финансовых институтов до правозащитных дискурсов и транснациональных движений. Как указывают ряд авторов, глобальные вызовы - климатический кризис, миграция, цифровое неравенство - требуют новых форм правовой мобилизации, которые южные общества вынуждены разрабатывать быстрее, чем государства центра, именно в силу их уязвимости и институционального напряжения. [\[12; 24, с. 40-44\]](#) Таким образом, южный конституционализм становится не только зеркалом постколониальной борьбы, но и своеобразным предвестником возможных траекторий развития публичной власти в XXI веке.

Исторические и структурные предпосылки южных моделей публичной власти

Формирование южных моделей публичной власти невозможно понять вне историко-структурного контекста, в котором они возникали. Основополагающим элементом, определяющим траекторию конституционного развития государств Латинской Америки и Африки, является колониальное наследие, оставившее глубокие институциональные, правовые и символические следы, которые продолжают определять характер взаимодействия общества и государства. Насильственное насаждение правовых систем метрополий, как правило, игнорировавших сложную социальную и культурную ткань колонизированных обществ, привело к институциональной дисфункции: правовые нормы функционировали поверхностно, в условиях недоверия, репрессий и отсутствия корневой легитимности. Как справедливо подчеркивает А. Ан-Наим, колониализм оставил после себя «правовой порядок без социального укоренения», в котором государство воспринимается как внешний, враждебный субъект, навязывающий чуждые формы власти. [\[20\]](#)

Это проявляется, прежде всего, в феномене правового дуализма, ставшего характерной чертой постколониальных государств. Официальные системы права, основанные на западных принципах, существуют с неформальными, традиционными нормами, глубоко укоренёнными в повседневных практиках. Такая ситуация порождает не просто юридическую неопределенность, но и институциональную фрагментацию: государственные структуры формально исполняют предписания конституций, но в реальности вынуждены вступать в сложные отношения с местными авторитетами, вождями, старейшинами, общинными собраниями. В африканских государствах, как отмечает Г. Берихун, это приводит к возникновению параллельных правовых режимов, между которыми отсутствует полноценная нормативная связь. [\[4, с. 228-249\]](#) Схожие процессы наблюдаются и в государствах Андского региона, где коренное население сохраняет автономные формы самоуправления, зачастую вступающие в противоречие с конституционными принципами унитарного государства.

Одним из наиболее устойчивых последствий такого исторического контекста становится воспроизведение символического насилия в сфере публичной власти. Государство, наследующее административный аппарат колониальной эпохи, продолжает действовать с позиции иерархической, внешней по отношению к гражданам силы. Как отмечает П. Бурдье, символическое насилие — это не просто репрессия, а механизм навязывания легитимности теми, кто обладает властью, при помощи культурных и правовых кодов, не признаваемых значительной частью общества. [\[6\]](#) В этом смысле формальные конституции в южных государствах нередко выступали в роли инструментов презентации внешне благородных идеалов, которые, однако, не имели ни социального, ни институционального подтверждения. Такая ситуация получила в науке название «конституций без конституционализма» - термин, введённый Г. О’Доннелом для обозначения систем, в которых текст конституции существует, но не порождает реально действующих институтов и механизмов контроля. [\[22, с. 55-69\]](#)

Южные общества в этом контексте оказались заложниками правовой мимикрии, при которой декларируемые принципы демократии, прав человека, разделения властей и правового государства оставались фасадными. Принципиально важным отличием от северных государств здесь становится не отсутствие нормативных форм, а их отчуждённость от социальной среды, неспособность включить в систему управления широкие массы населения, особенно - этнические меньшинства и маргинализированные группы. Например, в государствах, таких как Нигерия, Ангола, Колумбия, Венесуэла, «гражданская конституция» существует с «этнической повседневностью», где право понимается не через абстрактные категории, а через принадлежность к общине, религии, территории или касте.

В ответ на этот структурный кризис и историческую несостоительность формального конституционализма в южных государствах предпринимаются попытки так называемой «реинституционализации» публичной власти. Речь идет о разработке и принятии новых конституций, которые призваны преодолеть дистанцию между государственным аппаратом и обществом, а также инкорпорировать элементы правового и культурного плюрализма. Одними из наиболее ярких примеров таких трансформаций стали Конституция Южно-Африканской Республики 1996 года, Конституция Боливии 2009 года и Конституция Кении 2010 года. Все они представляют собой результат широкого общественного консенсуса, часто достигнутого в ходе глубокой политической мобилизации, участия гражданских движений, этнических общин и религиозных групп, что делает их качественно отличными от конституций авторитарного или импортированного типа.

Конституция ЮАР, например, отличается принципиальной новизной не только благодаря признанию широкого спектра прав, включая социальные, культурные и экологические, но и благодаря самой процедуре её принятия - через двухэтапное Конституционное собрание и институциональный контроль со стороны Конституционного суда, что обеспечило её легитимность даже в условиях политической фрагментации. Боливийская модель, в свою очередь, стала первой в мире конституцией, закрепившей принцип «многонационального государства», признающего равную значимость разных правовых систем — обычного, общинного и государственного права. Кенийская конституция, разработанная после масштабного политического кризиса 2007-2008 годов, учредила новые механизмы децентрализации и защиты прав меньшинств, а также усилила роль гражданского общества и независимых органов контроля.

Однако эти реформы также сталкиваются с целым рядом вызовов, в том числе - с

ограниченной институциональной ёмкостью, сохраняющимся неравенством и сложной задачей синтеза различных правовых логик в рамках одной нормативной системы. Пример Боливии показывает, что даже самые амбициозные попытки трансформации публичной власти могут натолкнуться на сопротивление как со стороны элит, так и со стороны традиционных структур, не всегда готовых делиться властью с ранее исключёнными группами. В Кении проблема имплементации новой конституции сталкивается с реальностью коррумпированных бюрократий, местных кланов и неравномерного распределения ресурсов, что тормозит реализацию закреплённых прав и институтов.

Таким образом, исторические и структурные предпосылки южных моделей публичной власти создают уникальные условия, в которых формальные правовые изменения вынуждены сочетаться с более глубокими социальными трансформациями. Это порождает своеобразную форму правового развития, в которой конституция - не статичный текст, а динамическая площадка, на которой разыгрываются конфликты идентичностей, классов, поколений и правовых традиций. И именно в этом постоянном напряжении между прошлым и настоящим, между заимствованным и подлинным, между формой и содержанием возникает южный конституционализм как живая и противоречивая форма публичной власти.

Латинская Америка: конституционализм гражданского участия и социального государства

Латинская Америка в последние десятилетия становится регионом с интенсивной конституционной динамикой, где классические нормы публичной власти переписываются в соответствии с требованиями новых акторов, формирующих политическое поле - индейских движений, организаций трудящихся, женских ассоциаций, экологических коалиций и других форм низовой демократии. Особенно ярко эти процессы проявились в государствах, вовлечённых в так называемый боливарианский поворот, сформировавший уникальную модель, сочетающую элементы социального государства, гражданского участия и символического противостояния неолиберальному порядку. [\[16\]](#) В эту модель, условно именуемую боливарианской, входят конституционные реформы Венесуэлы (1999), Боливии (2009) и Эквадора (2008), где осуществляется радикальное переосмысление источников легитимности власти, роли народа в политическом процессе и функций самой конституции как инструмента социальной трансформации, а не просто закрепления институционального устройства.

Одной из определяющих черт боливарианского конституционализма становится принцип плебисцитарного народовластия, реализуемого не только в рамках периодических выборов, но и через институционализацию механизмов прямой демократии. В данных государствах особое значение приобретают инструменты гражданского участия, включая референдумы, отзываемые мандаты, народные законодательные инициативы, обязательные публичные обсуждения законопроектов и планы развития территорий с участием населения. Эти механизмы формализованы в конституционных текстах, например, в ст. 62 Конституции Венесуэлы, прямо указывающей на то, что «участие народа в формировании публичной администрации и осуществлении контроля за ее деятельностью является необходимым средством контроля и гарантией его прав и свобод». Аналогичным образом и в Конституции Эквадора закреплено право граждан инициировать законодательные проекты и участвовать в формировании народной законодательной повестки. Эти институты, хоть и порой критикуемые за декоративность и манипулятивность, тем не менее демонстрируют направленность южноамериканских

моделей на снижение дистанции между властью и гражданами, а также на переформатирование представления о народном суверенитете — не как абстрактном принципе, а как реально функционирующем механизме мобилизации и контроля.

Существенной особенностью конституционной архитектуры боливарианских государств становится органичное включение в нормативное поле элементов этнокультурной идентичности. Здесь происходит синтез права и космологии, особенно заметный в положениях о «*buen vivir*» (досл. - «достойная жизнь») и *Pachamama* (Мать-Земля), которые становятся не только культурными символами, но и юридическими категориями.

[\[7\]](#) В частности, Конституция Боливии в преамбуле и ряде статей закрепляет концепцию «жизни в гармонии» [\[7\]](#), трактуемую как цель общественного и государственного развития, при этом признаёт Мать-Землю субъектом права. Это не просто декларация, но правовой поворот к экологическому гуманизму, который фактически выносит за скобки антропоцентристическую логику западной правовой традиции. Как подчёркивает Б.С. Сантос, боливарианские конституции фактически выступают текстами сопротивления, которые структурируют государство не вокруг человека как индивида, а вокруг коллективных субъектов и природы как онтологического партёра общества. [\[3\]](#)

Не менее значимым направлением в южноамериканском конституционализме выступает акцент на социальные права как ядро государственного проекта. В отличие от западных систем, где такие права часто рассматриваются как программные или зависимые от ресурсов, в новых латиноамериканских конституциях они приобретают прямое действие, обеспеченное институциональными гарантиями. Например, в Конституции Эквадора образовательные, медицинские, трудовые и экологические права не только формально закреплены, но и подлежат судебной защите в порядке «ампаро»- особого механизма, позволяющего гражданину обжаловать бездействие органов публичной власти. [\[10\]](#) Это приводит к усилению роли конституционных судов, превращающихся в арбитров социального конфликта, в инстанции не только правовой, но и моральной легитимности. Конституционный трибунал Боливии неоднократно принимал решения, которые интерпретировали нормы конституции с позиции коллективных интересов коренных народов, в том числе в конфликтах с крупными промышленными проектами.

Отдельного внимания заслуживает феномен переконституционализации, проявляющийся в частой смене, обновлении или переформатировании конституций в ответ на социальные, экономические и политические изменения. Это явление в западной науке нередко трактуется как признак институциональной нестабильности, однако в контексте Латинской Америки оно может интерпретироваться как форма адаптивного конституционализма, связанного с высокой степенью политической чувствительности и гражданской мобилизации. Так, за последние три десятилетия практически все государства региона провели масштабные конституционные реформы, нередко с участием учредительных собраний и широкой общественной поддержки. При этом смена текста не всегда означает отказ от предыдущих принципов — напротив, она часто направлена на усиление их действенности или корректировку с учётом новых запросов общества. Конституция Боливии 2009 года, пришедшая на смену конституции 1967 года с многочисленными поправками, стала кульминацией длительного процесса переговоров, социальных протестов и этнической консолидации, в результате которого были признаны 36 этнических групп как равноправные субъекты федеративной государственности.

Особое место в институциональной структуре боливарианской модели занимают механизмы двойной легитимности, создающие напряжение между формальными органами власти и харизматическим лидерством. Эта проблема особенно ярко

проявилась в Венесуэле во времена Уго Чавеса, чья популярность и опора на прямое волеизъявление народа де-факто нивелировали противовесы и сдержки, предусмотренные в классической теории разделения властей. Конституция Венесуэлы 1999 года, хотя и сохраняет формальные элементы президентской республики, на практике позволяет главе государства активизировать народные инициативы, вносить поправки, инициировать референдумы, что в условиях харизматического лидерства превращает исполнительную власть в наиболее влиятельную политическую силу. Аналогичную ситуацию можно было наблюдать и в Боливии при правлении Эво Моралеса, чей образ как первого президента-индейца стал символом исторической справедливости, но одновременно вызвал критику за стремление к политической монополии и подчинению судов.

Таким образом, латиноамериканский опыт формирует особую конфигурацию конституционализма, в которой социальные, культурные и правовые принципы переплетены с мобилизационным стилем политики, высокой степенью народного участия и инкорпорацией коллективных идентичностей в государственное строительство. Эти черты делают латиноамериканские конституции не просто юридическими актами, но прогосударствами политической символики и социальной борьбы, в которых право выступает как инструмент не стабилизации, а трансформации реальности.

Африка: трансформация публичной власти между правом, традицией и гибридностью

Африканский контекст конституционного развития представляет собой особенно сложную и многослойную систему, в которой публичная власть формируется и функционирует на пересечении формальных конституционных норм, постколониального правового наследия и глубоко укоренённых традиционных механизмов самоорганизации. Эта гибридность политico-правовых структур не является временным отклонением от «европейской нормы», как это нередко предполагалось в рамках универсалистских моделей конституционного права, но составляет саму суть африканского конституционализма, обнажающего несовпадение между нормативной теорией и правовой действительностью. Уже в середине XX века африканские исследователи, такие как Чинвейзу [9] и В. Родней, [25] обращали внимание на то, что попытка прямого импорта моделей западной публичной власти оборачивается институциональной деструкцией, поскольку игнорирует социальные основания легитимности и нормы, регулирующие повседневную политическую практику.

Одним из ключевых факторов, определяющих специфику африканского конституционализма, является повсеместное сосуществование формального правопорядка и неформальных институтов, таких как вождества, этнические советы старейшин, клиентелистские сети и обычай, регулирующие социальные отношения внутри общин. Эти параллельные структуры не только сохраняются, но зачастую интегрируются в общегосударственные системы управления — либо фактически, либо юридически. Например, в Южно-Африканской Республике Конституция 1996 года (ст. 211–212) признаёт легитимность обычного права, при условии его соответствия Конституции и принципам прав человека, а также предоставляет традиционным лидерам консультативную роль в законодательной сфере. В Намибии аналогичные положения содержатся в ст. 66 Конституции, закрепляющей возможность применения «customary law» как части правовой системы. В Гане закон «о чифстве» (Chieftaincy Act 2008) [9] и положения Конституции 1992 года (ст. 270–277) предоставляют вождям официально признанный статус, включая участие в Совете национальных вождей, обладающем

политико-правовым влиянием.

Эта институциональная дуальность, казалось бы, противоречит базовым представлениям о единстве публичной власти и централизованной юрисдикции, однако в африканских условиях она приобретает позитивный смысл, выступая способом адаптации государственности к социокультурной гетерогенности. Смешение юридических норм здесь не есть правовая хаотизация, но результат исторически обусловленной необходимости учитывать множество этнических, языковых, религиозных и территориальных идентичностей. Более того, именно признание и инкорпорация неформальных институтов позволяет снижать институциональное напряжение, укреплять локальную легитимность власти и обеспечивать постконфликтную стабилизацию. Это особенно заметно в контексте государств, прошедших через длительные гражданские войны и этнополитические кризисы. В таких государствах, как Руанда, Южный Судан, Либерия и Сьерра-Леоне, были созданы комиссии правды и примирения, сыгравшие важную роль в восстановлении общественного доверия и реконфигурации публичного порядка. Эти комиссии, как правило, сочетают элементы уголовного правосудия, ресторативного правосудия и публичного покаяния, предоставляя альтернативу как классической репрессивной юстиции, так и безусловной амнистии.

Эфиопия и Кения в последние годы демонстрируют интересные примеры переосмысления государственного суверенитета через призму территориальной и этнокультурной децентрализации. Конституция Эфиопии 1995 года закрепляет уникальное право «народов, наций и национальностей» на самоопределение вплоть до отделения (ст. 39), что в определённом смысле бросает вызов традиционному пониманию суверенитета как моноэтнического и унитарного. Эта норма, хоть и критикуемая за подрыв территориальной целостности, служит основой новой федеративной модели, ориентированной не на административное удобство, а на культурную идентичность как источник государственной легитимности. Кения, в свою очередь, после принятия Конституции 2010 года осуществила полномасштабную децентрализацию, учредив 47 округов с собственными законодательными собраниями и исполнительными органами, что позволило не только перераспределить ресурсы, но и активизировать политическую жизнь на местах, минимизируя конфликтный потенциал централизованной власти.

На фоне этих преобразований становится особенно заметна проблема президентского неотступничества - феномена, при котором институт президентской власти выходит за пределы конституционных сроков и полномочий. Несмотря на демократические декларации, в ряде государств Африки сохраняется практика «конституционного захвата», когда правящие элиты переписывают основной закон, снимая ограничения по количеству сроков (Бурунди, Уганда, Камерун, Чад). Такая тенденция формирует своего рода «персонализированный конституционализм», при котором юридические нормы адаптируются под амбиции конкретного лидера, а конституционная стабильность приносится в жертву политической монополии. При этом сама риторика таких изменений часто апеллирует к концепциям устойчивости, стабильности и национального единства, что делает проблему особенно чувствительной: формально правовые процедуры соблюдаются, но подменяется их дух.

На этом фоне особый интерес представляет то, как африканские конституции отвечают на вызовы, связанные с коррупцией и социальным неравенством. В новейших конституционных текстах и поправках, таких как Конституция Нигерии (1999, с последующими изменениями), Уганды (2005), Южного Судана (2011), фиксируются расширенные антикоррупционные мандаты для специализированных органов – омбудсменов, комиссий по этике, антикоррупционных бюро. Их деятельность

подкрепляется прямыми нормами, закрепляющими прозрачность, подотчетность и возможность гражданского контроля, включая обязательность деклараций о доходах, публикацию контрактов, процедуры общественных слушаний и т.п. В ряде случаев, как отмечают исследователи (R. Mbaku, A. Matial и др.), [18, с. 427-456; 17, с. 40-51] именно эти институты становятся основой для формирования новой культуры правового доверия и административной этики в условиях слабой традиции публичной ответственности.

Также важным достижением становится постепенная институционализация гендерного и этнического представительства. В новейших конституциях всё чаще закрепляются квоты для женщин в органах власти, а также признаётся коллективная правосубъектность традиционных сообществ. В частности, закрепляются права на землю, на язык, на систему образования, на автономное самоуправление и судебную защиту. Эти положения призваны не только компенсировать исторические формы угнетения, но и структурировать новую форму представительства, при которой право становится не только механизмом индивидуального самовыражения, но и инструментом коллективной идентичности. Здесь особенно заметно сближение с латиноамериканской моделью, но в африканском контексте оно приобретает иной смысл - не столько как конституционная идеология, сколько как необходимость выживания в условиях множественных конфликтов, ресурсного давления и социальной уязвимости.

В совокупности все эти черты позволяют говорить о формировании африканского типа конституционализма, в котором ключевыми понятиями становятся не столько классические категории «разделения властей» или «верховенства права» в их североатлантической трактовке, сколько гибкость, согласование, адаптивность и многоуровневая легитимность. Именно на этих основаниях в африканских государствах рождаются институциональные формы публичной власти, способные учитывать историческую травму, признавать культурную множественность и стремиться к правовому синтезу без отказа от постколониальной субъектности.

Южный конституционализм как лаборатория трансформации публичной власти

Южный конституционализм в своей совокупности всё отчётливее предстает не как временное или переходное состояние правовых систем глобального Юга, а как самостоятельная лаборатория, в которойрабатываются, испытываются и закрепляются новые форматы публичной власти. Его отличительной чертой становится стремление к переопределению самих оснований власти — не как силы, делегированной в результате выборов, а как непрерывного диалога между населением и институтами. Здесь народ уже не только символический источник суверенитета, но и активный субъект постоянного участия, причём участие понимается не как эпизодическая процедура (например, голосование на выборах), а как органический элемент повседневного функционирования государственной машины. Таким образом, источники власти обретают множественность: наряду с выборами, политическими партиями и парламентами, легитимация может исходить от общин, местных ассамблей, традиционных советов и даже от коллективных обрядов и ритуалов, признанных юридически значимыми в рамках национального права.

Эта логика непосредственного, повседневного суверенитета приводит к тому, что южные конституции характеризуются не столько стремлением к стабильности в западном смысле — как прочность и неизменность основного закона, — сколько к гибкости и высокой чувствительности к социальным трансформациям. Конституционный текст здесь перестаёт быть сакральным каноном и начинает выполнять функцию адаптивного инструмента, открытого к изменению при возникновении новых форм политической субъективности

или социальных требований. Подобная текучесть не означает правовой произвольности, но указывает на иной взгляд на конституцию как на живой документ, встроенный в структуру времени и памяти. В Боливии, Эквадоре, Кении и Эфиопии именно такие подходы легли в основу новой конституционной риторики: конституция не фиксирует завершённый порядок, а открывает прогосударство для борьбы, представления, признания и самореализации различных социальных сил.

При этом южный конституционализм предлагает расширенную трактовку самой идеи прав и свобод. Здесь наблюдается отход от индивидуалистской парадигмы в сторону признания коллективных прав - этнических, языковых, культурных, религиозных общин, а также территориальных сообществ, связей с землёй и природной средой. Эти права перестают быть производными от классического набора гражданских и политических прав и обретают собственную онтологию, укоренённую в доколониальных традициях, космологиях и концепциях социальной справедливости. Принцип «*Buen vivir*», зафиксированный в Конституции Эквадора, и юридическая правосубъектность Матери-Земли в Боливии - яркие примеры этого философского и правового поворота. Аналогичные процессы происходят и в Африке, где в ряде государств (например, Уганда, Южная Африка) закрепляются права сельских сообществ на коллективное владение ресурсами, управление экосистемами и защиту культурных обрядов, что формирует уникальную экологическую и социокультурную модель публичной власти, построенную на принципах уважения, преемственности и ответственности перед будущими поколениями.

Однако при всей своей новизне и трансформативном потенциале южный конституционализм сохраняет внутренние противоречия, которые не могут быть угосударствлены только юридическими средствами. Прежде всего, это напряжённость между формальными структурами публичной власти и неформальными механизмами управления. С одной стороны, именно благодаря признанию обычаем, традиционных советов, родовых правовых формул и локальных способов разрешения споров осуществляется инклюзия ранее исключённых групп в конституционный порядок. С другой стороны, такая децентрализация авторитета порождает множественность правовых режимов, усложняет взаимодействие между уровнями управления и может вести к правовой фрагментации, особенно в условиях слабо развитых институтов и отсутствия четких процедур координации. Пример Ганы, где местные вожди обладают значительными полномочиями в земельных вопросах, но при этом не подчиняются напрямую парламентскому контролю, демонстрирует, как баланс между традицией и правом становится вопросом не только юридической техники, но и политической воли.

Следующее противоречие возникает между демократией участия, активно продвигаемой в южных конституциях, и необходимостью институциональной устойчивости. Расширение прямого участия граждан в публичной жизни — через механизмы референдумов, отзывов, местных инициатив, народных собраний — приводит к большей подотчётности власти и актуализации проблематики легитимности. Однако одновременно возрастает риск нестабильности, популистских мобилизаций и размывания границ компетенций между ветвями власти. При этом само понимание стабильности оказывается предметом переоценки: если в североатлантическом дискурсе стабильность ассоциируется с неизменностью форм, то в южном контексте она часто определяется через способность к трансформации без разрушения социального тела. Это понимание особенно важно в условиях государств, переживших насилиственные конфликты, где сохранение статус-кво может означать лишь продолжение структурного неравенства и исключения.

Третье фундаментальное противоречие вытекает из взаимоотношений южных моделей с

глобальной архитектурой права и международными институтами. Южный конституционализм, будучи по сути критикой и переосмыслением универсалистского подхода, вступает в потенциальный конфликт с международными стандартами, основанными на западной правовой теории. Вопрос о приоритете прав человека в их либеральной интерпретации над коллективными правами, о допустимости релятивизации принципа разделения властей, о легитимности неформальных институтов в рамках государственности — всё это становится предметом острой дискуссии. Южные государства вынуждены балансировать между соблюдением международных обязательств (например, в рамках Африканской хартии прав человека и народов [\[11\]](#) или Межамериканской системы прав человека) и внутренней необходимостью выработки собственных правовых парадигм, отвечающих культурным, историческим и социальным реалиям. В ряде случаев (например, дела о защите коллективных земельных прав в Колумбии или решения Конституционного суда ЮАР по вопросам обычаев) национальные судебные органы сознательно отступают от «глобального стандарта», предлагая альтернативные модели правовой аргументации, основанные на принципах справедливости, солидарности и уважения к различиям.

Таким образом, южный конституционализм как лаборатория трансформации публичной власти формирует не просто новый региональный стиль права, но ставит под сомнение саму универсальность тех оснований, на которых строился современный конституционализм в эпоху Просвещения. Здесь не идёт речь о полном отказе от правового рационализма или демократических институтов, но происходит их переосмысление через призму исторического опыта колонизации, борьбы за идентичность, социальной мобилизации и этики ответственности. Это конституционализм не стабильности, а движения; не единства, а множественности; не централизации, а диалога. Именно в этом многообразии проявляется его исследовательская ценность и практическое значение в условиях кризиса глобального порядка и необходимости переосмысления основ публичной власти в XXI веке.

Значение южного конституционализма для трансформации глобальной доктрины публичной власти

Современное развитие южного конституционализма всё отчётливее высвечивает не только его региональную специфику, но и его концептуальную значимость для переосмысления базовых положений глобальной теории публичной власти. Южные модели, формирующиеся в условиях исторически унаследованной асимметрии, структурного неравенства, постколониального травматизма и культурной множественности, выдвигают на первый план альтернативные траектории демократизации и правовой модернизации, не совпадающие с классическими сценариями развития государственности, предполагаемыми либеральной правовой доктрикой. Они демонстрируют, что конституционная эволюция может разворачиваться не по оси «либерализация–правовое государство–разделение властей», а в иных логиках – логиках участия, признания, включения и социальной справедливости, где право является не только инструментом ограничения, но и средством признания множественности.

В этом контексте становится очевидным, что универсалистская доктрина конституционного порядка – в том числе представление о том, что существуют универсальные принципы публичной власти, одинаково применимые вне зависимости от контекста, – утрачивает свою объяснительную силу. Южный опыт демонстрирует, что стабильность институтов может достигаться не через жёсткое закрепление норм, а через

их способность к трансформации, что легитимность власти может опираться не только на формальные процедуры, но и на глубинные символические и культурные основания, что демократия - это не только система представительских органов, но и повседневная практика, вплетённая в ткань сообществ. Эти наблюдения ставят под вопрос саму основу транспланационной модели права, столь популярной в XX веке, согласно которой западные формы публичной власти могут быть механически перенесены в иные социальные реальности без существенной адаптации. Как подчёркивал Б.З. Таманаха, юридические системы (и право) формируются под влиянием локальной истории и культуры, и не могут быть просто перенесены из одного контекста в другой без глубокого изменения. [\[28, с. 375-411\]](#)

Именно южный опыт, накапливаемый в последние десятилетия, становится в настоящее время ключевым источником для развития теории адаптивного конституционализма, акцентирующей внимание не на схожести институтов, а на способности правовых систем воспринимать и перерабатывать социальные вызовы, действовать в условиях изменчивости и неопределенности. [\[23, с. 67-85\]](#) Адаптивный конституционализм исходит из предпосылки, что конституции в глобальном Юге функционируют в условиях не только слабых формальных институтов, но и высокой степени политической, экономической и культурной турбулентности. Это требует от основного закона не столько закрепления идеального порядка, сколько постоянной готовности к переопределению, открытости к включению новых акторов и нормативных источников. В этом смысле южные конституции можно рассматривать как своего рода институциональные «тексты с продолжением», в которых заложен генетический код изменений, а не статичности. Так, Конституция Южной Африки (1996), регулярно интерпретируемая Конституционным судом с учётом текущих общественных потребностей, уже стала моделью динамичного конституционного текста.

Кроме того, южный опыт создаёт основание для критической рефлексии над пределами правовой трансплантации — концепции, согласно которой институты публичной власти, сформировавшиеся в одних условиях, могут быть эффективно внедрены в других без потери функциональности. На практике, как показал анализ политico-правовой эволюции таких государств, как Руанда, Афганистан, Судан, Гаити, трансплантация западных конституционных моделей без должного учета локального контекста оборачивается не правовой модернизацией, а институциональной дисфункцией, ростом недоверия к власти и усилением неформальных структур. Как подчёркивает Джеймс Ф. Скотт в своей концепции «видимость государственности», чем жёстче навязывается формальная структура, тем активнее сопротивление со стороны локальных форм организации. [\[27\]](#) При этом южный конституционализм, напротив, демонстрирует потенциал «восходящей» легитимации - от общины к государству, от практики к норме, от реальности к тексту, а не наоборот.

Именно это свойство делает южный опыт ценным для моделирования институтов публичной власти в условиях постлиберального мира, где классическая модель представительной демократии всё чаще демонстрирует признаки институционального истощения, а правовые системы сталкиваются с новыми типами конфликтов, выходящими за рамки прежней нормативной рамки. Южный конституционализм предлагает здесь не готовые рецепты, а набор рабочих гипотез: как возможно соединение индивидуальных и коллективных прав, какова роль символического представительства в обеспечении легитимности, как можно институционализировать нестабильность не как угрозу, а как ресурс обновления. Особенно интересным в этом плане является включение природы в пространство публичного права - идея, которую активно разрабатывают

южноамериканские и африканские конституции, где экосистемы наделяются правосубъектностью, а охрана окружающей среды становится не отраслью, а онтологическим принципом государственного строительства.

Таким образом, южный конституционализм формирует альтернативный канон, в котором публичная власть переосмысливается не как монопольное управление, а как система распределённой ответственности, не как бюрократическая вертикаль, а как сеть взаимных обязательств и признания, не как стабильность любой ценой, а как готовность к изменению ради сохранения достоинства и идентичности. Это направление развития, набирающее силу в государствах Латинской Америки, Африки, Юго-Восточной Азии, предлагает не «экзотику» или отклонение, а, возможно, предварительное очертание новых норм, к которым будет обращаться правовая мысль в условиях конца либерального консенсуса. Уже сегодня ряд исследователей утверждают необходимость перехода к полицентрическому пониманию конституционализма, в котором не существует одного центра правды, а есть множественные формы правовой рациональности, укоренённой в различных цивилизационных контекстах. Именно в этом смысле южный конституционализм перестаёт быть региональным феноменом и становится полем напряжения, в котором рождаются новые теоретические рамки для понимания власти, права и справедливости в XXI веке.

Заключение

Южный конституционализм на сегодняшний день уже невозможно рассматривать в логике отклонения от условной «нормы» — он всё более отчётливо утверждается как полноценная и легитимная форма трансформации публичной власти, вырастающая из особенностей исторического развития, социального уклада и культурных матриц государств Глобального Юга. Парадокс заключается в том, что то, что ранее квалифицировалось как институциональная нестабильность или правовая аномалия, постепенно начинает осознаваться как автономная форма нормативной организации власти, отличная по своим основаниям и логике от западноевропейских канонов, но при этом не менее значимая по своей внутренней рациональности и эффективная в решении тех задач, которые перед ней стоят. Это особенно важно в контексте критического пересмотра универсалистского подхода к праву, который долгое время предполагал существование некой оптимальной модели публичной власти, от которой любое отклонение трактовалось как дефицит развития, а не как альтернативная траектория.

Именно опыт Латинской Америки и Африки в этом отношении демонстрирует, что устойчивость государственного устройства может зиждаться не на жесткости правовых структур и формальной строгости процедур, а на гибкости, способности учитывать социокультурную динамику, а также на признании и инкорпорации локальных форм знания, управления и взаимодействия. Юг показывает, что государственность может быть не вертикальной и унитарной, а сетевой и плуралистической, что суверенитет — это не всегда централизованная власть, а зачастую распределённая способность к самоуправлению, согласованию интересов и принятию решений на разных уровнях — от общины до нации. Особенno ярко это проявляется в конституциях Боливии, Южной Африки, Кении, Эквадора, Эфиопии — текстах, в которых понятия природы, памяти, культуры, коллективной идентичности получают конституционное измерение, формируя новую топографию публичного права, в которой институты перестают быть отвлечёнными юридическими конструкциями и становятся продолжением социальных и символических структур.

На фоне глобальных процессов эрозии либерального конституционного порядка,

падения доверия к классическим институтам представительной демократии, роста политической поляризации и юридической инструментализации власти, южный опыт приобретает не только компаративное значение, но и перспективу нормативной актуальности для всего мирового научного сообщества. Он предлагает не рецепты, но альтернативы - иной подход к субъектности, иное понимание участия, иную роль судов, иные источники легитимности, иное соотношение формального и неформального в правовом поле. То, что в течение десятилетий воспринималось как временное отклонение от западного образца - перманентная конституционная реформа, децентрализация, усиление роли неформальных институтов, конституционализация прав природы и культурных общностей - сегодня становится предметом заинтересованного внимания, в том числе и со стороны государств, ранее полагавших себя центрами правового универсализма.

В этом смысле южный конституционализм оказывается не вызовом универсальности как таковой, а вызовом неразличающему универсализму, отказывающемуся признавать легитимность иных путей становления публичной власти. Вместо претензии на глобальную истинность юг предлагает модель полицентризма, при которой различные формы правовой рациональности могут существовать, взаимодействовать и даже взаимно обогащаться. Именно поэтому для теории конституционного права южный опыт - это не просто экзотическая материя для компаративного анализа, а подлинный источник теоретического обновления, возможность выйти за пределы устоявшихся понятий, категорий и аксиом, взглянуть на правовые институты с точки зрения их функции, а не формы, их связи с обществом, а не их формального изолированного бытия.

В настоящее время, когда глобальная политico-правовая система переживает глубокий трансформационный сдвиг - проявляющийся в кризисе транснациональных структур, росте авторитарных трендов, кризисе репрезентативных моделей демократии и массовом недоверии к государственным институтам, - необходимость в поиске новых интеллектуальных ориентиров становится очевидной. Южный конституционализм, возникавший как ответ на вызовы колониального наследия, социального неравенства, институционального разрыва и культурной фрагментации, уже содержит в себе эти ориентиры. Он показывает, что конституционное право может быть не только системой ограничений, но и прогосударством признания, что право может быть не только выражением власти, но и формой сопротивления, не только формой порядка, но и условием справедливости, не только выражением рациональности, но и способом сохранения идентичности.

Именно в этом заключается его научная и практическая значимость. Южный конституционализм — это не альтернатива как отклонение, но альтернатива как возможный путь. Это правовая реальность, в которой публичная власть учится быть не только законной, но и легитимной в глазах многообразных сообществ, составляющих её тело. Это процесс, в котором вместо навязываемых моделей рождаются формы, укоренённые в культурном, историческом и социальном контексте. Это политico-правовая философия, в которой горизонт власти опирается не на центр, а на множественность точек сборки. И в этом множестве, в этом напряжении между стабильностью и переменой, в этом поиске равновесия между универсализмом и локальностью — и заключается главный вклад южного конституционализма в обновление современной доктрины публичного права.

Библиография

1. Африканская хартия прав человека и народов. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

- https://storage-ddh-prod.s3.fr-par.sdw.cloud/filer_public/e7/7b/e77bf49b-d776-41d4-93b2-480d0cbc6810/charter_africaine_des_droits_de_l_homme_et_des_peuples_ru.pdf (дата обращения: 15.07.2025).
2. de Sousa Santos B. *Epistemologies of the South: Justice Against Epistemicide*. Paradigm Publishers, 2014. 426 с.
 3. de Sousa Santos B. *The End of the Cognitive Empire: The Coming of Age of Epistemologies of the South*. Duke University Press, 2018. 392 с.
 4. Berihun G. Decoding legal pluralism in Africa. *The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law*. 2017. № 49. С. 228-249.
 5. Boaventura de Sousa Santos, Sara Araújo, Orlando Aragón Andrade (Eds.). *Decolonizing Constitutionalism: Beyond False or Impossible Promises*. Routledge, 2024. 354 с.
 6. Bourdieu P. *Réflexive Sociologie*. Paris: Éditions de Minuit, 1994.
 7. Buen Vivir. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hyperkulturell.de/buen-vivir-15> (дата обращения: 15.07.2025).
 8. Chieftaincy Act. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://ir.parliament.gh/bitstream/handle/123456789/1771/CHIEFTAINCY%20ACT,%20202008%20\(ACT%20759\).pdf](https://ir.parliament.gh/bitstream/handle/123456789/1771/CHIEFTAINCY%20ACT,%20202008%20(ACT%20759).pdf) (дата обращения: 15.07.2025).
 9. Chinweizu. *The West and the Rest of Us: White Predators, Black Slavers, and the African Elite*. New York: Random House, 1975. 520 с.
 10. Gloria Orrego Hoyos. *The Amparo Context in Latin American Jurisdiction: An Approach to an Empowering Action*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nyulawglobal.org/globalex/amparo1.html> (дата обращения: 15.07.2025).
 11. Гончаров В.В., Петренко Е.Г., Борисова А.А., Толмачёва Л.В., Дмитриева И.А. Система социального доверия (социального рейтинга) в КНР: проблемы и перспективы внедрения в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2023. № 3. С. 78-91. DOI: 10.7256/2454-0595.2023.3.39983 EDN: TLCPOC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39983
 12. Heeks R. From Digital Divide to Digital Justice in the Global South: Conceptualising Adverse Digital Incorporation (August 18, 2021). *Digital Development Working Paper* № 90.
 13. Hirsch R. Constitutionalism, judicial review, and progressive change: A rejoinder to McClain and Fleming-Reply. *Texas Law Review*. 2005. № 84. С. 471-507.
 14. Klug H. Towards a Sociology of Constitutional Transformation: understanding South Africa's post-apartheid order, in *Sociological Constitutionalism* (ed. Paul Blokker & Chris Thornhill). Cambridge University Press, 2017. С. 67-94.
 15. Klug H. *Constituting Democracy: Law, Globalism and South Africa's Political Reconstruction*. Cambridge University Press, 2000.
 16. Lebowitz M. A. *Construir el socialismo bolivariano del siglo XXI: La economía política de la transición*. Buenos Aires: CLACSO, 2012.
 17. Matial A., Extension Kiu Publication. *Exploring the Efficiency of the Inspectorate of Government in Anti-Corruption Regime in Uganda*. 2024. № 11. С. 40-51.
 18. Mbaku J. M. *Corruption Cleanups in Africa Lessons from Public Choice Theory*. *Journal of Asian and African Studies*. 2008. № 43. С. 427-456.
 19. Merry S. E. *The Seductions of Quantification: Measuring Human Rights, Gender Violence, and Sex Trafficking*. University of Chicago Press, 2016. 249 с.
 20. Na'im A. A. *African Constitutionalism and the Role of Islam*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2006. 216 с.
 21. N'Diaye M.-F. *La réforme du droit de la famille: Une comparaison Sénégal-Maroc*. Montréal: Presses de l'Université de Montréal, 2016. 302 с.
 22. O'Donnell G. *Delegative Democracy*. *Journal of Democracy*. 1994. № 5(1). С. 55-69.
 23. Поярков С.Ю. Адаптивный конституционализм: концептуальные основания и

- институциональные механизмы в условиях политico-правовой турбулентности // Административное и муниципальное право. 2025. № 3. С. 67-85. DOI: 10.7256/2454-0595.2025.3.74695 EDN: OYYMQE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74695
24. Rodríguez-Garavito César. Human Rights: The Global South's Route to Climate Litigation. AJIL Unbound. 2020. № 114. С. 40-44. DOI: 10.1017/aju.2020.4. EDN: TCSERZ.
25. Rodney W. How Europe Underdeveloped Africa. London: Bogle-L'Ouverture, 1972. 320 с.
26. Sáenz de Viteri Vázquez, Andrea & Bjørnskov Christian. Populism and Constitutional Reform in Latin America and the Caribbean. SSRN Electronic Journal. 2018. DOI: 10.2139/ssrn.3290019.
27. Scott J. C. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve. 1998. 568 с.
28. Tamanaha B. Z. Understanding Legal Pluralism: Past to Present, Local to Global. Sydney Law Review. 2007. № 29. С. 375-411.
29. Tully J. Strange Multiplicity: Constitutionalism in an Age of Diversity. Cambridge University Press, 1995.
30. Uprimny R. The Recent Transformation of Constitutional Law in Latin America: Trends and Challenges. Texas Law Review. 2011. № 89. С. 1587-1610.
31. Von Bogdandy A., Urueña R. International Transformative Constitutionalism in Latin America. American Journal of International Law. 2020. № 114(3). С. 403-442. DOI: 10.1017/ajil.2020.27. EDN: ZTIZQP.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, «южный» конституционализм. Автор анализирует соответствующие особенности трансформации публичной власти в государствах Латинской Америки и Африки. Заявленные границы исследования соблюдены ученым. Методология исследования раскрыта: "Однако важно подчеркнуть, что речь идет не о прямом сравнении правовых систем, а о попытке вычленить их типологические черты, институциональные инновации и культурно-правовые смыслы, которые они транслируют. В этом контексте крайне продуктивным оказывается применение методологии постколониального анализа, позволяющего выявить глубокие структурные асимметрии, сохраняющиеся в постимперском правовом прогосударствстве, а также сравнительно-правового подхода, способного установить параметры различия и схожести между региональными моделями публичной власти".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Безусловно, тема «южного» конституционализма является одним из наиболее интригующих направлений современной сравнительной конституционной теории. В условиях стремительных глобальных трансформаций и постоянных политico-правовых вызовов, государства Латинской Америки и Африки становятся не просто пассивными потребителями западных моделей публичной власти, но активными конструкторами собственных конституционных решений, отражающих исторические травмы, культурные коды, политическую волатильность и борьбу за автономию. В отличие от традиционной парадигмы, в которой именно государства Севера задают тон нормативному дискурсу, «глобальный Юг» сегодня все чаще функционирует как лаборатория альтернативных моделей управления и легитимации власти, где трансформация публичной власти носит как адаптивный, так и революционный характер.

Примечательно, что именно в государствах Южной Америки и Африки можно наблюдать уникальное сочетание формального заимствования институтов «классического» конституционализма и их глубокого переосмыслиения на основе локальных контекстов. Конституции Боливии (2009), Эквадора (2008), ЮАР (1996) и Кении (2010) демонстрируют яркие примеры нормативного синтеза – правовых систем, где современный язык прав человека и институтов демократического участия существует с постколониальными, этнокультурными и даже космологическими структурами власти. Как отмечает ряд исследователей, южный конституционализм не следует понимать как упрощённую версию северного – напротив, он предлагает альтернативную логику легитимации, основанную на эпистемологическом плюрализме и радикальной включенности ранее маргинализированных групп населения. [5] Актуальность изучения «южного» конституционализма обусловлена не только его эмпирическим разнообразием, но и тем, что он бросает вызов универсализирующему подходу к конституционному дизайну. Концепции подлинного народовластия, участия, правового плюрализма и экологического гуманизма, отражённые, например, в боливийской идее «*buen vivir*», не укладываются в привычные схемы либеральной государственности. При этом важно отметить, что многие из этих новаций не являются результатом академического конструктивизма, но возникают снизу – как выражение требований социальных движений, этнических сообществ и феминистских инициатив. Это свидетельствует о трансформации самой природы публичной власти: от репрезентативной и институционально замкнутой – к более открытой, сетевой и перформативной". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Таким образом, исторические и структурные предпосылки южных моделей публичной власти создают уникальные условия, в которых формальные правовые изменения вынуждены сочетаться с более глубокими социальными трансформациями. Это порождает своеобразную форму правового развития, в которой конституция – не статичный текст, а динамическая площадка, на которой разыгрываются конфликты идентичностей, классов, поколений и правовых традиций. И именно в этом постоянном напряжении между прошлым и настоящим, между заимствованным и подлинным, между формой и содержанием возникает южный конституционализм как живая и противоречивая форма публичной власти"; "Таким образом, латиноамериканский опыт формирует особую конфигурацию конституционализма, в которой социальные, культурные и правовые принципы переплетены с мобилизационным стилем политики, высокой степенью народного участия и инкорпорацией коллективных идентичностей в государственное строительство. Эти черты делают латиноамериканские конституции не просто юридическими актами, но прогосударствами политической символики и социальной борьбы, в которых право выступает как инструмент не стабилизации, а трансформации реальности"; "В совокупности все эти черты позволяют говорить о формировании африканского типа конституционализма, в котором ключевыми понятиями становятся не столько классические категории «разделения властей» или «верховенства права» в их североатлантической трактовке, сколько гибкость, согласование, адаптивность и многоуровневая легитимность. Именно на этих основаниях в африканских государствах рождаются институциональные формы публичной власти, способные учитывать историческую травму, признавать культурную множественность и стремиться к правовому синтезу без отказа от постколониальной субъектности"; "Таким образом, южный конституционализм как лаборатория трансформации публичной власти формирует не просто новый региональный стиль права, но ставит под сомнение саму универсальность

тех оснований, на которых строился современный конституционализм в эпоху Просвещения. Здесь не идёт речь о полном отказе от правового рационализма или демократических институтов, но происходит их переосмысление через призму исторического опыта колонизации, борьбы за идентичность, социальной мобилизации и этики ответственности. Это конституционализм не стабильности, а движения; не единства, а множественности; не централизации, а диалога. Именно в этом многообразии проявляется его исследовательская ценность и практическое значение в условиях кризиса глобального порядка и необходимости переосмысления основ публичной власти в XXI веке" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, раскрывает его цель и задачи. В основной части работы автор анализирует особенности трансформации публичной власти в государствах Латинской Америки и Африки сквозь призму «южного» конституционализма. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "В условиях стремительных глобальных трансформаций и постоянных политico-правовых вызовов, государства Латинской Америки и Африки становятся не просто пассивными потребителями западных моделей публичной власти, но активными конструкторами собственных конституционных решений, отражающих исторические травмы, культурные коды, политическую волатильность и борьбу за автономию" - первая запятая является лишней.

Ученый отмечает: "Как отмечает ряд исследователей, южный конституционализм не следует понимать как упрощённую версию северного -напротив, он предлагает альтернативную логику легитимации, основанную на эпистемологическом плюрализме и радикальной включенности ранее маргинализированных групп населения [5]" - пропущен пробел после тире.

Автор указывает: " Эти черты делают латиноамериканские конституции не просто юридическими актами, но прогосударствами политической символики и социальной борьбы, в которых право выступает как инструмент не стабилизации, а трансформации реальности" - "прогосударствами" (опечатка).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки и пунктуационные ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 31 источником (монографиями, научными статьями, международными документами, нормативным материалом), в том числе на английском и французском языках. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Южный конституционализм на сегодняшний день уже невозможно рассматривать в логике отклонения от условной «нормы» — он всё более отчётливо утверждается как полноценная и легитимная форма трансформации публичной власти, вырастающая из

особенностей исторического развития, социального уклада и культурных матриц государств Глобального Юга. Парадокс заключается в том, что то, что ранее квалифицировалось как институциональная нестабильность или правовая аномалия, постепенно начинает осознаваться как автономная форма нормативной организации власти, отличная по своим основаниям и логике от западноевропейских канонов, но при этом не менее значимая по своей внутренней рациональности и эффективная в решении тех задач, которые перед ней стоят. Это особенно важно в контексте критического пересмотра универсалистского подхода к праву, который долгое время предполагал существование некой оптимальной модели публичной власти, от которой любое отклонение трактовалось как дефицит развития, а не как альтернативная траектория. Именно опыт Латинской Америки и Африки в этом отношении демонстрирует, что устойчивость государственного устройства может зиждаться не на жесткости правовых структур и формальной строгости процедур, а на гибкости, способности учитывать социокультурную динамику, а также на признании и инкорпорации локальных форм знания, управления и взаимодействия. Юг показывает, что государственность может быть не вертикальной и унитарной, а сетевой и плюралистической, что суверенитет - это не всегда централизованная власть, а зачастую распределённая способность к самоуправлению, согласованию интересов и принятию решений на разных уровнях - от общины до нации. Особенno ярко это проявляется в конституциях Боливии, Южной Африки, Кении, Эквадора, Эфиопии - текстах, в которых понятия природы, памяти, культуры, коллективной идентичности получают конституционное измерение, формируя новую топографию публичного права, в которой институты перестают быть отвлечёнными юридическими конструкциями и становятся продолжением социальных и символических структур. На фоне глобальных процессов эрозии либерального конституционного порядка, падения доверия к классическим институтам представительной демократии, роста политической поляризации и юридической инструментализации власти, южный опыт приобретает не только компаративное значение, но и перспективу нормативной актуальности для всего мирового научного сообщества. Он предлагает не рецепты, но альтернативы - иной подход к субъектности, иное понимание участия, иную роль судов, иные источники легитимности, иное соотношение формального и неформального в правовом поле. То, что в течение десятилетий воспринималось как временное отклонение от западного образца - перманентная конституционная реформа, децентрализация, усиление роли неформальных институтов, конституционализация прав природы и культурных общностей - сегодня становится предметом заинтересованного внимания, в том числе и со стороны государств, ранее полагавших себя центрами правового универсализма" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере конституционного права при условии ее доработки: дополнительном обосновании актуальности темы исследования (в рамках сделанного замечания) и устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему ««Южный» конституционализм: особенности трансформации

публичной власти в государствах Латинской Америки и Африки».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам «южного» конституционализма, особенностям развития институтов публичной власти в государствах Латинской Америки и Африки. Автором рассматриваются вопросы южного конституционализма как отдельной научной категории, исторические и структурные предпосылки южных моделей публичной власти, конституционализм гражданского участия и социального государства в Латинской Америке, трансформация публичной власти между правом, традицией и гибридностью в Африке, общих подходов к южному конституционализму, значения южного конституционализма для трансформации глобальной доктрины публичной власти, делаются конкретные выводы применительно к южному конституционализму. В качестве предмета исследования выступили, прежде всего, нормативно-правовые акты зарубежных государств, мнения ученых, эмпирическая база, в том числе данные из открытых источников.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье заявлена: «анализ особенностей трансформации публичной власти в государствах Латинской Америки и Африки сквозь призму «южного» конституционализма». Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования. В частности, как указано в самой статье, «крайне продуктивным оказывается применение методологии постколониального анализа, позволяющего выявить глубокие структурные асимметрии, сохраняющиеся в постимперском правовом прогосударстве, а также сравнительно-правового подхода, способного установить параметры различия и схожести между региональными моделями публичной власти».

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из эмпирических данных, взятых из открытых источников.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства различных государств. Например, следующий вывод автора: «особое значение приобретают инструменты гражданского участия, включая референдумы,ываемые мандаты, народные законодательные инициативы, обязательные публичные обсуждения законопроектов и планы развития территорий с участием населения. Эти механизмы формализованы в конституционных текстах, например, в ст. 62 Конституции Венесуэлы, прямо указывающей на то, что «участие народа в формировании публичной администрации и осуществлении контроля за ее деятельностью является необходимым средством контроля и гарантией его прав и свобод». Аналогичным образом и в Конституции Эквадора закреплено право граждан инициировать законодательные проекты и участвовать в формировании народной законодательной повестки».

Важную роль в контексте поставленной автором цели исследования сыграл сравнительно-правовой метод исследования, который позволил сопоставить право и законодательство различных государств.

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как

теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема «южного» конституционализма сложна и неоднозначна. Развитие конституционализма, изменение подходов к конституционному праву влияет на право различных государств. Сопоставление мирового опыта, анализ источников регулирования отдельных государств может быть перспективным в плане понимания конституционализма в целом. Сложно спорить с автором рецензируемой статьи в том, что «тема «южного» конституционализма является одним из наиболее интригующих направлений современной сравнительной конституционной теории. В условиях стремительных глобальных трансформаций и постоянных политico-правовых вызовов государства Латинской Америки и Африки становятся не просто пассивными потребителями западных моделей публичной власти, но активными конструкторами собственных конституционных решений, отражающих исторические травмы, культурные коды, политическую волатильность и борьбу за автономию».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать. Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод: «опыт Латинской Америки и Африки в этом отношении демонстрирует, что устойчивость государственного устройства может зиждаться не на жесткости правовых структур и формальной строгости процедур, а на гибкости, способности учитывать социокультурную динамику, а также на признании и инкорпорации локальных форм знания, управления и взаимодействия. Юг показывает, что государственность может быть не вертикальной и унитарной, а сетевой и плюралистической, что суверенитет - это не всегда централизованная власть, а зачастую распределённая способность к самоуправлению, согласованию интересов и принятию решений на разных уровнях - от общины до нации».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по обобщению законодательства различных государств в связи с южным конституционализмом, что может быть полезно специалистам в данной сфере.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с южным конституционализмом в современных социально-экономических условиях.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг поставленной цели работы, так как в завершении сделаны авторские оригинальные выводы по поводу сущности южного конституционализма на современном этапе.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и из-за рубежа (Гончаров В.В., Петренко Е.Г., Борисова А.А., Толмачёва Л.В., Дмитриева И.А., Bourdieu

P., Heeks R., Klug H., Lebowitz M.A. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области вопросов конституционализма.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам понимания южного конституционализма в современных социально-экономических условиях.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

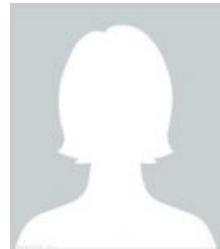
Нгуен Т. Совершенствование тактики расследования торговли людьми на основе ситуационной теории: опыт России и рекомендации для Вьетнама // Юридические исследования. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.8.75298 EDN: XGMHYB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75298

Совершенствование тактики расследования торговли людьми на основе ситуационной теории: опыт России и рекомендации для Вьетнама**Нгуен Тхи Хоан**

соискатель; кафедра судебной экспертизы и таможенного дела;
Институт права и управления; Тульский государственный университет

Россия, Тульская обл., г. Тула, Советский р-н, ул. Фридриха Энгельса, д. 155 к. 135

✉ thihoannguyen39@gmail.com

[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.8.75298

EDN:

XGMHYB

Дата направления статьи в редакцию:

25-07-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования является тактика расследования торговли людьми, в контексте применения ситуационного подхода, разработанного в рамках российской криминалистической науки. Особое внимание уделяется теоретическим основам криминалистической ситуалогии, созданной профессором Т.С. Волчецкой, а также практическому опыту правоохранительных органов Российской Федерации. Анализируется, каким образом классификация типичных следственных ситуаций и соответствующих тактических решений может быть адаптирована к условиям Вьетнама с целью повышения эффективности раскрытия, доказывания и судебного преследования преступлений, обладающих транснациональным характером. В фокусе исследования – возможность интеграции научно обоснованной методики ситуационного анализа в правоприменительную практику вьетнамских следственных органов с учетом особенностей правовой системы, международного сотрудничества и роли жертв как ключевых участников уголовного процесса. Методология основывается на ситуационной теории, особенно на школе «ситуалогии», сформированной вышеупомянутым

исследователем. Применяются методы ситуационного и сравнительно-правового анализа, изучения практики расследования в России и во Вьетнаме, а также статистические данные и качественные исследования, посвящённые межведомственным и международным моделям сотрудничества при проведении расследований. Результаты исследования подтверждают эффективность ситуационной теории в классификации стадий торговли людьми (вербовка, транспортировка, эксплуатация), выявлении типичных следственных ситуаций (трудности доказывания, некооперативность потерпевших, трансграничный элемент) и выработке тактических решений. Опыт РФ показывает, что моделирование следственных ситуаций, подготовка кадров и внедрение цифровых технологий (включая ИИ и анализ соцсетей) значительно повышают эффективность расследований. Выводы могут быть использованы при реформе УПК Вьетнама (ред. 2025 г.), обучении следователей, создании банка моделей типовых ситуаций и развитии международного сотрудничества. В частности, автор предлагает внести изменения в УПК Вьетнама «редакция 2025 г.», создать программу углублённого сотрудничества между Вьетнамом и Россией в сфере борьбы с организованной преступностью и сформировать правовую и практическую экосистему, поддерживающую ситуационный анализ. Научная новизна исследования заключается в первой комплексной систематизации применения ситуационного подхода к делам о торговле людьми в РФ и формировании целостных рекомендаций для Вьетнама. Исследование имеет теоретико-прикладное значение для повышения потенциала в борьбе с транснациональной преступностью.

Ключевые слова:

ситуационная теория, расследование преступлений, торговля людьми, российский опыт, международное сотрудничество, методика расследования, следственная ситуация, преступность, политические рекомендации, уголовное право

Введение

Преступление торговли людьми стало одной из самых серьёзных угроз национальной безопасности и общественному порядку во всём мире. Согласно докладу Управления ООН по наркотикам и преступности «УНП ООН», по оценкам, около 49,6 миллиона человек в мире являются жертвами различных форм принудительного труда и принудительных браков [4, с.12]. Транснациональный характер, высокая организованность и всё более изощрённые методы совершения данного преступления требуют от правоохранительных органов постоянного обновления методов расследования и уголовного преследования [9, с.8].

В этом контексте особенно актуальным становится применение современных научных теорий в практике расследования преступлений. Ситуационная теория «situational theory», получившая широкое развитие в криминологии и криминалистике, доказала свою эффективность при анализе сложных факторов, влияющих на ход расследования, и разработке оптимальных решений для каждой конкретной ситуации [11, с.6]. Особенно значим вклад профессора Т.С. Волчецкой из Балтийского федерального университета имени И. Канта, Россия, чьи научные работы способствовали развитию ситуационной теории в области криминологии и криминалистики.

Как известно, профессор Т.С. Волчецкая считается основателем и лидером научной

школы криминалистической ситуалогии, широко известной в России и за её пределами. Ею был разработан ситуационный подход как научный метод, позволяющий на основе конкретной ситуации выявить признаки аналогичных типовых ситуаций и применить предложенный судебной криминалистикой механизм их разрешения [\[11, с.8\]](#). Суть данного подхода заключается в том, что любое событие анализируется субъектом в контексте взаимосвязанных и динамичных ситуаций, из которых оно состоит [\[11, с.8\]](#).

Помимо значительного вклада профессора Т.С. Волчецкой, следует отметить, что ситуационная школа российской криминологии формировалась также под влиянием других выдающихся исследователей. В частности, современные исследования П.Н. Кобеца [\[13, с.124-130; 14, с.15-17\]](#), посвящённые теме «Психологическая реабилитация потерпевших от преступлений, совершённых с целью торговли людьми и криминальной эксплуатации человека» (2024), проливают свет на ключевую роль психологического фактора в процессе оказания помощи жертвам после их освобождения. Указанная работа подчёркивает, что глубокое понимание психологических особенностей жертв торговли людьми не только способствует повышению качества расследования, но и обеспечивает эффективный сбор показаний, а также защиту прав потерпевших на всех этапах уголовного судопроизводства.

Аналогичным образом, исследование С.Р. Абрамовой [\[10, с.5\]](#) «Возможности использования данных о лице, совершившем преступление, при расследовании торговли людьми» (2024) предлагает методику криминалистического анализа личности преступника, что позволяет формировать поведенческие и психологические модели торговцев людьми. Это особенно ценно в рамках применения ситуационного метода, поскольку даёт возможность следственным органам разрабатывать оптимальные стратегии для каждого конкретного случая на основе индивидуальных характеристик и поведенческих признаков подозреваемого.

Следует отметить, что в РФ, обладающей богатым опытом в борьбе с торговлей людьми и развитой системой уголовного расследования, накоплено множество ценных уроков по применению ситуационной теории на практике. Однако, несмотря на достигнутые успехи, правоприменительная практика в сфере противодействия торговле людьми по-прежнему сталкивается с рядом вызовов, особенно в части выявления и привлечения к ответственности виновных лиц [\[2, с.125\]](#). Согласно данным статистики Судебного департамента при Верховном суде РФ, в 2015 г. за торговлю людьми были осуждены 38 человек, в 2016 г. - 24, в 2017 г. - 26, в 2018 г. - 18, в 2019 г. - 16, в 2020 г. - 16, в 2021 г. - 16, в 2022 г. - 11.

Во Вьетнаме преступление торговли людьми также представляет собой серьёзную угрозу. Согласно данным Министерства общественной безопасности, в 2024 г. по всей стране было расследовано и рассмотрено 163 уголовных дела о торговле людьми, в отношении 455 обвиняемых и 500 потерпевших; из них было возбуждено 91 новое уголовное дело в отношении 237 обвиняемых и 336 потерпевших. В первом полугодии 2025 года было возбуждено и расследовано 120 уголовных дел в отношении 365 обвиняемых, из которых 34 дела и 101 обвиняемый были новыми. Правоохранительные органы усилили расследование, предъявление обвинений и строгое судебное рассмотрение дел о торговле людьми. Только за первые шесть месяцев 2025 года правоохранительными органами было передано в прокуратуру 50 дел в отношении 178 обвиняемых; рассмотрено и вынесено судебное решение по 72 делам в отношении 237 подсудимых. Ст. 150 УК Вьетнама 2015 г. с изменениями и дополнениями 2025 г., содержит исчерпывающее описание состава преступления торговли людьми, включая

три обязательных признака: деяние, способ и цель. Тем не менее, на практике расследование и судебное разбирательство по таким делам сопровождаются значительными трудностями в части сбора доказательств, квалификации преступлений и международного сотрудничества [\[8, с.73\]](#).

Для более всестороннего понимания текущего состояния борьбы с преступлениями, связанными с торговлей людьми в РФ, необходимо проанализировать координационную роль правоохранительных органов в данной системе. В соответствии с организационной моделью России, расследование преступлений данной категории осуществляется на основе чётко определённого распределения полномочий между различными ведомствами: МВД России отвечает за выявление и первоначальное расследование преступлений, СК РФ наделён полномочиями по расследованию тяжких и особо тяжких уголовных дел, в то время как Генпрокуратура РФ осуществляет надзор и поддерживает государственное обвинение.

Такое межведомственное взаимодействие формирует специализированную сеть, в рамках которой каждое ведомство применяет ситуационный подход в соответствии со своими функциональными задачами. В частности, на основании официальных данных, предоставленных правоохранительными органами РФ, ситуация с торговлей людьми в стране в период 2020 - 2024 гг. характеризуется сложной динамикой: наблюдается рост числа выявленных преступлений при одновременном снижении количества осуждённых. Согласно статистике Главного информационно-аналитического центра «ГИАЦ» МВД России, количество официально зарегистрированных преступлений, предусмотренных статьёй 127.1 УК РФ «Торговля людьми», варьировалось по годам следующим образом: 38 дел в 2020 г., снижение до 24 дел в 2021 г., затем до 21 дела в 2022 г., после чего зафиксирован резкий рост - до 37 дел в 2023 г. и пик в 39 дел в 2024 г. Между тем, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, количество лиц, осуждённых по ст. 127.1 УК РФ, демонстрирует нисходящую тенденцию: по 16 человек в 2020 и 2021 гг. и только 11 человек в 2022 г.

Эксперты Всероссийского научно-исследовательского института МВД России подчёркивают, что торговля людьми относится к категории латентных преступлений: лишь одно из девяти преступлений получает официальную регистрацию. Это указывает на то, что реальные масштабы проблемы существенно превосходят отражённые в статистике. Демографический анализ лиц, осуждённых по данной статье в период 2017 - 2022 гг., показывает, что 66,3% составляют женщины «61 из 103 осуждённых», 49,51% находились в возрасте от 30 до 49 лет, и лишь 17,4% совершили преступления в составе организованных преступных групп.

Что касается целей эксплуатации, то 59% выявленных преступлений связаны с сексуальной эксплуатацией, в то время как 34% - с трудовой. Примечательно, что в 2018 г., помимо 32 дел по ст. 127.1 УК РФ, также было возбуждено два дела по ст. 127.2 УК РФ «использование рабского труда». По мнению правоведов, систематизация и классификация информации о преступлениях, связанных с торговлей людьми, сталкивается с рядом затруднений. Это обусловлено, с одной стороны, нечеткостью правового определения самого деяния, вследствие чего отдельные действия квалифицируются по другим статьям УК, а с другой - объективными сложностями в выявлении, доказывании состава преступления и низким уровнем доверия потерпевших к правоохранительным органам.

Кроме того, сведения Генеральной прокуратуры РФ подтверждают важность надзора за правильным применением ситуационного метода, что способствует обеспечению

единообразия и эффективности следственных мероприятий на территории всей страны.

Несмотря на существующие исследования, посвящённые методике расследования торговли людьми во Вьетнаме, систематическое применение ситуационной теории в данной сфере пока не получило должного внимания. Это приводит к отсутствию у следственных органов эффективных инструментов ситуационного анализа, типовых моделей ситуаций и адекватных решений для конкретных случаев.

Полагаем, что в условиях активной международной интеграции Вьетнама и расширения сотрудничества с зарубежными государствами в сфере борьбы с транснациональной преступностью изучение и использование опыта РФ по применению ситуационной теории при расследовании дел о торговле людьми приобретает особую актуальность. Особенно значимым является развитие всестороннего стратегического партнёрства между Вьетнамом и Россией, которое способствует обмену опытом в области правоприменения. В 2023 г. Верховная народная прокуратура Вьетнама и Генеральная прокуратура РФ подписали программу сотрудничества на 2023-2025 г.г., открыв новые перспективы взаимодействия в борьбе с торговлей людьми.

Исходя из вышеизложенного, настоящее исследование направлено на обобщение и анализ опыта РФ по применению ситуационной теории, в частности работ профессора Т.С. Волчецкой, для разработки тактики расследования уголовных дел о торговле людьми. На основе этого анализа будут предложены конкретные рекомендации по эффективному применению данного подхода в условиях Вьетнама с целью повышения качества расследования и обеспечения национальной безопасности.

Методология и методы исследования

Настоящее исследование проведено на основе методологии диалектического и исторического материализма, в рамках которой право рассматривается как общественно-историческое явление, неразрывно связанное с конкретными социально-экономическими условиями и находящееся под воздействием политических, культурных, психологических и институциональных факторов. В частности, исследование опирается на ситуационный подход, основанный на теории ситуаций в криминалистике «криминалистическая ситуалогия», разработанной и развиваемой профессором, доктором юридических наук Т.С. Волчецкой. Согласно данной теории, расследование уголовных дел представляет собой цепь конкретных ситуаций, требующих от участников уголовного процесса идентификации, классификации и выбора оптимального тактического решения в зависимости от конкретных обстоятельств. Помимо указанной теоретической базы, исследование опирается на достижения науки в области криминологии, судебной психологии, цифровых технологий расследования и международного правового сотрудничества. Сквозной методологией статьи является системно-структурный подход, при котором элементы процесса расследования, обвинения и судебного разбирательства по делам о торговле людьми рассматриваются во взаимосвязи и взаимодействии с правовой, социальной и международной средой.

Для достижения цели исследования автором использован комплекс методов научного правового анализа, включая:

Во-первых, метод анализа и синтеза - использовался для анализа теоретических основ ситуационного подхода в криминалистике, а также для обобщения практического опыта его применения в РФ и оценки перспектив применения в условиях Вьетнама.

Во-вторых, сравнительно-правовой метод - основной инструмент для сопоставления норм

законодательства, организационных моделей расследования и оперативных методик, применяемых во Вьетнаме и России в сфере противодействия торговле людьми, особенно в аспекте использования ситуационной теории.

В-третьих, методы статистики и эмпирического анализа - применялись при интерпретации и обработке статистических данных, предоставленных судебными органами России и Вьетнама за период 2015-2025 гг., с целью выявления тенденций преступности, эффективности расследования, а также существующих проблем и недостатков в реализации действующего законодательства.

В-четвёртых, метод анализа документов и нормативных актов - использовался для изучения содержания действующих нормативных правовых актов (включая УК и УПК Вьетнама 2015 г. с изменениями 2025 г.), международных конвенций, Палермского протокола и других правовых документов, касающихся борьбы с торговлей людьми.

В-пятых, экспертный метод и качественный анализ - использовались при изучении научных трудов, статей и взглядов ведущих учёных, таких как Т.С. Волчецкая, Р.Р. Напсо, П.Н. Кобец и других исследователей, с целью формирования научной аргументации и выработки практических рекомендаций.

Посредством интеграции указанных методов в рамках единой научной методологии, данное исследование сформировало прочную теоретическую и эмпирическую основу для анализа применимости ситуационной теории в расследовании преступлений, связанных с торговлей людьми, во Вьетнаме, и предложило комплекс реализуемых решений на правовом, организационном и образовательном уровнях.

Результаты и обсуждения

Прежде всего, необходимо рассмотреть теоретические основы ситуационного подхода, на которых строится предлагаемая методология расследования преступлений, связанных с торговлей людьми.

Ситуационная теория в области судебной криминалистики была сформирована и развита в России на прочной философской и методологической основе. По мнению профессора Т.С. Волчецкой, ситуационный подход определяется как метод, применение которого позволяет в конкретной ситуации выявить признаки аналогичных типичных ситуаций, для разрешения которых судебная криминалистика уже предложила соответствующий механизм [\[11, с.8\]](#). Суть данного метода заключается в том, что любое событие анализируется субъектом во взаимосвязи и динамике составляющих его ситуаций [\[11, с.8\]](#).

В современной науке ситуационный подход рассматривается как одна из ключевых характеристик современного криминалистического мышления. Исследования криминалистических ситуаций проводились на протяжении десятилетий и в настоящее время привели к формированию признанной научной доктрины - криминалистической ситуатологии. Учёные разработали классификации типичных ситуаций, возникающих в практике расследования, оперативной деятельности и судебного разбирательства, а также предложили соответствующие алгоритмы их оптимального разрешения.

Важной идеей стало расширение применения ситуационного подхода не только на анализ расследовательской деятельности, но и на саму преступную деятельность. В рамках данного подхода преступное событие рассматривается как совокупность динамически развивающихся криминальных ситуаций. Это имеет особое значение при

расследовании сложных преступлений, таких как торговля людьми, где преступная деятельность проходит через несколько стадий и различных ситуационных контекстов.

Ситуационный подход в расследовании преступлений основывается на ряде базовых принципов. *Во-первых*, принцип системности - каждая следственная ситуация рассматривается во взаимосвязи с другими элементами системы расследования и в общем контексте уголовного дела [\[7, с.25\]](#). *Во-вторых*, принцип классификации - следственные ситуации подразделяются на типовые группы в зависимости от общих признаков, уровня сложности и требований к разрешению. *В-третьих*, принцип оптимизации - для каждой типичной ситуации необходимо определить наилучший вариант её разрешения, опираясь на практический опыт и научные исследования.

Применение ситуационной теории в расследовании преступлений, связанных с торговлей людьми, имеет особое значение ввиду сложности и многообразия этого вида преступлений. Торговля людьми, как правило, включает в себя несколько стадий: вербовку, транспортировку, передачу, укрытие и эксплуатацию. Каждая стадия формирует особую следственную ситуацию со своими характерными признаками, следами преступления, источниками доказательств и методами их получения [\[8, с.76\]](#).

Представляется, что в процессе расследования правоохранительные органы сталкиваются с различными типами ситуаций.

Первая категория - ситуации, связанные с выявлением и проверкой информации о преступлении торговли людьми. Такие ситуации часто возникают на основании заявлений жертв, их родственников или гражданских организаций, а также при проведении оперативных мероприятий.

Вторая категория - ситуации, возникающие при сборе доказательств и проведении углублённого расследования. Эти ситуации являются одними из самых сложных из-за скрытности преступлений торговли людьми и страха жертв. Следователи должны применять широкий спектр следственных методов: от допросов и обысков до проведения специальных оперативных мероприятий.

Третья категория - ситуации, связанные с международным сотрудничеством в ходе расследования. Учитывая транснациональный характер преступлений торговли людьми, сотрудничество с правоохранительными органами других государств представляется необходимым. Это требует знания международных правовых процедур и способности координировать сложные следственные действия.

После рассмотрения теоретических основ ситуационного подхода представляется необходимым обратиться к практическому опыту его применения в РФ, где данный метод получил научную проработку и институциональную реализацию в уголовно-следственной практике.

Россия добилась значительных успехов в применении ситуационной теории в практике противодействия преступлениям, связанным с торговлей людьми. Правовая база борьбы с торговлей людьми в России была сформирована на основе современных научных принципов и накопленного практического опыта, приобретённого на различных этапах развития. Уголовный кодекс Российской Федерации содержит два основных положения, касающихся преступлений торговли людьми: ст. 127.1 - торговля людьми и ст. 127.2 - использование рабского труда, которые были введены в 2003 г.

Одной из характерных черт российской уголовно-правовой системы является чёткое

разделение функций расследования и уголовного преследования. На практике российские правоохранительные органы разработали классификацию следственных ситуаций, основываясь на исследованиях профессора Т.С. Волчецкой [11, с.91] и других учёных. В рамках уголовных дел о торговле людьми следственные ситуации подразделяются на несколько основных групп: начальное обнаружение, сбор доказательств, противодействие со стороны подозреваемых и международное сотрудничество [5].

В отношении начального обнаружения российский опыт подчёркивает важность создания многоуровневой информационной сети. Уголовные дела о торговле людьми зачастую выявляются в результате деятельности на пограничных пунктах, поступления сообщений от потенциальных жертв, сведений о правонарушениях, совершенных жертвами, или в ходе рутинных проверок и мероприятий полиции.

На этапе сбора доказательств в России применяется интегрированный подход, сочетающий различные следственные методы. Особое значение придаётся допросу потерпевшего, который рассматривается как одно из ключевых оснований для признания факта торговли людьми. Во время допроса необходимо установить обстоятельства совершенного преступления, характер взаимоотношений между жертвой и обвиняемыми, а также собрать анкетные данные и приметы подозреваемых.

Дополнительно большое внимание уделяется использованию современных технических средств и оперативно-розыскных мероприятий. Осмотры мест происшествий, обыски, судебные экспертизы проводятся системно для выявления и фиксации следов преступления. Особенно значимы обыски, направленные на изъятие фотографий, документов и электронных устройств, таких как мобильные телефоны, компьютеры и носители информации.

Одной из особенностей российского подхода является применение прагматического метода расследования «*pragmatic investigation*». В рамках данного метода правоохранительные органы склонны выдвигать обвинения по тем статьям, по которым на основании собранных доказательств можно добиться успеха в суде. Таким образом, статьи о торговле людьми применяются только тогда, когда имеются исчерпывающие доказательства, потерпевшие готовы давать показания и имеется подтверждение намерения эксплуатации.

Автор полагает, что такой прагматичный подход России привлёк внимание и вызвал дискуссии в международном академическом сообществе. Некоторые эксперты считают его обоснованным решением в условиях ограниченности ресурсов и высокой степени сложности преступлений, связанных с торговлей людьми. В то же время существуют и критические точки зрения, согласно которым «уход» от квалификации по статьям о торговле людьми в пользу более легко доказываемых составов может снижать превентивный эффект уголовного закона и не отражать в полной мере тяжесть и общественную опасность деяния. Эта дискуссия приобретает особую значимость для Вьетнама в контексте разработки стратегии расследования, где необходимо обеспечить баланс между эффективностью правоприменения и строгостью закона.

В случаях, когда предъявить обвинение в торговле людьми невозможно, российские органы часто прибегают к альтернативным статьям, таким как вовлечение в занятие проституцией (ст. 240) или организация занятия проституцией (ст. 241). Российский опыт также подчёркивает важность международного сотрудничества. Ввиду транснационального характера торговли людьми координация с иностранными

правоохранительными органами является необходимой [\[3\]](#). Россия подписала ряд соглашений о правовой помощи и активно участвует в международных программах по борьбе с транснациональной преступностью.

В то же время правоприменительная практика в сфере борьбы с торговлей людьми в России сталкивается с рядом проблем. Одно из исследований указывает, что низкая эффективность связана не только с коррупцией или отсутствием интереса к данной проблеме. Структурные препятствия и специфические трудности, связанные с применением норм о торговле людьми, нередко приводят к тому, что расследование осуществляется по другим, смежным статьям УК РФ.

Ещё одной проблемой является система карьерного продвижения в органах правопорядка, которая в значительной степени зависит от количественных показателей - числа возбужденных, завершённых и направленных в суд дел. Такая система формирует негативную мотивацию на всех этапах расследования и сдерживает инициативу в применении новых или нестандартных подходов.

Следует поддержать позицию о том, что несмотря на эти трудности, российский опыт применения ситуационной теории представляет собой ценный пример. Разработка типовых моделей ситуаций, стандартизация алгоритмов реагирования и повышение уровня профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов способствовали повышению эффективности расследований [\[11, с.10\]](#). Особенno важен вклад профессора Т.С. Волчецкой в развитие криминалистической ситуалогии, которая служит надёжной теоретической основой для практического применения данного метода.

Тем не менее следует отметить, что ряд исследователей ставит под сомнение фактическую эффективность применения ситуационной теории в расследовании сложных преступлений.

Так, по мнению психолога Ричарда Уортли *«Уортли, Р. (1997), Переосмысление роли возможности в ситуационной профилактике преступности - Wortley, R. (1997), Reconsidering the role of opportunity in situational crime prevention»* - одного из самых известных критиков ситуационного подхода к профилактике преступности, классификация следственных ситуаций может привести к ригидности мышления у следователей и ограничить их креативность при решении нетипичных, нестандартных ситуаций. Уортли подчёркивает, что традиционная ситуационная теория чрезмерно сосредоточена на сокращении возможностей для совершения преступления, при этом упуская из виду те ситуационные факторы, которые могут, наоборот, стимулировать противоправное поведение.

Кроме того, социолог Дэвид Гарленд *«Дэвид Гарленд (2021), Культура контроля: Преступность и общественный порядок в современном обществе - Garland, D. (2001), The culture of control: Crime and social order in contemporary society»* также высказывает мнение, что хотя ситуационная теория и обладает определённой полезностью, она недостаточно сильна для ответа на современные вызовы, обусловленные цифровизацией и глобализацией торговли людьми. Гарленд утверждает, что подход ситуационной профилактики преступности может быть воспринят как «наивный с политической и социальной точек зрения», поскольку игнорирует роль социально-экономического неравенства как одного из коренных факторов преступности.

Аналогично, Хоуп Т. и Уолтерс Р. *«Хоуп Т., Уолтерс Р. (2008), Критическое осмысление использования научных исследований - Hope, T., & Walters, R. (2008), Critical thinking*

about the uses of research», ведущие исследователи в области профилактики преступности, указывает на то, что применение ситуационной теории на практике может подвергаться политическому давлению и не всегда адекватно отражает сложность преступных явлений в реальной жизни.

Тем не менее, мы считаем, что указанные ограничения могут быть преодолены за счёт развития и совершенствования ситуационного подхода, особенно путём интеграции современных технологий и усиления международного сотрудничества в процессе расследования. Согласно мнению профессора Т.С. Волчецкой, ограничения, на которые указывают критики, могут быть преодолены с помощью разработанной ею методики ситуационного моделирования. В частности, данная теория формирует систему интегрирующей научной теории, соединяющую теоретические положения с практикой, при этом не ограничиваясь жёсткой классификацией следственных ситуаций, а напротив, обеспечивает разрешение теоретических и практических проблем криминалистики через мысленный анализ следственных ситуаций и моделирование тактических решений. Это позволяет преодолеть ту ригидность мышления следователя, которую опасался Уортли, и отвечает на сложные вызовы преступности в эпоху глобализации.

Развитие цифровых технологий поставило перед правоохранительными органами новые вызовы в применении ситуационного подхода к расследованию преступлений, связанных с торговлей людьми. В исследовании Х.Х. Рамалданова [\[16, с.76-82\]](#) «Применение цифровых технологий при расследовании преступлений, связанных с торговлей людьми» (2023) подчёркивается, что торговцы людьми всё активнее используют высокотехнологичные средства, включая социальные сети, мессенджеры с функцией шифрования сообщений и цифровые платформы, для осуществления своей противоправной деятельности. Это обстоятельство требует адаптации традиционных моделей ситуационного анализа к условиям цифровой среды.

В частности, на этапе вербовки жертв современные следственные сценарии должны учитывать возможность применения алгоритмов искусственного интеллекта для анализа данных из социальных сетей, выявления подозрительных поведенческих паттернов и отслеживания цифровых следов. Аналогичным образом, этапы транспортировки и сокрытия жертв приобретают новые черты в условиях использования преступниками фальсифицированных приложений геолокации, анонимных цифровых платёжных систем и зашифрованных каналов связи.

Интеграция цифровых технологий в рамки ситуационного метода не только способствует повышению эффективности расследования, но и позволяет правоохранительным органам действовать проактивно - выявлять и пресекать преступную деятельность ещё до того, как будут причинены тяжёлые последствия.

Практический опыт России позволяет выделить ключевые особенности применения ситуационного подхода к расследованию торговли людьми, отличающие его от методик, применяемых при расследовании иных категорий преступлений. Первой и наиболее значимой особенностью является многоэтапный характер преступной деятельности. В соответствии с определением Палермского протокола, торговля людьми включает три основных элемента: действия «вербовка, перевозка, передача, укрытие, получение», средства «угроза, насилие, обман, злоупотребление властью» и цель «эксплуатация» [\[16, с.3\]](#). Каждый из этих этапов порождает отдельные следственные ситуации с особыми требованиями и методами реагирования.

На стадии вербовки следователи, как правило, сталкиваются с ситуациями, в которых

практически отсутствуют вещественные доказательства, и основными источниками информации являются показания потерпевших и свидетелей. Это одна из самых сложных стадий расследования, поскольку преступники используют изощрённые методы вовлечения жертв, практически не оставляя физических следов [\[6, с.3\]](#). Ситуационная теория позволяет следователям выявлять типичные поведенческие модели преступников на данной стадии и разрабатывать соответствующие направления расследования [\[11, с.8\]](#).

Стадия транспортировки порождает иные следственные ситуации, характеризующиеся наличием доказательств, связанных с перемещением, использованием транспортных средств и проездных документов. На этом этапе применение ситуационной теории способствует сосредоточению усилий следствия на сборе доказательств, касающихся маршрутов, транспортных средств и лиц, вовлечённых в перевозку.

Стадия эксплуатации, как правило, носит скрытый характер и продолжается длительное время, что требует применения специальных методов расследования. Следственные ситуации здесь связаны с определением места эксплуатации, способов контроля над жертвами и масштабов преступной деятельности. Ситуационная теория предлагает аналитические рамки для понимания типичных моделей контроля, включая насилие, угрозы, долговую зависимость, изоляцию, а также злоупотребление религиозными или культурными убеждениями.

Второй особенностью применения ситуационной теории к расследованию торговли людьми является транснациональный характер этого вида преступлений [\[3\]](#). Это порождает сложные следственные ситуации, требующие координации действий правоохранительных органов разных государств. Применение ситуационной теории в таких условиях должно учитывать различия в правовых системах, процессуальных процедурах и правоприменительной культуре между странами.

Третья особенность заключается в особой роли жертвы в процессе расследования. В отличие от других преступлений, в делах о торговле людьми потерпевший одновременно является жертвой и главным свидетелем. Однако из-за страха, психологических травм или зависимости от преступников многие жертвы отказываются сотрудничать со следствием. Ситуационная теория помогает следователям понять эти сложные психологические аспекты и выбрать соответствующие методы взаимодействия в конкретных ситуациях.

Четвёртая особенность - высокая степень организованности преступной деятельности. Группы, занимающиеся торговлей людьми, функционируют как структурированные организации с чётким распределением ролей и функций между участниками. Это создаёт следственные ситуации, требующие глубокого понимания организационной структуры и взаимоотношений между её членами. Ситуационная теория предоставляет инструменты анализа, позволяющие выявить иерархию, способы функционирования и уязвимые звенья преступной организации.

Пятой особенностью является разнообразие форм эксплуатации. Торговля людьми может преследовать цели сексуальной эксплуатации, принудительного труда, вынужденного попрошайничества, вовлечения в преступную деятельность или изъятия органов. Каждая форма имеет свои особенности в способах реализации, оставляемых следах и методах расследования. Применение ситуационной теории помогает следователям классифицировать конкретные случаи и применять соответствующую тактику [\[7, с.30\]](#).

Другим важным аспектом, который необходимо интегрировать в ситуационный метод,

является роль прокурорского надзора, особенно в делах о торговле детьми. В исследовании Р.Р. Напсо [\[15, с.162-169\]](#) «Отдельные аспекты прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений, связанных с торговлей несовершеннолетними» (2023) подчёркивается, что уголовные дела о торговле несовершеннолетними требуют пристального внимания со стороны органов прокуратуры уже на этапе возбуждения уголовного дела. Это связано с тем, что дети являются особо уязвимой категорией потерпевших: они обладают ограниченными возможностями давать показания и нуждаются в особой защите на всех стадиях уголовного судопроизводства.

В условиях применения ситуационного подхода прокуратура должна обеспечивать, чтобы каждая следственная ситуация строилась с учётом возрастных и психологических особенностей ребёнка, а процесс сбора доказательств не причинял дополнительной психологической травмы малолетним потерпевшим. В исследовании также подчёркивается необходимость участия в расследовании преступлений данной категории специалистов по детской психологии, социальной работе и педагогике. Это позволяет не только повысить эффективность расследования, но и обеспечить его гуманистическую направленность, соответствующую стандартам защиты прав ребёнка.

Шестой особенностью выступает значительная роль информационных технологий в современных формах торговли людьми. Преступники всё чаще используют интернет и социальные сети для вербовки жертв, рекламы услуг и координации действий. Это создаёт новые следственные ситуации, требующие специальных знаний в области информационных технологий и цифровой криминалистики [\[11\]](#). Ситуационная теория должна быть дополнена и развита для охвата ситуаций, происходящих в виртуальном пространстве [\[12, с.150\]](#).

С научной точки зрения автора, следует признать, что применение ситуационной теории в расследовании преступлений, связанных с торговлей людьми, сталкивается с рядом объективных ограничений: *Во-первых*, культурное, религиозное и правовое многообразие между странами может затруднять автоматическое применение типовых ситуационных моделей; *Во-вторых*, стремительное развитие технологий и способов деятельности преступных групп требует постоянного обновления ситуационных моделей, что, в свою очередь, предъявляет высокие требования к исследовательскому потенциалу и системе подготовки кадров; *В-третьих*, сбор и обработка большого объёма информации, необходимой для ситуационного анализа, требуют значительных финансовых и технических ресурсов, которыми располагают далеко не все государства. Эти вызовы должны быть тщательно учтены при формулировании рекомендаций для Вьетнама.

Таким образом, в этом контексте развитие и совершенствование ситуационной теории в целях её применения при расследовании торговли людьми требует тесной связи между теоретическими исследованиями и практикой. Модели следственных ситуаций должны разрабатываться на основе глубокой аналитики реальных уголовных дел и регулярно обновляться с учётом эволюции преступных методов [\[12\]](#). Одновременно особое значение приобретает обучение и повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов в сфере применения ситуационного подхода, что напрямую влияет на эффективность данного метода.

Как показано выше, применение ситуационной теории позволяет эффективно классифицировать и анализировать этапы преступной деятельности при торговле людьми, что особенно важно в условиях транснационального характера данного вида

преступлений. Во Вьетнаме, несмотря на существование правовой базы и определённого практического опыта, системное использование ситуационного подхода пока отсутствует. Органы следствия сталкиваются с трудностями при квалификации дел, особенно на стадии вербовки и эксплуатации, где доказательства носят преимущественно косвенный характер. Кроме того, высокая психологическая уязвимость потерпевших и слабый уровень межведомственного взаимодействия усложняют реализацию процессуальных действий. Эти особенности подчёркивают необходимость адаптации российской модели ситуационного анализа к вьетнамским реалиям с учётом национальной правовой системы, кадрового потенциала и уровня международного сотрудничества. В следующем разделе будут представлены конкретные рекомендации по данному направлению.

Практика показывает, что во Вьетнаме уже расследуются дела о торговле людьми с транснациональными элементами, требующие применения ситуационного анализа. Один из ярких примеров - дело 2024 г., орган следствия МОБ Вьетнама возбудил уголовное дело против группы лиц, занимавшихся вербовкой и перевозкой молодых женщин из Хошимина и провинции Тэйнинь в Камбоджу с целью сексуальной эксплуатации. Преступная группа использовала социальные сети для установления контактов, обещая высокооплачиваемую работу в сфере гостиничного бизнеса. Жертвы доставляли к границе, где передавали посредникам, незаконно переправлявшим их через границу. На территории Камбоджи женщины помещали в заведения сексуальных услуг под охраной, отбирая документы и ограничивая свободу. Следствие столкнулось с рядом проблем: отсутствием прямых доказательств на территории Вьетнама, отказом жертв от дачи показаний по возвращении, а также необходимостью получения правовой помощи от камбоджийских властей. Эта ситуация подчёркивает важность применения ситуационного подхода: идентификации стадий преступной деятельности, выделения типичных следственных ситуаций и выбора тактических решений с учётом международного компонента.

Учитывая выявленные особенности следственной практики во Вьетнаме и результаты анализа российского опыта, представляется целесообразным предложить комплекс рекомендаций, направленных на внедрение ситуационного подхода в национальную уголовно-процессуальную систему. Эти рекомендации касаются как нормативно-правовой базы, так и организационных, кадровых и научно-методических аспектов.

Прежде всего, особое внимание следует уделить совершенствованию правовой базы, создающей условия для институционализации ситуационного анализа в практике расследования преступлений, связанных с торговлей людьми.

Во-первых, следует дополнить УПК Вьетнама 2015 г. с изменениями и дополнениями 2025 г. специальными нормами, регулирующими применение ситуационного подхода в расследовании уголовных дел. Это предполагает введение положений о порядке ситуационного анализа, классификации следственных ситуаций и выборе соответствующих тактических решений. Для конкретизации применения ситуационного метода в условиях Вьетнама необходимо выработать предложения по внесению изменений в действующее законодательство, а также определить чёткий план реализации. Прежде всего, предлагается дополнить статьи 163, 164, 165, 166 и 167 УПК Вьетнама 2015 г. с изменениями и дополнениями 2025 г. нормами, регламентирующими задачи и полномочия органов дознания и предварительного расследования путём введения нового положения о применении метода ситуационного анализа при планировании следственных действий.

В частности, следует закрепить обязанности следователя по:

- (1) идентификации и классификации следственных ситуаций на различных стадиях преступления, связанного с торговлей людьми;
- (2) выбору следственных мероприятий в зависимости от специфики каждой конкретной ситуации;
- (3) разработке типовых ситуационных моделей для различных форм торговли людьми.

Параллельно с этим необходимо учредить специализированную программу углублённого сотрудничества между Вьетнамом и Россией в рамках Соглашения о сотрудничестве между двумя Генеральными прокуратурами на период 2023-2025 гг. Такая программа должна предусматривать обмен экспертами, подготовку кадров в области ситуационного метода, а также создание совместной базы данных типовых ситуационных моделей, применяемых при расследовании транснациональных преступлений, связанных с торговлей людьми.

Кроме того, важным направлением является создание системы углубленной подготовки для вьетнамских следователей по дисциплине ситуационного анализа, включающей как теоретический курс, так и практическую симуляцию реальных следственных сценариев. Эта программа должна реализовываться при технической поддержке российских специалистов, обладающих соответствующим опытом и экспертными знаниями в данной сфере.

Во-вторых, необходимо разработать систему подзаконных нормативных актов, содержащих типовые модели следственных ситуаций, возникающих при расследовании торговли людьми. Эти акты должны основываться на эмпирических исследованиях уже рассмотренных уголовных дел и на опыте ведущих государств в данной сфере. Особое внимание следует уделить инструкциям по реагированию на сложные ситуации, например, в случае отказа потерпевших от сотрудничества, наличии транснационального элемента или использовании высоких технологий.

В-третьих, требуется усовершенствование нормативного регулирования международного сотрудничества в расследовании преступлений, связанных с торговлей людьми. Это включает в себя упрощение процедур международной правовой помощи, чёткое определение механизмов обмена информацией и координации следственных действий с иностранными правоохранительными органами. Российская практика показывает, что наличие чётко оформленной правовой базы в сфере международного сотрудничества является необходимым условием эффективного применения ситуационного подхода в делах с международным компонентом.

В-четвёртых, следует ввести подробные нормы, касающиеся защиты свидетелей и потерпевших в делах о торговле людьми. Это особенно важно, поскольку успешность применения ситуационного подхода во многом зависит от качества информации, получаемой от жертв и свидетелей. Необходимо обеспечить комплексную защиту начиная с этапа досудебного расследования и заканчивая судебным разбирательством.

В-пятых, следует закрепить положения о применении информационных технологий в расследовании торговли людьми. В частности, это должно включать нормы о сборе и использовании цифровых доказательств, мониторинге интернет-активности и использовании современных технических средств для анализа следственных ситуаций. Международный опыт подтверждает, что информационные технологии играют всё более важную роль как в совершении преступлений, так и в их раскрытии.

Наряду с правовым обеспечением, важнейшим направлением является развитие кадрового потенциала следственных органов, обеспечивающего качественное применение ситуационного подхода на практике.

Во-первых, следует разработать и внедрить специализированные программы подготовки следователей по ситуационной теории. Такие программы должны включать как теоретические основы, так и практические занятия по анализу конкретных следственных ситуаций. Опыт РФ показывает, что системная подготовка является ключевым фактором успешного применения данного метода.

Во-вторых, необходимо создать специализированные подразделения по расследованию торговли людьми на центральном и местном уровнях [10, с.5-13]. Эти подразделения должны быть обеспечены необходимыми кадровыми, техническими и финансовыми ресурсами для эффективной работы. Особое внимание следует уделить подбору сотрудников, обладающих углублёнными знаниями в области ситуационного подхода и имеющих богатый практический опыт.

В-третьих, требуется формирование базы данных типичных следственных ситуаций. Такая система должна содержать сведения о видах ситуаций, методах реагирования и результатах их применения. Это позволит следователям обращаться к накопленному опыту и использовать его при разрешении аналогичных дел.

В-четвёртых, необходимо расширять сотрудничество и обмен опытом с государствами, имеющими развитую практику применения ситуационного подхода. Особенно важно использовать потенциал всестороннего стратегического партнёрства с РФ для изучения опыта ведущих специалистов, таких как профессор Т.С. Волчецкая. Проведение совместных учебных курсов, научных конференций и программ обмена кадрами будет способствовать профессиональному росту сотрудников правоохранительных органов Вьетнама.

В-пятых, следует инвестировать в научные исследования и развитие технологий, поддерживающих применение ситуационной теории. Это включает разработку программного обеспечения для ситуационного анализа, систем поддержки принятия решений и симуляционных инструментов для обучения. Международная практика показывает, что информационные технологии могут значительно усилить внедрение научных методов в практику расследования.

Эффективная реализация ситуационного подхода требует скоординированного взаимодействия между различными государственными структурами, а также расширения механизмов межведомственного и международного сотрудничества.

Во-первых, необходимо создать Национальный межведомственный координационный комитет по борьбе с торговлей людьми во Вьетнаме. В его состав должны входить представители соответствующих министерств и ведомств, таких как Министерство общественной безопасности, Верховная народная прокуратура, Верховный народный суд, Министерство иностранных дел, Министерство труда, инвалидов и социальных вопросов.

Во-вторых, требуется разработка чёткого механизма взаимодействия между государственными органами на всех этапах расследования. Это включает в себя распределение полномочий, обязанностей и зон ответственности каждого учреждения в зависимости от конкретных следственных ситуаций. Российский опыт свидетельствует о том, что слаженное сотрудничество между структурами является решающим фактором

успешного применения ситуационного подхода.

В-третьих, необходимо расширить сотрудничество с организациями гражданского общества в области выявления и поддержки жертв. Такие организации, как правило, имеют непосредственный контакт с сообществами и могут предоставить ценную информацию, способствующую расследованию. Следует разработать официальные механизмы взаимодействия, а также программы обучения для таких организаций по вопросам распознавания и сообщения о признаках торговли людьми.

В-четвёртых, требуется формирование широкой международной сети сотрудничества. Это включает подписание двусторонних и многосторонних соглашений о совместной борьбе с торговлей людьми. Особено важно использовать региональные механизмы, такие как АСЕАН, а также активно участвовать в глобальных инициативах.

В-пятых, необходимо создать эффективную систему обмена информацией между органами. Это требует разработки совместимых информационных технологий и обеспечения кибербезопасности. Своевременный и точный обмен данными является необходимым условием успешного применения ситуационной теории при расследовании сложных дел.

Долгосрочный успех внедрения ситуационной теории невозможен без системной научной поддержки, развития образовательных программ и расширения академического сотрудничества.

Во-первых, следует создать Научно-исследовательский центр по ситуационной теории в расследовании преступлений. Центр должен функционировать на базе авторитетного университета или научного института в тесном сотрудничестве с правоохранительными органами.

Во-вторых, необходимо проводить прикладные исследования эффективности применения ситуационной теории. Это включает в себя анализ уже завершённых уголовных дел, оценку результатов применения метода и выявление практических выводов. Результаты таких исследований послужат основой для дальнейшего развития и уточнения теоретических положений.

В-третьих, требуется расширение международного научного сотрудничества с государствами, имеющими успешный опыт в данной сфере. В частности, важно установить партнёрские отношения с научной школой криминалистической ситуатологии под руководством профессора Т.С. Волчецкой. Участие в совместных проектах, академических обменах и совместных публикациях будет способствовать развитию научного потенциала Вьетнама.

В-четвёртых, следует разработать программы последипломного образования по ситуационной теории в расследовании преступлений. Это обеспечит подготовку высококвалифицированных специалистов и создание кадрового резерва для практического применения данного метода.

В-пятых, необходимо создать систему публикаций и распространения знаний о ситуационной теории. Это включает издание учебников, методических пособий и специализированных научных журналов. Широкая популяризация теоретических и практических знаний позволит повысить осведомлённость и стимулировать эффективное применение ситуационного подхода.

По мнению автора, данное исследование также осознаёт определённые ограничения.

Во-первых, с учётом латентного характера преступления торговли людьми, доступ к полным и достоверным статистическим данным остаётся затруднённым; Во-вторых, различия в правовых системах, юридической культуре и уровне правоприменительной способности между Россией и Вьетнамом могут повлиять на возможность прямого заимствования соответствующего опыта; В-третьих, несмотря на значительные преимущества ситуационной теории, она нуждается в дополнении другими подходами для всестороннего решения сложной проблемы торговли людьми в условиях цифровой эпохи. Эти ограничения определяют перспективные направления дальнейших исследований, в частности, проведение эмпирического анализа эффективности применения ситуационной теории в расследовании преступлений, связанных с торговлей людьми, во Вьетнаме и в государствах с аналогичными условиями.

Заключение

Таким образом, исследование применения ситуационной теории при разработке тактики расследования преступлений, связанных с торговлей людьми, основанное на опыте РФ и трудах профессора, доктора юридических наук Т.С. Волчецкой, показывает высокую теоретическую и практическую эффективность данного подхода. Ситуационная теория позволяет правоохранительным органам выявлять типичные следственные ситуации, классифицировать дела и принимать обоснованные решения в условиях усложнения данной категории преступлений. Вместе с тем российская практика выявляет и ряд проблем, таких как институциональные барьеры, несовершенство оценки эффективности и слабая межведомственная координация, что служит важным уроком для Вьетнама. Внедрение ситуационного подхода во Вьетнаме требует адаптации к национальной правовой системе и условиям правоприменения. В работе представлены комплексные рекомендации: совершенствование законодательства, развитие следственного потенциала, укрепление межведомственного взаимодействия и научно-исследовательская поддержка. Реализация вышеуказанных мер создаст условия для внедрения ситуационного подхода в следственную практику Вьетнама, способствуя повышению эффективности расследования и развитию международного сотрудничества. Это требует теоретической проработки и институциональной поддержки на национальном уровне.

Библиография

1. Gavritsky A.V., Demidchenko Yu.V., Palieva O.N., Paliev V.B., Poltavtseva L.I., Tsoi B.A. Information Technologies in Criminal Proceedings of Russia: Controversial Issues of Proof. International Journal of Economics & Business Administration (IJEBA). 2020. Vol. 0(4). P. 598-612. DOI: 10.35808/ijeba/611. EDN: TOHUIE.
2. Dimas G.L., Konrad R.A., Lee M.K., Trapp A.C. Operations research and analytics to combat human trafficking: A systematic review of academic literature. PLoS ONE. 2022. Vol. 17(8): e0273708. DOI: 10.1371/journal.pone.0273708. EDN: QILCFS.
3. European Commission. EU Strategy on Combatting Trafficking in Human Beings 2021–2025. Brussels: European Commission Publications Office, 2021.
4. International Labour Organization. Global Estimates of Modern Slavery: Forced Labour and Forced Marriage. Geneva: ILO Publications, 2022.
5. Jan E.I. Situational approach and its significance for the crime investigation. Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2018. No. 1. P. 104-117.
6. Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons, Especially Women and Children, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime. 2000. P. 3.

7. Shevchuk V. The criminalistic situation and its effect on the formation of the concept of tactical operations. *Theory and Practice of Forensic Science and Criminalistics*. 2019. No. 1.
8. Tran Van Tuan. The Role of Evidence in the Investigation of Human Trafficking Cases. *Procuracy Science. Special Issue*. 2020. No. 2.
9. Winkler S.J. Human trafficking: Definitions, data, and determinants. *World Bank Policy Research Working Paper*. 2021. No. 9623.
10. Абрамова С.Р. Возможности использования данных о лице, совершившем преступление, при расследовании торговли людьми. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки*. 2024. № 2. С. 5-13. DOI: 10.5922/vestnikhum-2024-2-1. EDN: HBUMIR.
11. Волчецкая Т.С. Развитие криминалистической теории в России и Соединенных Штатах Америки: сравнительный анализ. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2018. № 3. С. 5-12.
12. Волчецкая Т.С. Современные тенденции развития криминалистики в России и США. *Folia Iuridica Universitatis Wratislaviensis*. 2015. № 4(1). С. 150.
13. Кобец П.Н. Противодействие преступлениям, совершаемым с целью торговли людьми и криминальной эксплуатации человека. *Правопорядок: история, теория, практика*. 2023. № 3(38). С. 124-130. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-38-3-124-130. EDN: SLDMXK.
14. Кобец П.Н. Психологическая реабилитация потерпевших от преступлений, совершенных с целью торговли людьми и криминальной эксплуатации человека. *Юридическая психология*. 2024. № 1. С. 15-17. DOI: 10.18572/2071-1204-2024-1-15-17. EDN: CCEUYP.
15. Напсо Р.Р., Малин П.М. Отдельные аспекты прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений, связанных с торговлей несовершеннолетними. *Еротен. Global*. 2023. № 42. С. 162-169. EDN: NEQKSU.
16. Рамалданов Х.Х. Применение цифровых технологий при расследовании преступлений, связанных с торговлей людьми. *Вестник криминалистики*. 2023. № 2(86). С. 76-82. EDN: EZHEDP.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья на тему «Совершенствование тактики расследования торговли людьми на основе ситуационной теории: опыт России и рекомендации для Вьетнама» для опубликования в журнале «Юридические исследования». Предметом исследования является совершенствование тактики расследования преступлений, связанных с торговлей людьми, посредством применения ситуационной теории (криминалистической ситуатологии). Работа фокусируется на адаптации российского опыта, в частности научной школы профессора Т.С. Волчецкой, для разработки практических рекомендаций по оптимизации следственной практики во Вьетнаме. Методология исследования основана на авторском применении комплекса методов. Проведен сравнительно-правовой анализ в части сопоставления правовых механизмов РФ и Вьетнама, включая ст. 127.1-127.2 УК РФ и ст. 150 УК Вьетнама; использован ситуационный подход в части проведения анализа типовых следственных ситуаций на этапах вербовки, транспортировки и эксплуатации жертв; применены эмпирические методы для изучения статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ и МВД Вьетнама, анализа реальных уголовных дел, например, транснационального дела 2024 г. во Вьетнаме; системный подход использован для

оценки взаимодействия правовых, организационных и технологических факторов. Актуальность избранной темы исследования обусловлена глобальными угрозами торговли людьми, что официально признано ООН как одна из проблем современности (UNODC, 2024). Статистика РФ (11 осужденных в 2022 г.) и Вьетнама (75 обвиняемых за первое полугодие 2022 г.) свидетельствует о системных сложностях в расследовании. Транснациональный характер преступлений, использование цифровых технологий вербовки и уязвимость жертв требуют новых криминалистических решений, что подтверждается Стратегией ЕС по борьбе с торговлей людьми (2021-2025). Научная новизна заключается в авторском переносе российской модели криминалистической ситуатологии (Волчецкая Т.С., 2018) на вьетнамскую правовую почву; разработке классификации следственных ситуаций для Вьетнама с учетом специфики стадий преступления (вербовка через соцсети, трансграничная транспортировка); предложении институциональных реформ в виде создания специализированных следственных подразделений, Национального координационного комитета и НИЦ по ситуационной теории.

Стиль, структура, содержание соответствуют требованиям журнала «Юридические исследования». Стиль – научный, терминологически точный. Язык русский, орфография и пунктуация соответствуют нормам. Выявлена незначительная погрешность: в разделе «Результаты» цифровые ссылки на источники (154) не расшифрованы. Структура логична и четко структурирована. В статье присутствуют разделы введение (постановка проблемы, предмет, цели и задачи исследования), результаты и обсуждение (раскрыта теория ситуационного подхода, проанализирована практика РФ и представлены особенности опыта расследования во Вьетнаме, представлены рекомендации), в заключении подведен итог исследованию. Содержание проработано в достаточной степени: детально анализируются этапы преступной деятельности, приводятся примеры из практики (дело 2024 г. во Вьетнаме), предложения конкретны (поправки в УПК Вьетнама, типовые модели ситуаций). Следует отметить, что предложения автора небесспорны. Так, предложение о включении в УПК Вьетнама ситуационного подхода к расследованию преступлений рассматриваемой категории носит абстрактный характер, не конкретизировано каким образом представляется автору обеспечить реализацию этого нововведения.

Библиография представлена 13 источниками современного периода времени. Использованы актуальные источники (UNODC, ILO, Волчецкая, Европейская комиссия). Привлечены работы на английском и русском языках из Scopus (например, Dimas et al., 2022; Gavritsky et al., 2020). Список литературы релевантен теме исследования, но требует исправлений и дополнения. В части технического оформления списка источников – требуется тщательная вычитка и сверка данных. К примеру, источник 8 (Tipton) дублирует аннотацию источника 2. Автор не учитывает, что расследование преступлений в области торговли людьми в России носит межведомственный характер (МВД России, Следственный комитет РФ) и координируется прокуратурой. Потому при освещении российского опыта уместным было бы обращение к практике указанных ведомств. Автор сосредоточил большое внимание на работах Т.С. Волчецкой, тогда как в современной российской криминалистике есть и другие исследователи избранной темы. Обращение к результатам исследований других ученых существенно обогатит представленный на рецензирование труд. К примеру, Кобец, П. Н. Психологическая реабилитация потерпевших от преступлений, совершенных с целью торговли людьми и криминальной эксплуатации человека / П. Н. Кобец // Юридическая психология. – 2024. – № 1. – С. 15-17. – DOI 10.18572/2071-1204-2024-1-15-17; Кобец, П. Н. Противодействие преступлениям, совершаемым с целью торговли людьми и криминальной эксплуатации человека / П. Н. Кобец // Правопорядок: история, теория,

практика. – 2023. – № 3(38). – С. 124-130. – DOI 10.47475/2311-696X-2023-38-3-124-130; Абрамова, С. Р. Возможности использования данных о лице, совершившем преступление, при расследовании торговли людьми / С. Р. Абрамова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2024. – № 2. – С. 5-13. – DOI 10.5922/vestnikhum-2024-2-1; Напсо, Р. Р. Отдельные аспекты прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений, связанных с торговлей несовершеннолетними / Р. Р. Напсо, П. М. Малин // Еротен. Global. – 2023. – № 42. – С. 162-169; Рамалданов, Х. Х. Применение цифровых технологий при расследовании преступлений, связанных с торговлей людьми / Х. Х. Рамалданов // Вестник криминалистики. – 2023. – № 2(86). – С. 76-82 и др. Апелляция к оппонентам в работе присутствует. Автор корректно противопоставляет свою работу традиционным подходам Вьетнама, где ситуационный анализ системно не применяется. Подчеркивается пробел в исследованиях, ориентированных на адаптацию зарубежных криминалистических моделей (особенно российской школы Т.С. Волчецкой) к азиатскому правовому контексту. Утверждение о недостаточной изученности стадии эксплуатации во вьетнамской практике подтверждено ссылкой на трудности с доказательствами (Tran Van Tuan, 2020). Выводы в статье обоснованы: ситуационная теория повышает эффективность расследования за счет типизации ситуаций (вербовка, транспортировка, эксплуатация). Обозначены ключевые рекомендации для Вьетнама в виде реформы УПК, обучения следователей, введения межведомственных платформ. Обозначен потенциал российско-вьетнамского сотрудничества (соглашение Генпрокуратур 2023-2025). Статья представляет интерес для криминалистов и следователей РФ и Вьетнама, разработчиков антитрафиковых программ (например, в рамках ASEAN), научных сотрудников, изучающих транснациональную преступность.

Таким образом, в целом статья соответствует критериям ВАК по уровню новизны, актуальности и практической значимости. При этом для положительной рекомендации к опубликованию в избранном журнале нуждается в доработке в части устранения дублирования в библиографии (источники 2 и 8) и проверке остальных источников; дополнения источников свежими практическими данными (СК РФ, Генпрокуратура РФ); уточнения цифровой ссылки ⁽¹⁵⁴⁾ в разделе «Результаты»; включения научных исследований из числа вышеприведенных и других. Итог рецензирования: рекомендуется к направлению на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, совершенствование тактики расследования торговли людьми на основе ситуационной теории. Автор анализирует соответствующий опыт России и дает рекомендации для Вьетнама. Заявленные границы исследования соблюdenы ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Преступление торговли людьми стало одной из самых серьёзных угроз национальной безопасности и общественному порядку во всём мире. Согласно докладу Управления ООН по наркотикам и преступности «УНП ООН», по оценкам, около 49,6 миллиона человек в мире являются жертвами различных форм принудительного

труда и принудительных браков [4, с.12]. Транснациональный характер, высокая организованность и всё более изощрённые методы совершения данного преступления требуют от правоохранительных органов постоянного обновления методов расследования и уголовного преследования [9, с.8]. В этом контексте особенно актуальным становится применение современных научных теорий в практике расследования преступлений. Ситуационная теория «*situational theory*», получившая широкое развитие в криминологии и криминалистике, доказала свою эффективность при анализе сложных факторов, влияющих на ход расследования, и разработке оптимальных решений для каждой конкретной ситуации [11, с.6]."; "Следует отметить, что в РФ, обладающей богатым опытом в борьбе с торговлей людьми и развитой системой уголовного расследования, накоплено множество ценных уроков по применению ситуационной теории на практике. Однако, несмотря на достигнутые успехи, правоприменительная практика в сфере противодействия торговле людьми по-прежнему сталкивается с рядом вызовов, особенно в части выявления и привлечения к ответственности виновных лиц [2, с.125]. Согласно данным статистики Судебного департамента при Верховном суде РФ, в 2015 г. за торговлю людьми были осуждены 38 человек, в 2016 г. - 24, в 2017 г. - 26, в 2018 г. - 18, в 2019 г. - 16, в 2020 г. - 16, в 2021 г. - 16, в 2022 г. - 11" и др. Автор раскрыл степень изученности рассматриваемых в статье проблем: "Особенно значим вклад профессора Волчецкой Т.С. из Балтийского федерального университета имени И. Канта, Россия, чьи научные работы способствовали развитию ситуационной теории в области криминологии и криминалистики. Как известно, профессор Волчецкая Т.С. считается основателем и лидером научной школы криминалистической ситуатологии, широко известной в России и за её пределами. Ею был разработан ситуационный подход как научный метод, позволяющий на основе конкретной ситуации выявить признаки аналогичных типовых ситуаций и применить предложенный судебной криминалистикой механизм их разрешения [11, с.8]. Суть данного подхода заключается в том, что любое событие анализируется субъектом в контексте взаимосвязанных и динамичных ситуаций, из которых оно состоит [11, с.8]. Помимо значительного вклада профессора Т.С. Волчецкой, следует отметить, что ситуационная школа российской криминологии формировалась также под влиянием других выдающихся исследователей. В частности, современные исследования П.Н. Кобеца [13, с.124-130; 14, с.15-17], посвящённые теме «Психологическая реабилитация потерпевших от преступлений, совершённых с целью торговли людьми и криминальной эксплуатации человека» (2024), проливают свет на ключевую роль психологического фактора в процессе оказания помощи жертвам после их освобождения. Указанная работа подчёркивает, что глубокое понимание психологических особенностей жертв торговли людьми не только способствует повышению качества расследования, но и обеспечивает эффективный сбор показаний, а также защиту прав потерпевших на всех этапах уголовного судопроизводства.

Аналогичным образом, исследование С.Р. Абрамовой [10, с.5] «Возможности использования данных о лице, совершившем преступление, при расследовании торговли людьми» (2024) предлагает методику криминалистического анализа личности преступника, что позволяет формировать поведенческие и психологические модели торговцев людьми. Это особенно ценно в рамках применения ситуационного метода, поскольку даёт возможность следственным органам разрабатывать оптимальные стратегии для каждого конкретного случая на основе индивидуальных характеристик и поведенческих признаков подозреваемого".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Одной из особенностей российского подхода является применение прагматического метода расследования «*pragmatic investigation*». В рамках данного метода правоохранительные

органы склонны выдвигать обвинения по тем статьям, по которым на основании собранных доказательств можно добиться успеха в суде. Таким образом, статьи о торговле людьми применяются только тогда, когда имеются исчерпывающие доказательства, потерпевшие готовы давать показания и имеется подтверждение намерения эксплуатации. В случаях, когда предъявить обвинение в торговле людьми невозможно, российские органы часто прибегают к альтернативным статьям, таким как вовлечение в занятие проституцией (ст. 240) или организация занятия проституцией (ст. 241). Российский опыт также подчёркивает важность международного сотрудничества"; "В то же время правоприменительная практика в сфере борьбы с торговлей людьми в России сталкивается с рядом проблем. Одно из исследований указывает, что низкая эффективность связана не только с коррупцией или отсутствием интереса к данной проблеме. Структурные препятствия и специфические трудности, связанные с применением норм о торговле людьми, нередко приводят к тому, что расследование осуществляется по другим, смежным статьям УК РФ. Ещё одной проблемой является система карьерного продвижения в органах правопорядка, которая в значительной степени зависит от количественных показателей - числа возбужденных, завершённых и направленных в суд дел. Такая система формирует негативную мотивацию на всех этапах расследования и сдерживает инициативу в применении новых или нестандартных подходов.

Следует поддержать позицию о том, что несмотря на эти трудности, российский опыт применения ситуационной теории представляет собой ценный пример"; "В частности, на этапе вербовки жертв современные следственные сценарии должны учитывать возможность применения алгоритмов искусственного интеллекта для анализа данных из социальных сетей, выявления подозрительных поведенческих паттернов и отслеживания цифровых следов. Аналогичным образом, этапы транспортировки и сокрытия жертв приобретают новые черты в условиях использования преступниками фальсифицированных приложений геолокации, анонимных цифровых платёжных систем и зашифрованных каналов связи. Интеграция цифровых технологий в рамках ситуационного метода не только способствует повышению эффективности расследования, но и позволяет правоохранительным органам действовать проактивно - выявлять и пресекать преступную деятельность ещё до того, как будут причинены тяжёлые последствия"; "Учитывая выявленные особенности следственной практики во Вьетнаме и результаты анализа российского опыта, представляется целесообразным предложить комплекс рекомендаций, направленных на внедрение ситуационного подхода в национальную уголовно-процессуальную систему. Эти рекомендации касаются как нормативно-правовой базы, так и организационных, кадровых и научно-методических аспектов. Прежде всего, особое внимание следует уделить совершенствованию правовой базы, создающей условия для институционализации ситуационного анализа в практике расследования преступлений, связанных с торговлей людьми. Во-первых, следует дополнить УПК Вьетнама 2015 г. с изменениями и дополнениями 2025 г. специальными нормами, регулирующими применение ситуационного подхода в расследовании уголовных дел. Это предполагает введение положений о порядке ситуационного анализа, классификации следственных ситуаций и выборе соответствующих тактических решений. Для конкретизации применения ситуационного метода в условиях Вьетнама необходимо выработать предложения по внесению изменений в действующее законодательство, а также определить чёткий план реализации. Прежде всего, предлагается дополнить статьи 163, 164, 165, 166 и 167 УПК Вьетнама 2015 г. с изменениями и дополнениями 2025 г. нормами, регламентирующими задачи и полномочия органов дознания и предварительного расследования путём введения нового положения о применении метода ситуационного анализа при

планировании следственных действий. В частности, следует закрепить обязанности следователя по: (1) идентификации и классификации следственных ситуаций на различных стадиях преступления, связанного с торговлей людьми; (2) выбору следственных мероприятий в зависимости от специфики каждой конкретной ситуации; (3) разработке типовых ситуационных моделей для различных форм торговли людьми. Параллельно с этим необходимо учредить специализированную программу углублённого сотрудничества между Вьетнамом и Россией в рамках Соглашения о сотрудничестве между двумя Генеральными прокуратурами на период 2023-2025 гг. Такая программа должна предусматривать обмен экспертами, подготовку кадров в области ситуационного метода, а также создание совместной базы данных типовых ситуационных моделей, применяемых при расследовании транснациональных преступлений, связанных с торговлей людьми" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор осуществляет обобщение и анализ опыта РФ по применению ситуационной теории для разработки тактики расследования уголовных дел о торговле людьми, а также дает конкретные рекомендации по эффективному применению данной теории в условиях Вьетнама с целью повышения качества расследования и обеспечения национальной безопасности. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "После рассмотрения теоретических основ ситуационного подхода представляется необходимым обратиться к практическому опыту его применения в Российской Федерации, где данный метод получил научную проработку и институциональную реализацию в уголовно-следственной практике" - пропущены пробелы между словами.

Ученый отмечает: "Наряду с правовым обеспечением, важнейшим направлением является развитие кадрового потенциала следственных органов, обеспечивающего качественное применение ситуационного подхода на практике" - пропущен пробел между словами.

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки.

Инициалы ученого в тексте статьи ставятся перед его фамилией (см.: "Волчецкая Т.С."). Библиография исследования представлена 16 источниками (научными статьями, аналитическими и нормативными материалами). С формальной точки зрения этого достаточно.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер. В научную дискуссию с конкретными учеными автор не вступает, ссылаясь на ряд теоретических источников исключительно в обоснование своих суждений либо для иллюстрирования отдельных положений работы.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Таким образом, исследование применения ситуационной теории при разработке тактики расследования преступлений, связанных с торговлей людьми, основанное на опыте РФ и трудах профессора, доктора юридических наук Т.С. Волчецкой, показывает высокую теоретическую и практическую эффективность данного подхода. Ситуационная теория позволяет правоохранительным органам выявлять типичные следственные ситуации,

классифицировать дела и принимать обоснованные решения в условиях усложнения данной категории преступлений. Вместе с тем российская практика выявляет и ряд проблем, таких как институциональные барьеры, несовершенство оценки эффективности и слабая межведомственная координация, что служит важным уроком для Вьетнама. Внедрение ситуационного подхода во Вьетнаме требует адаптации к национальной правовой системе и условиям правоприменения. В работе представлены комплексные рекомендации: совершенствование законодательства, развитие следственного потенциала, укрепление межведомственного взаимодействия и научно-исследовательская поддержка. Реализация вышеуказанных мер создаст условия для внедрения ситуационного подхода в следственную практику Вьетнама, способствуя повышению эффективности расследования и развитию международного сотрудничества. Это требует теоретической проработки и институциональной поддержки на национальном уровне"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права, уголовного процесса и криминалистики при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, введении дополнительных элементов дискуссионности, устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Совершенствование тактики расследования торговли людьми на основе ситуационной теории: опыт России и рекомендации для Вьетнама».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам тактики расследования торговли людьми на основе ситуационной теории. Автором отмечается в статье, что «Ситуационная теория позволяет правоохранительным органам выявлять типичные следственные ситуации, классифицировать дела и принимать обоснованные решения в условиях усложнения данной категории преступлений». По итогам проведенного исследования делаются конкретные выводы, перспективные для совершенствования правоохранительной деятельности во Вьетнаме. В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, положения законодательства, мнения ученых, материалы практики, эмпирические данные.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена: «На основе этого анализа будут предложены конкретные рекомендации по эффективному применению данного подхода в условиях Вьетнама с целью повышения качества расследования и обеспечения национальной безопасности». Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования. Как отмечается в самой статье, «Сквозной методологией статьи является системно-структурный подход, при котором элементы процесса расследования, обвинения и судебного разбирательства по делам о торговле людьми рассматриваются во взаимосвязи и взаимодействии с правовой, социальной и международной средой».

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания:

анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов практики. Большую роль сыграли также эмпирические методы исследования, связанные с изучением практики и иных данных. Так, в рецензируемой статье указано, что «методы статистики и эмпирического анализа - применялись при интерпретации и обработке статистических данных, предоставленных судебными органами России и Вьетнама за период 2015-2025 гг., с целью выявления тенденций преступности, эффективности расследования, а также существующих проблем и недостатков в реализации действующего законодательства».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема тактики расследования торговли людьми на основе ситуационной теории сложна и неоднозначна. Вопросы расследования преступлений указанной группы непросты и требуют новых научно обоснованных подходов. Сложно спорить с автором рецензируемой статьи в том, что «Преступление торговли людьми стало одной из самых серьёзных угроз национальной безопасности и общественному порядку во всём мире. Согласно докладу Управления ООН по наркотикам и преступности «УНП ООН», по оценкам, около 49,6 миллиона человек в мире являются жертвами различных форм принудительного труда и принудительных браков».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод: «Ситуационная теория позволяет правоохранительным органам выявлять типичные следственные ситуации, классифицировать дела и принимать обоснованные решения в условиях усложнения данной категории преступлений. Вместе с тем российская практика выявляет и ряд проблем, таких как институциональные барьеры, несовершенство оценки эффективности и слабая межведомственная координация, что служит важным уроком для Вьетнама. Внедрение ситуационного подхода во Вьетнаме требует адаптации к национальной правовой системе и условиям правоприменения».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, сделаны предложения практического плана, которые могут быть полезны практикующим специалистам в рассматриваемой сфере. В частности, отмечается, что «В работе представлены комплексные рекомендации: совершенствование законодательства, развитие следственного потенциала, укрепление межведомственного взаимодействия и научно-исследовательская поддержка. Реализация вышеуказанных мер создаст условия для внедрения ситуационного подхода в следственную практику Вьетнама, способствуя повышению эффективности расследования и развитию международного сотрудничества. Это требует теоретической проработки и институциональной поддержки на национальном уровне».

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с расследованием

преступлений.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг цели исследования, так как по итогам статьи сделаны конкретные выводы о совершенствовании тактики расследования торговли людьми.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и из-за рубежа (Абрамова С.Р., Волчецкая Т.С., Кобец П.Н., Напсо Р.Р., Малин П.М., Dimas G.L., Konrak R.A., Lee M.K., Trapp A.C. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области расследования преступлений.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к перспективным направлениям совершенствования расследования торговли людьми.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Согоян Д.П. Правосубъектность кредиторского сообщества в отношениях несостоятельности: теоретическое обоснование и практические следствия // Юридические исследования. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.8.75664 EDN: XOOBCY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75664

Правосубъектность кредиторского сообщества в отношениях несостоятельности: теоретическое обоснование и практические следствия**Согоян Диана Паргевна**

аспирант, кафедра предпринимательского и корпоративного права; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

123242, Россия, г. Москва, Пресненский р-н, ул. Садовая-Кудринская, д. 9 стр. 1

✉ sogoyan99@yandex.ru

[Статья из рубрики "Договор и обязательства"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.8.75664

EDN:

XOOBCY

Дата направления статьи в редакцию:

27-08-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования выступает комплексный анализ правовой природы и юридического статуса кредиторского сообщества в рамках процедуры банкротства. Автор последовательно обосновывает тезис о том, что данное образование обладает всей совокупностью универсальных признаков, характерных для полноценного субъекта права. В работе проводится детальный критический анализ сложившейся в научной доктрине и правоприменительной практике редукционистской позиции, которая сводит сущность кредиторского сообщества к узкой, ограниченной модели гражданско-правового сообщества. Путем глубокого сравнительно-правового анализа доказывается его принципиальное отличие от классических конструкций юридического лица и простого товарищества, что указывает на его уникальную, не сводимую к существующим формам правовую природу. Центральным вопросом, таким образом, является проблема адекватного законодательного признания его особой правосубъектности. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания: диалектический, формально-юридический,

сравнительно-правовой, метод системно-структурного анализа, а также методы правового моделирования и интерпретации правовых норм. Научная новизна исследования заключается в разработке и обосновании концепции законодательного признания кредиторского сообщества в качестве самостоятельного субъекта права *sui generis* («особого рода»). В качестве ключевого механизма реализации его правосубъектности предлагается установление принципа единства воли сообщества. Этот принцип предполагает установление монополии его органов на инициирование требований, существенно влияющих на формирование конкурсной массы (например, оспаривание сделок должника, предъявление требований о привлечении к субсидиарной ответственности), при одновременном введении обязательного досудебного фильтра для проверки инициатив, исходящих от индивидуальных кредиторов. В работе анализируются как микроуровневые последствия данного признания (повышение эффективности и скорости процедуры, снижение злоупотреблений), так и макроправовые (совершенствование всего института несостоятельности, оперативный выход на реструктуризацию). Основной вывод заключается в том, что законодательное закрепление данного статуса кредиторского сообщества не только отражает объективную правовую реальность, но и создаст прочную основу для сбалансированной и последовательной модернизации российского института банкротства.

Ключевые слова:

банкротство, кредиторское сообщество, правосубъектность, собрание кредиторов, юридическое лицо, простое товарищество, субъект права, гражданско-правовое сообщество, обособленное имущество, конкурсная масса

Введение

В рамках процедуры банкротства кредиторы, несмотря на дифференциацию характера и объема предъявляемых требований, демонстрируют выраженную тенденцию к консолидации, действуя в качестве единой группы^[1, с. 512]. Данное единство предопределено общей целевой направленностью их действий – обеспечение надлежащего формирования конкурсной массы и последующее удовлетворение своих имущественных притязаний^{[2, с. 94][3, с. 45]}. В этом аспекте правомерно констатировать формирование специфического объединения лиц – кредиторского сообщества^{[4][5, с. 124]}.

Правовая природа указанного сообщества остается недостаточно исследованной в доктринальных источниках. Существующие научные труды, в которых косвенно затрагивается феномен кредиторского сообщества, преимущественно редуцируют его сущность до модели гражданско-правового сообщества. Данный вывод конструируется, главным образом, на основе буквального толкования п. 2 ст. 181.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), где кредиторы при банкротстве рассматриваются как участники гражданско-правового сообщества. Так, в трудах Гаевского С.В. проводится аналогия между сообществом участников реструктуризации финансовых организаций (RSA) и гражданско-правовым сообществом кредиторов должника со ссылкой на указанную норму ГК РФ^[6, с. 12]. Аналогично Кресс В.В. включает кредиторов в процедуру банкротства в объем понятия гражданско-правового сообщества как юридической категории, апеллируя к положениям статей 181.1 и 181.2

ГК РФ^[7, с. 4].

Между тем, критический анализ нормативной базы позволяет выявить существенную ограниченность такого подхода. Глава 9.1 ГК РФ, содержащая статьи 181.1 и 181.2, посвящена исключительно вопросам принятия решений собраниями. Пленум Верховного Суда РФ в своих разъяснениях (п. 103 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление № 25)) прямо отождествляет собрание с гражданско-правовым сообществом, определяя последнее как группу лиц, компетентных принимать решения. Следовательно, позиция отечественного законодателя, а вслед за ним и высшей судебной инстанции, сводит понятие гражданско-правового сообщества применительно к банкротству исключительно к собранию кредиторов как органу, наделенному правом принятия решений.

Этот узкий конструкт не охватывает всей полноты феномена кредиторского сообщества. В его состав, помимо кредиторов, обладающих правом голоса на собрании (в соответствии со ст. 12 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)), также включаются и иные кредиторы. Речь, в частности, идет о субординированных кредиторах (лишенных права голоса на собрании кредиторов, как это следует из п. 14 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020) и зареестровых кредиторах (чьи требования не включены в реестр, как предусмотрено абз. 1 п. 4 ст.142 Закона о банкротстве). Ключевым аспектом является то, что, несмотря на формальное отсутствие права голоса на собраниях кредиторов, указанные кредиторы обладают статусом лиц, участвующих в деле о банкротстве, и сохраняют имущественный интерес в его исходе. Их требования, пусть и с определенными ограничениями в процедурных правах, подлежат рассмотрению в рамках дела о банкротстве и оказывают влияние на общий его ход (на это особенно указывает позиция Верховного Суда РФ, содержащаяся в определении от 30.06.2025 № 307-ЭС22-25636 (6) по делу № А66-10018/2021, который отметил, что для прекращения дела о банкротстве требуется удовлетворение всех требований, включая субординированных кредиторов), что неоспоримо свидетельствует об их принадлежности к кредиторскому сообществу.

Таким образом, обозначенный пробел в определении правовой сущности кредиторского сообщества предопределяет настоятельную необходимость его глубокого научно-теоретического осмысления и комплексного правового анализа.

1 . Кредиторское сообщество как носитель универсальных признаков субъекта права

Отталкиваясь от установленной необходимости анализа правовой природы кредиторского сообщества, отправной точкой настоящего исследования избирается не ретроспективный обзор всей массы доктринальных взглядов на понятие субъекта права, а анализ его фундаментальных, универсальных признаков, выработанных общей теорией права и цивилистикой. Целью является проверка гипотезы о том, что кредиторское сообщество в процедуре банкротства обладает совокупностью таких признаков, позволяющих рассматривать его как особого носителя свойств субъекта права.

Прежде чем приступить к определению универсальных признаков субъекта права,

необходимо признать фундаментальный тезис об исторической и концептуальной подвижности самой категории правосубъектности. Как обоснованно подчеркивал Шершеневич Г.Ф., правосубъектность, подобно многим иным правовым конструкциям, «подвержена историческим колебаниям»[\[8, с. 578\]](#). Эта изменчивость отражает эволюцию общественных отношений и правопонимания. Более того, как верно констатирует Лаптев В.А., даже в современной правовой доктрине отсутствует абсолютное единство в категориальном аппарате, используемом для определения способности лица к участию в правоотношениях. Учеными активно применяются различные, зачастую пересекающиеся, но не всегда тождественные понятия: «правоспособность», «правосубъектность», «дееспособность», «деликтоспособность» и др.[\[9, с. 42\]](#).

Однако, несмотря на отмеченную историческую изменчивость и терминологическую полифонию, в юридической доктрине утвердился конвенциональный подход, связывающий саму возможность признания правосубъектности коллективного образования с наличием у него конкретного комплекса правомочий, императивно закрепленных нормативными актами[\[10, с. 44\]](#). Как справедливо отмечает Пономарева Е.В., «нормативное признание прав объективно конституирует правосубъектность соответствующего образования»[\[11, с. 143\]](#). Эта позиция также находит подтверждение в исследованиях Шахова В.Д., который, анализируя трудовые коллективы, прямо указывает на их правомочия как основу правосубъектности[\[12, с. 72\]](#). Присутствие нормативно закрепленных прав является первичным индикатором потенциальной субъектности. Обладание правами предполагает существование их обособленного и распознаваемого носителя, способного к самостоятельному участию в правоотношениях. Эти качества конкретизируются через такие признаки как организационное единство, имущественная обособленность и индивидуализация.

Важнейший аспект организационного единства – наличие структуры, обеспечивающей целенаправленное функционирование коллектива как единого целого. Как подчеркивает Мозолин В.П., именно организационное единство позволяет отличить коллективный субъект права от простой совокупности индивидов[\[13, с. 112\]](#). Организационное единство, обеспечивающее координацию действий, порождает ключевое для коллективного субъекта свойство – способность формировать и выражать единую волю[\[14, с. 66\]](#). Эта воля признается правопорядком как воля самого субъекта, отличная от воль отдельных лиц, его составляющих. Как сформулировал Б. Виндейл, сущность субъективного права заключается в признанной правопорядком свободе воли, дозволенной законом[\[15, с. 108\]](#). Для коллектива это означает способность объединять отдельные желания («хотения», по В. Виндельбанду[\[16, с. 11\]](#)) индивидов в коллективную волю, подчиненную общему правопорядку, но независимую в своей реализации от воль других субъектов. Формирование такой единой воли – фундаментальный атрибут субъекта права.

Историко-правовая ретроспектива подтверждает универсальность этих критериев. Классическая юриспруденция, восходящая к римскому праву, отождествляет субъекта права с «*persona*» (правовой маской). Г. Кельзен в «Чистом учении о праве» констатирует: «традиционная теория права отождествляет понятие субъекта права с понятием лица», при этом «лицо – это не только человек как субъект обязанностей и прав», но также и «известные сообщества»[\[17, с. 216\]](#). Римская конструкция *universitas* блестяще реализовала эти признаки: союз обладал субъективными правами, обособленным имуществом, вступал в отношения через представителей, выступал в суде и сохранял организационное единство и перманентность независимо от состава

участников. Признание процессуальной правоспособности муниципий подтверждало применение конструкции лица также к публичным образованиям.

Дальнейшее развитие идеи коллективного субъекта представлено в теории Гирке О. о «союзной личности» – признанной правопорядком деятельности человеческого союза как единого целого, отличного от суммы его членов. Эта личность обладает собственной волей, реализуемой через органы, причем деятельность органов – не представительство отдельных членов, а представление самого союза как целого («частное через часть»). Члены союза сохраняют индивидуальную правосубъектность [\[18, с. 469-485\]](#). Современные исследователи, как Козлова Н.В., отмечают, что римская концепция *universitas* и теория Гирке заложили основы понимания корпорации как самостоятельного субъекта, обладающего атрибутами, аналогичными физическому лицу, что актуально для анализа нетрадиционных коллективных образований [\[19, с. 119\]](#).

На основе анализа этой концепции Крипак И.И. сформулировал ключевые признаки сложного коллективного субъекта: 1) самостоятельная единая воля; 2) единый правовой интерес и цель; 3) обособленное имущество; 4) организационное единство [\[20, с. 51\]](#). Эта мысль перекликается с позицией видного цивилиста Иоффе О.С., указывавшего, что понятие юридического лица возникает для обозначения совокупности (объединения) физических лиц, противопоставляемой в правовом смысле единичному физическому лицу [\[21, с. 53-55\]](#).

Развитие теории коллективного субъекта, благодаря трудам Мицкевича А.В., вышло за узкие рамки гражданско-правовой правосубъектности. Мицкевич А.В. обосновал ее распространение на все отрасли права, включая в круг коллективных субъектов не только юридических лиц, но и разнообразные организации – государство, его органы, иные коллективные образования, формально не обладающие статусом юридического лица, но фактически наделенные правосубъектностью в силу закона и выполняемых функций [\[22, с. 5-33\]](#). Это расширительное понимание подчеркивает, что правосубъектность коллектива не всегда требует формальной регистрации как юридического лица; она может вытекать из его функциональной роли в правопорядке.

Эта совокупность признаков, подтвержденная историческим развитием права и фундаментальными теоретическими построениями, служит универсальным критерием для идентификации носителя правосубъектности. Принципиально важно подчеркнуть, что понимание субъекта права в современной теории не сводится к узкому перечню формально признанных категорий. Как обоснованно указывал академик Нерсесянц В.С., субъектами права являются все адресаты права, все те, кто находится под его действием и признается им в качестве абстрактного правового лица – возможного носителя прав и обязанностей. В этот широкий круг он включал свободных индивидов, хозяйствственные образования, общественные и религиозные организации и т.д. [\[23, с. 509\]](#) Значимый для настоящего исследования акцент сделан Нерсесянцем В.С. на термине «хозяйственные образования». Употребление этой категории, а не строго определенного понятия «организации с правами юридического лица», позволяет предположить, что под «хозяйственными образованиями» подразумевались различные формы коллективной экономической деятельности, не обладающие формальным статусом юридического лица, но реально наделенные правомочиями.

Этот подход созвучен с ранее рассмотренной позицией Мицкевича А.В. о фактической правосубъектности коллективных образований, вытекающей из их функциональной роли, и подчеркивает, что правосубъектность может признаваться за образованиями, не

вписывающимися, например, в рамки юридического лица, но отвечающими универсальным признакам субъекта права.

Таким образом, опираясь на универсальные признаки субъекта права (обладание правами, организационное единство, имущественная обособленность, индивидуализация, способность к формированию единой воли) и расширительное понимание круга их носителей, включающее коллективные субъекты, наделенные правосубъектностью *de facto* в силу выполняемых функций, последующее исследование применит эту теоретическую матрицу для анализа природы кредиторского сообщества в деле о банкротстве.

Первооснову конституирования кредиторского сообщества составляет единый правовой интерес и цель, императивно установленные законодателем как *ratio* всего института несостоительности: максимально полное и соразмерное удовлетворение требований кредиторов посредством надлежащего формирования и реализации конкурсной массы (ст. 2 Закона о банкротстве). Этот надперсональный, объективно доминирующий интерес нивелирует частные различия в характере и объеме требований кредиторов, выступая их консолидирующим началом.

Организационное единство кредиторского сообщества находит свое институциональное воплощение в законодательно установленной структуре органов: собрания кредиторов (как высшего органа волеобразования) и избираемого им комитета кредиторов (как представительного органа) (статьи 12, 17 Закона о банкротстве). Данные органы не выполняют лишь координационную функцию; они легитимно репрезентируют кредиторское сообщество как целостность в отношениях с арбитражным управляющим, должником и судом. Их решения, принятые в установленной законом процедуре, обладают нормативной силой и обязательны для всего круга лиц, признанных участниками сообщества, включая кредиторов без права голоса (субординированные, зареестровые), но сохраняющих процессуальный статус лица, участвующего в деле.

Ключевой атрибут субъектности – способность к формированию и выражению единой воли – реализуется через собрание и комитет кредиторов. Принятие решений по вопросам, определяющим судьбу процедуры банкротства (утверждение плана внешнего управления, выбор СРО или арбитражного управляющего, заключение мирового соглашения и т.д.), представляет собой не механическую агрегацию индивидуальных предпочтений, а процесс легитимного формирования коллективной воли самого сообщества как единого субъекта. Эта воля, будучи сформирована уполномоченным органом, выступает юридическим фактом, порождающим значимые правовые последствия в рамках дела о банкротстве, что соответствует доктринальной позиции Б. Виндшейда о воле как основе субъективного права.

Переходя к исследованию следующего конституирующего признака правосубъектности – имущественной обособленности – применительно к кредиторскому сообществу в процедуре банкротства, считаем возможным исходить из тезиса, сформулированного Ибрагимовым К.Ю., исследователя феномена юридического обособления имущества в частном праве^[24]: признание правопорядком правосубъектности образования может осуществляться посредством регулирования, при котором имущество обособляется для достижения определенной цели или защиты самостоятельного интереса^[25, с. 44].

Ключевым аргументом в пользу наличия данного признака у кредиторского сообщества выступает законодательно установленный специальный правовой режим конкурсной массы. Этот режим характеризуется строгой функциональной обособленностью данного

имущества: оно выделяется из общего состава имущества должника исключительно для целей удовлетворения требований кредиторов в рамках банкротства. Конкурсная масса также не принадлежит отдельным кредиторам, представляя собой целевой имущественный пул, существующий исключительно для погашения кредиторских требований. Однако, при этом, кредиторское сообщество посредством своих органов контролирует осуществляющее арбитражным управляемым управление этим имуществом: например, собрание и комитет кредиторов утверждают отчеты арбитражного управляющего (ст. 143 Закона о банкротстве), дают согласие на сделки с конкурсной массой (ст. 101 Закона о банкротстве), определяют порядок его реализации (ст. 110 Закона о банкротстве).

Имущественную обособленность коллективного субъекта можно констатировать лишь при условии отличия его имущества от имущества входящих в него лиц. С учетом изложенного, сам факт законодательного закрепления специального режима владения, пользования и распоряжения этой массой, реализуемого, главным образом, арбитражным управляющим под контролем органов кредиторского сообщества (собрания и комитета кредиторов), на наш взгляд, является убедительным проявлением имущественной обособленности, достаточным для этого признака субъектности.

С учетом изложенного, данный способ обособления – в пользу определенного круга лиц для строго установленной законом цели – на наш взгляд, следует квалифицировать как целевое (функциональное) обособление имущества. Хотя оно не соответствует классическим формам обособления по ст. 48 ГК РФ (право собственности, хозяйственное ведение, оперативное управление), в контексте банкротства оно обладает аналогичной значимостью по сути и правовым последствиям, обеспечивая юридическое отделение активов от имущества должника и отдельных кредиторов, подчиняя распоряжение исключительно цели кредиторского сообщества.

Цели подобного функционального обособления, хорошо исследованные в доктрине, заключаются, во-первых, в установлении особого порядка управления имуществом (что наблюдается, например, при доверительном управлении по гл. 53 ГК РФ или в отношениях общей собственности по гл. 16 ГК РФ), и, во-вторых, в ограничении распорядительной свободы уполномоченного лица (как в случаях ареста или обособления для взыскания).

Обособление конкурсной массы в процедурах банкротства эффективно решает обе эти задачи: оно исключает распорядительную свободу должника в отношении данного имущества и одновременно вводит особый порядок управления им в течение всей процедуры банкротства. Подобные примеры функционального обособления (наследственная масса, имущество супругов, крестьянского (фермерского) хозяйства) хорошо известны, и конкурсная масса органично встраивается в этот ряд.

Доктринальные основания такого подхода предоставляет, в частности, немецкая юриспруденция. Как указывает в своем исследовании Останина Е.А., Б. Даунер-Либ определяет обособленное имущество как совокупность прав и обязанностей, принадлежащих лицу, так что отношения по поводу этой совокупности регулируются специальным законодательством, а имущество предназначено для определенных задач, а Ф. Якоби подчеркивает подвижность его состава и связь правовых последствий не с конкретной вещью, а с их совокупностью, описанной общими признаками (наследство, имущество супругов, имущество товарищей и т.д.)[\[26, с. 52\]](#).

При этом, критически важно, на наш взгляд, разграничивать обособление имущества

применительно к кредиторскому сообществу и признак имущественной обособленности юридического лица по ст. 48 ГК РФ. Для последнего обособленное имущество служит, прежде всего, базой для самостоятельной имущественной ответственности^{[27, с. 21][28, с. 46]}. В случае же кредиторского сообщества функционально обособленная конкурсная масса служит не базой его ответственности, а именно инструментом достижения строго определенной законом цели под его контролем.

Таким образом, проведенный анализ убедительно свидетельствует о наличии у кредиторского сообщества в процедуре банкротства признака имущественной обособленности, конституирующего его правосубъектность. Эта обособленность носит строго функциональный (целевой) характер, юридически оформленный специальным правовым режимом конкурсной массы. Этот режим обеспечивает юридическое отделение имущества как от должника, ограничивая либо полностью исключая его распорядительную свободу в зависимости от процедуры, так и от отдельных кредиторов, подчиняет его использование исключительно цели удовлетворения требований кредиторов и устанавливает особый порядок управления через арбитражного управляющего под контролем органов кредиторского сообщества.

Индивидуализация и внешняя обособленность кредиторского сообщества в конкурсном процессе не вызывают сомнений. Во-первых, кредиторское сообщество наделено комплексом прав, что подтверждается как судебной практикой, так и доктриной. Так, анализируя стандарт поведения арбитражного управляющего в деле о банкротстве, Кантор Н.Е. обращается к позиции высшей судебной инстанции^[29, с. 172], согласно которой несмотря на наличие у управляющего определенной дискреции, он должен учитывать права и законные интересы кредиторского сообщества, а не отдельных лиц (определение Верховного Суда РФ от 24.08.2020 № 305-ЭС19-17553 по делу № А40-64173/2017). Помимо этого судебной практикой признается за кредиторским сообществом субъективное право требовать взыскания кредиторских убытков (определение Верховного Суда РФ от 28.03.2024 № 305-ЭС23-22266 по делу № А40-169761/2018); субъективное право требовать признания незаконными действий (бездействия) арбитражного управляющего, отстранения его от исполнения обязанностей (постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12.11.2024 № Ф09-2062/19 по делу № А60-51084/2018); право выбора определенной стратегии получения удовлетворения требований кредиторов (постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09.03.2023 № Ф09-10194/22 по делу № А71-6361/2020) и т.д. Во-вторых, интересы кредиторского сообщества защищаются в судебном порядке как интересы единого образования, например, при оспаривании сделок должника или привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. Так, Верховный Суд РФ неоднократно обращал внимание на то, что в таких обособленных спорах истцом выступает единое сообщество кредиторов, а не конкретные кредиторы или арбитражный управляющий, которые подают заявления и поэтому выступают лишь представителями указанного сообщества, действуя в его интересах (определения Верховного Суда РФ от 22.02.2024 № 301-ЭС23-29035 по делу № А43-27133/2022, от 27.01.2023 № 307-ЭС22-27042 по делу № А26-2428/2018, от 20.05.2019 № 305-ЭС16-20779(39, 41, 44) по делу № А40-154909/2015). В этой связи вслед за Шевченко И.М. следует признать, что идея о субъектности кредиторского сообщества активно применяется судами для целей применения п. 2 ч. 1 ст. 150 АПК РФ^[30, с. 6].

Проведенный анализ демонстрирует наличие у кредиторского сообщества всей совокупности универсальных признаков субъекта права: оно обладает организационным единством, реализуемым через систему органов (собрания и комитета кредиторов);

способно к формированию и выражению единой воли по ключевым вопросам процедуры; располагает функционально обособленным имуществом (конкурсной массой), непосредственно служащим достижению его цели и находящимся под его контролем; индивидуализировано и внешне обособленно в конкурсном процессе; и, что наиболее существенно, наделено комплексом прав, реализуемых от его имени как целого.

Следовательно, кредиторское сообщество в деле о банкротстве представляет собой особый вид коллективного субъекта права, существующий в течение всего срока процедуры банкротства и обладающий специальной (функциональной) правосубъектностью, производной исключительно от целей и задач института банкротства. Его правовая природа не редуцируется до узкой конструкции гражданско-правового сообщества в значении собрания (ст. 181.1 ГК РФ). Это самостоятельный участник конкурсного процесса, носитель коллективных прав и интересов, отвечающий классическим критериям *persona* в ее коллективном, процедурно обусловленном воплощении.

Дальнейшая научная задача видится в уточнении объема и содержания этой уникальной правосубъектности и в разработке оптимальных правовых механизмов реализации ее потенциала в целях повышения эффективности процедур банкротства.

2 . Уникальность кредиторского сообщества: синтез черт и самостоятельная природа

Установление факта обладания кредиторским сообществом универсальными признаками субъекта права закономерно ставит вопрос о его месте в системе правовых явлений и характере его правосубъектности. Для выявления *sui generis* природы данного образования необходим сравнительный анализ с классическими гражданско-правовыми конструкциями объединений лиц (корпорациями в широком смысле [\[31, с. 224\]](#)), прежде всего – с юридическими лицами и простыми товариществами. Такой анализ не только подчеркнет уникальные черты кредиторского сообщества, но и прояснит границы возможной аналогии закона в регулировании его деятельности.

Наибольшее методологическое значение обнаруживает функциональное и структурное сходство кредиторского сообщества с корпоративным юридическим лицом. Подобно ему сообщество кредиторов обладает системой органов, формирующих и выражающих его волю: собрание кредиторов выступает функциональным аналогом высшего органа управления (общего собрания участников/акционеров), принимающего стратегические решения, а комитет кредиторов – органа, осуществляющего оперативный контроль и представительство (совет директоров / наблюдательный совет).

Функциональная связь с обособленным имуществом также сближает их: конкурсная масса, хотя и не принадлежит сообществу на праве собственности, выполняет роль, схожую с уставным капиталом или имуществом юридического лица, представляя собой целевой фонд, управляемый в интересах сообщества под его контролем.

Это структурно-функциональное подобие отражает объективную потребность в организации коллективного интереса и имеет важное практическое следствие: оно обосновывает возможность и правомерность применения по аналогии норм, регулирующих деятельность органов юридических лиц, к органам кредиторского сообщества. Наиболее актуально это в сфере ответственности членов комитета кредиторов перед самим сообществом и его участниками – кредиторами.

Нормы статьи 53.1 ГК РФ об ответственности лиц, уполномоченных выступать от имени

юридического лица, членов коллегиальных органов, могут и должны применяться по аналогии к членам комитета кредиторов за убытки, причиненные недобросовестными или неразумными действиями (бездействием), включая злоупотребление полномочиями, что прямо вытекает из функционального сходства ролей и направлено на защиту интересов всего кредиторского коллектива.

Допустимость обращения в данном случае к аналогии права подтверждается практикой Верховного Суда РФ, которая признает взаимное применение норм корпоративного права к отношениям банкротства и норм законодательства о банкротстве к корпоративным отношениям. Как отмечает Микрюков В.А., «в п. 6 Постановления от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» Пленум дважды указал на необходимость применения аналогии, прямо сославшись на п. 1 ст. 6 ГК РФ», «суды указали, что при назначении ликвидатора и определении порядка ликвидации юридического лица надлежит (оптом) применять по аналогии совокупность соответствующих норм банкротного закона (п. 24 Постановления № 6/8)»[\[32, с. 162, 169\]](#).

Критически важно при этом четко разграничивать следующее. Само кредиторское сообщество, как доказано ранее, выступает в качестве носителя правосубъектности – коллективного субъекта правоотношений несостоятельности, обладающего универсальными признаками *persona*. В то же время, собрание кредиторов и комитет кредиторов представляют собой не самостоятельные субъекты права, а именно субъекты управления, то есть органы, посредством которых сообщество как целое реализует свою правосубъектность, формирует и выражает свою волю, осуществляет предоставленные ему законом права и полномочия.

Эта дихотомия («субъект права» - «субъекты управления») является фундаментальной и напрямую корреспондирует с конструкцией юридического лица. Подобно тому, как в корпоративном юридическом лице (например, акционерном обществе) само общество является субъектом права, а общее собрание акционеров, совет директоров, единоличный исполнительный орган – это его органы, через которые оно действует (ст. 53 ГК РФ).

Здесь важно отметить, что попытка Пленума Верховного Суда РФ в п. 118 Постановления № 25 распространить конструкцию гражданско-правового сообщества на само юридическое лицо («Если гражданско-правовое сообщество представляет собой юридическое лицо...») представляется методологически небезупречной. Данный вывод вступает в противоречие с системным толкованием ГК РФ, где законодатель последовательно разделяет понятия: термин «гражданско-правовое сообщество» используется только в контексте решений собраний (гл. 9.1 ГК РФ), в то время как юридическое лицо рассматривается как самостоятельный, единый субъект права (глава 4 подраздела 2 раздела I ГК РФ), чья правосубъектность не сводится к статусу собрания своих участников. Следовательно, положение п. 118 Постановления № 25 требует критического переосмысливания, так как смешивает субъект управления (собрание) с субъектом права (юридическое лицо).

Также необходимо отметить, что несмотря на дискуссионность правового положения руководителя юридического лица в различных правоотношениях и возможность его рассмотрения в разных ипостасях[\[33, с. 285\]](#), в контексте представительства интересов юридического лица превалирует подход, согласно которому «руководителю нет необходимости становиться субъектом гражданских правоотношений»; «он обладает

своими правами и несет свои обязанности, выступая уполномоченным от имени юридического лица»[\[34, с. 242\]](#).

Кредиторское сообщество организовано аналогичным образом. Собрание кредиторов выступает высшим органом управления (волеобразования) сообщества, посредством которого принимаются решения, определяющие ход процедуры банкротства (ст. 12 Закона о банкротстве). В свою очередь, комитет кредиторов выполняет функции представительного органа сообщества. Он осуществляет текущий контроль за деятельностью арбитражного управляющего, реализует отдельные полномочия, делегированные ему собранием или законом (ст. 17 Закона о банкротстве). Действия комитета рассматриваются как действия самого кредиторского сообщества (члены комитета действуют от имени и в интересах сообщества как целого, а не от своего имени или от имени отдельных кредиторов).

В рамках настоящего исследования, не углубляясь в излишнюю детализацию, поскольку это выходит за его целевые рамки, следует отметить, что административно-правовая доктрина демонстрирует аналогичный подход, рассматривая государство в качестве субъекта права, а его органы – в качестве субъектов управления. С позиции данного подхода, разделяемого рядом отечественных ученых, эти органы лишены самостоятельной правосубъектности, не обладают собственными правами и обязанностями, их функциональное предназначение заключается исключительно в формировании и выражении воли государства, в действии от его имени и в его интересах, а также в опосредованной реализации его прав и обязанностей[\[35, с. 498\]](#). Понятие государственного органа предстает как «технический термин», обозначающий конкретных индивидов или их группы, которые, будучи наделенными определенной компетенцией, конституируются в качестве такого органа государства, выступая по сути инструментальным механизмом осуществления его властных функций[\[36, с. 173-174\]](#). Эта концепция находит параллели в германской правовой традиции. Как подчеркивает Слыщенков В.А., «в действующем немецком праве государственные органы являются не лицами, т.е. не субъектами «внешнего права» (Aussenrecht), но составными частями носителя власти (Verwaltungstrager), например государства в целом»[\[37, с. 77\]](#).

Таким образом, собрание и комитет кредиторов не обладают собственной, отдельной от кредиторского сообщества правосубъектностью. Их правовая природа – природа органа коллективного субъекта. Они являются инструментами, посредством которых сообщество как носитель правосубъектности реализует свою способность приобретать и осуществлять права, создавать обязанности в рамках конкурсного процесса.

Сказанное находит прямое воплощение в механизме подотчетности арбитражного управляющего: он несет обязанности по представлению информации и отчетности исключительно перед кредиторским сообществом в целом, а не отдельными кредиторами. Эта подотчетность реализуется через органы кредиторского сообщества – собрание и комитет кредиторов, что исключает обязанность управляющего предоставлять документы по индивидуальным запросам кредиторов. Данный вывод находит прямое подтверждение в судебной практике. Так, в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30.08.2019 № Ф07-10593/2019 по делу № А56-7230/2017 суд однозначно указал, что «законодательство о банкротстве устанавливает правила отчетности перед кредиторами – ежеквартальные собрания (заседания комитета) кредиторов с рассмотрением результатов проведения конкурсного производства. Прямого указания на предоставление информации каждому кредитору в отдельности нормы Закона о банкротстве не содержат.». Аналогичная позиция представлена в постановлении

Арбитражного суда Северо-Западного округа от 02.04.2025 № Ф07-672/2025 по делу № А56-71587/2020: суд подчеркнул, что «Арбитражный управляющий подотчетен собранию кредиторов (комитету кредиторов) и обязан представлять по требованию собрания кредиторов любую информацию, связанную с конкурсным производством. Арбитражный управляющий не обязан проводить аналитическую работу по индивидуальному запросу кредиторов, в том числе сбор и направление документов».

Определенное поверхностное сходство кредиторское сообщество обнаруживает и с конструкцией простого товарищества (гл. 55 ГК РФ), основанной также на объединении лиц для достижения общей цели. Данная идея находит подтверждение в доктрине. Например, Шайдуллин А.И. пишет, что кредиторы являются товарищами (хоть и ученый рассматривает их в качестве недобровольных), которые преследуют общую цель – наиболее полное удовлетворение своих требований [\[38, с. 55\]](#). Османова Д.О., развивая данную мысль, ссылается на п. 5 ст. 1044 Гражданского кодекса РФ и указывает, что об общности ведения дел кредиторами в качестве товарищей свидетельствуют принятие решений собранием кредиторов, а также присоединение кредиторов, например, к требованиям заявителя о признании сделки должника недействительной или о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности [\[39, с. 21\]](#).

Действительно, феномен кредиторского сообщества отражает глубинную социально-антропологическую сущность человека как существа коллективного (*homo socius*). Как справедливо отмечает Дж. Фрозио, исторически и даже генетически человек предрасположен к сотрудничеству, являясь скорее «кооперативным видом» (a cooperative species), нежели исключительно «человеком экономическим» (*Homo economicus*) [\[40, с. 1983\]](#). Институт банкротства, создавая правовую форму для вынужденной консолидации кредиторов перед лицом общей угрозы неудовлетворения их требований, актуализирует эту фундаментальную потребность в объединении усилий. Кредиторское сообщество воплощает диалектику коллективного и индивидуального: объединение усилий ради достижения общей цели (удовлетворения требований) происходит при осознании каждым участником того, что в этом общем деле лежит часть его собственного имущественного блага.

Однако вышеуказанное сходство служит, главным образом, для оттенения более принципиальных и сущностных отличий, окончательно подтверждающих уникальную природу сообщества и невозможность его подведения под классические конструкции.

Ключевое различие коренится в генезисе и природе формирования этих объединений. Простое товарищество возникает исключительно на основе добровольного волеизъявления участников, оформленного гражданско-правовым договором (статья 1041 ГК РФ), выступающим актом автономии их воли. В свою очередь, возникновение кредиторского сообщества детерминировано сложным взаимодействием императивных и диспозитивных начал. С одной стороны, конституирование кредиторского сообщества происходит в силу прямого предписания закона (*ex lege*), что отражает императивный характер его природы. С другой стороны, каждый кредитор обладает диспозитивными правами, позволяющими самостоятельно принимать решения о своем участии в сообществе: он вправе решать, предъявлять ли свои требования для включения в реестр кредиторов, определять размер заявляемого требования, а также отказаться от его предъявления. Так, например, Шевченко И.М. пишет, что отдельный кредитор выражает свое согласие на вхождение в гражданско-правовое сообщество кредиторов тогда, когда кредитует должника [\[41, с. 69\]](#). Таким образом, возникновение кредиторского сообщества представляет собой сочетание обязательного правового механизма и

свободы действий отдельных кредиторов.

Существенное расхождение наблюдается и в целеполагании: целью простого товарищества является извлечение прибыли или достижение иной не противоречащей закону цели, определяемой самими участниками (ст. 1041 ГК РФ), тогда как цель кредиторского сообщества строго предопределена законом – удовлетворение требований кредиторов за счет формирования и реализации конкурсной массы.

Таким образом, проведенный компаративный анализ убедительно демонстрирует, что кредиторское сообщество не может быть квалифицировано ни как юридическое лицо, ни как простое товарищество. Оно представляет собой самостоятельное правосубъектное образование уникального типа – *sui generis*, порожденное спецификой правоотношений несостоятельности (банкротства).

Природа кредиторского сообщества – это синтез признаков:

- 1) от юридического лица оно заимствует организационное единство, способность формировать единую волю и функциональную связь с обособленным имуществом, что оправдывает ограниченную аналогию закона в вопросах ответственности органов кредиторского сообщества;
- 2) от договорных неправосубъектных объединений лиц оно сохраняет лишь сам факт объединения для общей цели, но отличается принудительным, публично-правовым генезисом, отсутствием договорной основы, специфической установленной законом целью.

Ключевая уникальность кредиторского сообщества заключается в его процедурно-функциональном характере: оно есть временная, создаваемая законом (*ex lege*) корпоративная общность, существующая строго в рамках и на срок конкретного дела о банкротстве исключительно для реализации целей, установленных законодательством о банкротстве.

Его правосубъектность носит специальный, производный и функциональный характер, не требующий формального признания через статус юридического лица, но реально проявляющийся в комплексе прав и способности выступать единым целым в конкурсном процессе. Таким образом, кредиторское сообщество должно рассматриваться как самостоятельный субъект правоотношений несостоятельности, обладающий правовой природой *sui generis*.

3. Практическая реализация правосубъектности кредиторского сообщества

Для эффективной реализации правосубъектности кредиторского сообщества предлагается последовательное внедрение правового механизма реализации единства воли кредиторского сообщества, основанного на приоритете коллективного волеизъявления над индивидуальным в вопросах, затрагивающих единую цель кредиторского сообщества – надлежащее формирование конкурсной массы и погашение задолженности.

Сущность данного механизма заключается в установлении принципа монополии органов кредиторского сообщества (собрания и комитета кредиторов) на осуществление действий, существенно влияющих на единую цель кредиторского сообщества. К таким действиям относятся, в частности: оспаривание сделок должника, предъявление требований о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, иные иски, направленные на формирование, пополнение или сохранение конкурсной массы.

Для этого индивидуальный кредитор, инициирующий подобное требование, обязан предложить его включение в повестку собрания кредиторов. Лишь при отказе во включении вопроса органом кредиторского сообщества, кредитор приобретает право на судебное оспаривание такого решения.

При этом, видится обоснованным, судебные расходы по спорам, инициированным органами кредиторского сообщества для достижения его единой цели, отнести на конкурсную массу. Напротив, кредитор, обращающийся с требованием самостоятельно (включая случаи после отказа органов сообщества), должен нести все судебные расходы самостоятельно. Такой подход обеспечивает сдерживающий эффект: необходимость нести бремя расходов отбивает у кредиторов желание необоснованно «закидывать» суд исками, заставляя их тщательно оценивать целесообразность и перспективы таких обращений.

Обоснованность и эффективность предлагаемого механизма находят убедительное подтверждение в банкротстве эмитента облигаций, где интересы всех кредиторов-владельцев облигаций представляет исключительно единый субъект – представитель владельцев облигаций (ПВО) или при его отсутствии депозитарий (абз. 3 п. 7 ст. 16, абз. 2 п. 4 ст. 71 Закона о банкротстве, пп. 8.1 п. 11 ст. 29.1 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»). При этом в реестр включается обобщенное требование ПВО (депозитария) с указанием совокупного размера требований всех кредиторов-владельцев облигаций; требование отдельного владельца облигаций оставляется судом без рассмотрения.

Судебная практика последовательно подтверждает целесообразность данного подхода. Так, например, в определении Верховного Суда РФ от 06.08.2020 по делу № А40-51346/2019 указано, что цель кредитора включиться в реестр требований кредиторов должника уже достигнута через представителя владельцев облигаций. Аналогичная позиция нашла свое отражение в актуальной судебной практике Арбитражного суда Московского округа (например, постановления от 25.08.2022 по делу № А40-197447/2018, от 23.05.2019 по делу № А40-102911/2018).

Видится, что целью введения особого порядка участия кредиторов в деле о банкротстве должника-эмитента облигаций являлось обеспечение единого подхода в отношении всех кредиторов-владельцев облигаций, упрощения взаимодействия с ними в конкурсном процессе. Как отмечает Фокин Е.А., обращение ПВО в суд по своей процессуальной природе является групповым иском (ст. 225.16 АПК РФ), обеспечивающим коллективную защиту интересов всех кредиторов-владельцев облигаций [42, с. 132].

Конституционный Суд РФ подтвердил, что данный механизм не нарушает право на судебную защиту, поскольку ПВО (депозитарий) действует в интересах всех кредиторов-владельцев облигаций, а включение его требования в реестр носит процедурный характер, не умаляя имущественных прав кредиторов. Суд указал, что законоположения направлены на обеспечение коллективной защиты интересов владельцев облигаций посредством института представительства, что само по себе является формой судебной защиты и не может рассматриваться как нарушающее конституционные права кредиторов (определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 № 745-О). Этот вывод сохраняет силу даже в ситуации, когда требование отдельного кредитора-владельца облигаций подтверждается вступившим в законную силу судебным актом, так как последующее включение в реестр в рамках банкротства эмитента подчиняется специальному режиму представительства.

Опираясь на доказанную эффективность правового механизма, реализующего принцип единства воли кредиторского сообщества (апробированного в российской практике банкротства эмитентов облигаций), предлагается внести следующие изменения в Закон о банкротстве:

Дополнить статью 2 Закона о банкротстве новым абзацем следующего содержания:

кредиторское сообщество – объединение всех кредиторов, являющиеся лицами, участвующими в деле о банкротстве на дату проведения соответствующего собрания кредиторов или принятия решения комитетом кредиторов, действующее в деле о банкротстве посредством коллективных органов управления (собрания кредиторов и комитета кредиторов) для достижения их общей цели – максимального удовлетворения требований за счет стоимости конкурсной массы.

Дополнить статью 12 Закона о банкротстве новым пунктом 2.1 следующего содержания:

«2.1. К исключительной компетенции собрания кредиторов относится принятие решений о предъявлении от имени кредиторского сообщества требований, влияющих на формирование, пополнение или сохранение конкурсной массы, в том числе заявлений:

об оспаривании сделки должника;

о привлечении к субсидиарной ответственности;

о взыскании убытков с арбитражного управляющего;

об истребовании имущества должника из чужого незаконного владения;

о признании права собственности должника на имущество;

о признании недействительными решений органов управления должника.».

Дополнить Закон о банкротстве новой статьей 15.1. «Порядок предъявления кредиторами требований, влияющих на конкурсную массу»:

«Статья 15.1. «Порядок предъявления кредиторами требований, влияющих на конкурсную массу»:

1. Кредитор, намеревающийся предъявить в деле о банкротстве требование, предусмотренное пунктом 2.1 статьи 12 настоящего Федерального закона (далее – требование, влияющее на конкурсную массу), обязан направить арбитражному управляющему для внесения в повестку собрания кредиторов мотивированное предложение о предъявлении такого требования от имени кредиторского сообщества.
2. В случае принятия собранием кредиторов решения об отказе от обращения в суд с требованием, влияющим на конкурсную массу (далее – решение об отказе), оно может быть признано недействительным арбитражным судом, рассматривающим дело о банкротстве, по заявлению такого кредитора ввиду его необоснованности или несоответствия цели кредиторского сообщества.
3. В случае признания решения об отказе недействительным, кредитор вправе предъявить требование, влияющее на конкурсную массу самостоятельно. При этом такое требование предъявляется в защиту интересов кредиторского сообщества, а любое имущество или денежные средства, взысканные по такому требованию, подлежат включению в конкурсную массу.
4. Требование, влияющее на конкурсную массу, предъявленное кредитором без

соблюдения порядка, установленного пунктами 1-3 настоящей статьи, подлежит оставлению арбитражным судом без рассмотрения.

5. Судебные расходы по требованиям, указанным в пункте 2.1 статьи 12 настоящего Федерального закона, инициированным собранием кредиторов, относятся на конкурсную массу, а при самостоятельном предъявлении кредитором такие расходы возлагаются на этого кредитора.».

Проведенное исследование обосновывает необходимость законодательного закрепления правосубъектности кредиторского сообщества посредством внедрения правового механизма, реализующего принцип единства его воли. Таким образом, правосубъектность кредиторского сообщества реализуется через установление исключительной компетенции собрания и комитета кредиторов на предъявление заявлений, влияющих на конкурсную массу (оспаривание сделок, привлечение к субсидиарной ответственности и т.п.), обязательный досудебный фильтр индивидуальных кредиторских инициатив в виде предложения органам кредиторского сообщества предъявить требование и судебный контроль обоснованности их отказов в этом. Предлагаемые изменения создают условия для полноценной реализации правосубъектности кредиторского сообщества, направленной на достижение цели банкротства – максимального удовлетворения требований кредиторов.

4 . Микро- и макроправовые последствия признания правосубъектности кредиторского сообщества

Признание кредиторского сообщества в процедуре банкротства в качестве коллективного субъекта права неизбежно влечет комплекс значимых правовых последствий. Эти последствия носят многоуровневый характер, затрагивая как внутренние (микро-) отношения в рамках конкурсного процесса и интересы его непосредственных участников, так и макроструктуру правового регулирования несостоятельности, экономические и технологические стратегии российского государства.

Микроправовые последствия носят многоплановый характер и заключаются в следующем.

Законодательное закрепление правосубъектности кредиторского сообщества разрешает фундаментальную проблему легитимации собрания и комитета кредиторов как его органов, которые приобретают бесспорное право выступать от имени и в интересах всех кредиторов при предъявлении ключевых требований, влияющих на конкурсную массу (оспаривание сделок, привлечение к субсидиарной ответственности, взыскание убытков с управляющего и т.д.). Это устраняет хаос и конфликты, неизбежно возникающие при параллельных или противоречивых действиях отдельных кредиторов. Кроме этого, радикально сокращается количество однотипных исков по одному делу о банкротстве – вместо множества индивидуальных заявлений суд рассматривает одно требование, сформулированное и предъявленное уполномоченным органом кредиторского сообщества, что высвобождает значительные судебные ресурсы, ускоряет процедуру и снижает судебные издержки для всех участников.

Признание кредиторского сообщества субъектом отношений несостоятельности создает действенный механизм защиты интересов всех кредиторов, включая пассивных, мелких или лишенных права голоса (например, зареестровых), чьи интересы объективно представлены и защищаются решениями органов сообщества, действующих в общих интересах. При этом индивидуальный кредитор сохраняет право инициировать вопрос

через органы кредиторского сообщества и оспаривать в суде необоснованный отказ этих органов действовать, но лишается возможности действовать вопреки коллективно принятому решению по стратегическим вопросам, что предотвращает ситуации, когда активный кредитор, преследуя исключительно личную выгоду, своими действиями наносит ущерб общим интересам.

Четкое определение органов кредиторского сообщества как субъектов управления и распространение на членов комитета кредиторов (по аналогии закона) норм об ответственности по ст. 53.1 ГК РФ за недобросовестные или неразумные действия, причинившие убытки кредиторскому сообществу, создают действенный механизм сдержек и противовесов, стимулируя более взвешенный и профессиональный подход к управлению общими интересами кредиторов.

На макроуровне последствия признания правосубъектности кредиторского сообщества носят стратегический характер, напрямую затрагивая интересы российского государства и перспективы развития его экономики.

Признание правосубъектности кредиторского сообщества упрощает конкурсный процесс, концентрирует усилия на общих целях всех кредиторов, снижает судебные издержки и риски злоупотреблений, что в совокупности радикально повышает предсказуемость и эффективность процедур банкротства. Это напрямую служит государственным интересам: снижается нагрузка на арбитражные суды (высвобождая ресурсы для других споров), повышается собираемость фискальных платежей за счет более эффективного формирования конкурсной массы и удовлетворения требований бюджета, минимизируются социальные издержки за счет ускорения процедур и более четкого определения перспектив бизнеса (например, сохранение рабочих мест при реструктуризации).

Признание правосубъектности сообщества критически важно для успешной реструктуризации. Единый субъект – кредиторское сообщество – способен гораздо оперативнее принимать сложные, стратегические решения, необходимые для утверждения и реализации плана реструктуризации. Это снижает риски срыва переговоров и соглашений из-за противодействия отдельных кредиторов, делает процедуру реструктуризации более привлекательной и управляемой для должника и потенциальных инвесторов, способствуя сохранению бизнеса как действующего предприятия и рабочих мест.

Более того, само кредиторское сообщество, обладая правосубъектностью и механизмами принятия решений, потенциально может стать источником инвестиций в деятельность должника в ходе финансового оздоровления или внешнего управления. Кредиторы, особенно крупные финансовые институты, заинтересованные в восстановлении платежеспособности должника для максимизации возврата требований, могут через решения собрания кредиторов санкционировать предоставление новых займов, отсрочек, реструктуризацию задолженности на выгодных для восстановления бизнеса условиях или даже прямое инвестирование средств в реорганизацию предприятия. Правосубъектность сообщества создает для этого необходимые правовые предпосылки и организационные рамки, превращая его из пассивного контролера в активного участника реабилитационного процесса.

Представляется перспективным признание единого цифрового профиля «Кредиторское сообщество» на государственных платформах электронного правосудия (например, «Мой Арбитр») и Едином федеральном реестре сведений о банкротстве (ЕФРСБ) как логичный

и технически осуществимый шаг. Все процессуальные действия, решения собраний и комитета кредиторов, заявления от имени сообщества, документооборот с арбитражным управляющим и судом могут концентрироваться в рамках этого единого цифрового профиля. Это резко повышает прозрачность и скорость процедур: любой участник конкурсного процесса видит актуальный статус инициатив и решений кредиторского сообщества в режиме реального времени. Автоматизируется информирование всех кредиторов о решениях органов сообщества и ходе споров, инициированных от его имени.

Признание кредиторского сообщества как единого субъекта отношений несостоятельности является мощным сигналом для иностранных инвесторов. Это повышает доверие к российской правовой системе как к защитнику прав всех кредиторов, способствует притоку капитала и улучшению инвестиционного климата даже в сложных внешнеполитических условиях. Так, в условиях санкционного давления, когда отдельные кредиторы (особенно из «недружественных» юрисдикций) могут действовать вразрез общим интересам кредиторов, признание приоритета коллективного волеизъявления над индивидуальным становится инструментом защиты целостности процедуры российского банкротства от деструктивных действий, продиктованных политическими мотивами отдельных иностранных участников.

Кроме этого, признание правосубъектности кредиторского сообщества облегчает взаимодействие в трансграничных банкротствах. Российское кредиторское сообщество может выступать как единый признанный субъект в иностранных юрисдикциях при признании российских процедур или участии в иностранных, упрощая координацию и защиту интересов российских кредиторов за рубежом. Это повышает авторитет российской правовой системы и способствует развитию международного сотрудничества в сфере банкротства.

Резюмируя все изложенное, следует отметить, что признание правосубъектности кредиторского сообщества влечет глубокую позитивную трансформацию на всех уровнях. На микроуровне это выражается в устраниении процессуальных коллизий, оптимизации судопроизводства, сбалансировании прав кредиторов и установление ответственности органов сообщества. На макроуровне стратегические последствия для Российской Федерации проявляются в повышении эффективности банкротства как инструмента экономической политики государства (снижение судебной нагрузки, рост фискальной эффективности), упрощении и повышении успешности реструктуризации компаний, создании мощного катализатора для цифровизации процедур банкротства через формирование единых цифровых профилей и автоматизацию процессов, а также в укреплении инвестиционного климата, гармонизации с международными стандартами и усилении позиций России в трансграничных отношениях в сфере несостоятельности.

Таким образом, предлагаемое признание служит не только теоретическим обоснованием природы кредиторского сообщества, но и практическим фундаментом для построения более эффективной, технологичной и соответствующей государственным и международным вызовам системы банкротства в России. Дальнейшая разработка конкретных механизмов реализации этой правосубъектности, включая создание цифрового профиля кредиторского сообщества, представляет собой актуальную задачу для законодателя и правоприменительной практики.

Заключение

Проведенное исследование правовой природы кредиторского сообщества в процедуре

банкротства доказывает его объективное существование в качестве самостоятельного коллективного субъекта правоотношений, обладающего системой универсальных признаков правосубъектности, несмотря на отсутствие формального признания в действующем законодательстве.

Кредиторское сообщество, как это следует из проведенного анализа, не является абстрактной конструкцией или теоретической фикцией – оно реально функционирует через организационное единство, воплощенное в структуре органов (собрание и комитет кредиторов); способность к формированию единой воли, выражаемой в решениях, обязательных для всех участников сообщества (включая субординированных и зареестровых кредиторов); функциональную связь с конкурсной массой как обособленным имуществом; внешнюю индивидуализацию в процессе, подтверждаемую судебной практикой (например, при оспаривании сделок должника, где истцом признается единое сообщество, а не отдельные кредиторы).

Природа данного образования принципиально отличается от гражданско-правового сообщества (ст. 181.1 ГК РФ) и иных классических объединений лиц (юридических лиц, товариществ), что обусловлено его сущностными характеристиками: во-первых, кредиторское сообщество возникает *ex lege* (в силу прямого предписания закона) на период процедуры банкротства, а не исключительно на основе добровольного волеизъявления участников; во-вторых, его цель императивно определена законодателем как максимальное удовлетворение требований кредиторов (ст. 2 Закона о банкротстве), а не устанавливается договором.

Практическая значимость исследования заключается в последовательном обосновании необходимости законодательного признания правосубъектности кредиторского сообщества через три ключевых механизма: установление монополии его органов на инициирование требований, влияющих на конкурсную массу (включая оспаривание сделок и привлечение к субсидиарной ответственности), внедрение финансово-процессуальных сдерживающих инструментов, таких как отнесение судебных расходов на конкурсную массу при исках органов сообщества и возложение персональной финансовой ответственности на кредиторов, действующих вопреки решениям сообщества, а также цифровизацию правового статуса путем создания единого профиля в ЕФРСБ, обеспечивающего прозрачность решений и автоматизацию процедурных и процессуальных действий. Макроправовые последствия такого признания носят системный характер: в экономической сфере это ускорит реструктуризацию компаний за счет консолидации решений кредиторов и снизит судебную нагрузку, а в международно-правовом аспекте упростит трансграничные банкротства путем признания российского кредиторского сообщества единым субъектом в иностранных юрисдикциях и нейтрализует санкционные риски через приоритет коллективной воли над действиями отдельных «недружественных» кредиторов.

Таким образом, кредиторское сообщество объективно существует в рамках института банкротства, а его законодательное признание в качестве субъекта *sui generis* представляет собой не создание новой конструкции, а адекватное отражение сложившейся правовой реальности, формируя основу для сбалансированной модернизации законодательства, гармонизирующей частные интересы кредиторов с публично-правовыми целями обеспечения экономической эффективности процедур несостоятельности.

Библиография

1. Ayotte K., Morrison E.R. Creditor Control and Conflict in Chapter 11 // The Journal of Legal Analysis. 2009. № 2. Р. 511-551.
2. Есманский А.А. Реструктуризация задолженности: как защитить интересы независимых кредиторов // Закон. 2023. № 4. С. 90-104.
3. Будылин С. Дело о доминирующем кредиторе: когда кредитор отвечает за результаты коммерческой деятельности банкрота // Юридическая работа в кредитной организации. 2022. № 4. С. 41-55.
4. Согоян Д.П. Кредиторское сообщество в правоотношениях несостоятельности (банкротства): опыт России и зарубежных стран // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. № 1. С. 110-121.
5. Шевченко И.М. К вопросу о режиме имущественной массы супругов (некоторые размышления на примере дел о банкротстве) // Закон. 2023. № 4. С. 118-127.
6. Гаевский С.В. Реабилитационный механизм на стадии предупреждения и восстановительной стадии процесса несостоятельности (банкротства) юридического лица: отличительные особенности // Вестник арбитражной практики. 2024. № 6. С. 3-19.
7. Кресс В.В. Развитие гражданско-правовых сообществ как признак и следствие цифровизации гражданских правоотношений // Предпринимательское право. 2024. № 4. С. 2-7.
8. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Выпуск 3. М., 1912. 814 с.
9. Лаптев В.А. Предпринимательские объединения: холдинги, финансово-промышленные группы, простые товарищества. М.: Волтерс Клувер, 2008. 176 с.
10. Гинцбург Л.Я. Трудовое законодательство: права, обязанности, сфера действия // Советское государство и право. 1971. № 11. С. 42-49.
11. Пономарева Е.В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 208 с.
12. Шахов В.Д. Механизм самоуправления трудового коллектива (организационно-правовые проблемы). Свердловск: Изд-во Урал. Ун-та, 1990. 215 с.
13. Мозолин В.П. Система российского права (Доклад на Всероссийской конференции 14 ноября 2001 г.) // Государство и право. 2003. № 1. С. 107-113.
14. Луганцев В.М. Коллективные субъекты трудового права // Советское государство и право. 1984. № 4. С. 63-67.
15. Виндшейд Б. Учебник пандектного права / Соч. проф. Гейдельберг. ун-та Виндшейда. Общая часть. Санкт-Петербург: Гиероглифов и Никифоров, 1874. 358 с.
16. Виндельбант В. О свободе воли. Санкт-Петербург: В.В. Битнер, 1904. 112 с.
17. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. Санкт-Петербург: ООО Издательский Дом "Алеф-Пресс", 2015. 542 с.
18. Гирке О. Немецкое частное право. Берлин, 1895. 897 с.
19. Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: Учебное пособие. М.: Статут, 2003. 318 с.
20. Крипак И.И. Сложный коллективный субъект права: проблемы общей теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Кострома, 2006. 225 с.
21. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории "хозяйственного права". М.: Статут, 2000. 780 с.
22. Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М.: Госюриздан, 1962. 213 с.
23. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: Учебник для вузов. М., 1999. 539 с.
24. Ибрагимов К.Ю. Феномен юридического обоснования имущества в частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2025. 194 с.

25. Ибрагимов К.Ю. Обособленное имущество и правосубъектность // Ленинградский юридический журнал. 2024. № 1 (75). С. 28-28.
26. Останина Е.А. Имущественная обособленность физического лица и последствия, с ней связанные // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 12. С. 48-74.
27. Захарова Е.И. Имущественная обособленность коммерческих организаций как признак юридического лица: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. 214 с.
28. Стойкина Ю.В. Имущественная обособленность как конструктивный признак коммерческой организации: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2002. 175 с.
29. Кантор Н.Е. Применение business judgment rule в спорах о гражданско-правовой ответственности арбитражных управляющих // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 7. С. 165-182.
30. Шевченко И.М. Некоторые вопросы обращения взыскания на имущество супругов-созалогодателей в делах о банкротстве // Российский судья. 2020. № 6. С. 3-8.
31. Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2017. Т. 1. 990 с.
32. Микрюков В.А. Категория аналогии в системе регулирования частноправовых отношений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2025. 694 с.
33. Лаптев В.А., Чуча С.Ю. Руководитель организации и орган юридического лица: единство сущности и противоречия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 2. С. 285-311.
34. Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России: монография. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. 432 с.
35. Коркунов Н.Н. Русское государственное право: пособие к лекциям. В 2 т. Т. 2. 6-е изд. Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. 748 с.
36. Рождественский А.А. Теория субъективных публичных прав. М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1913. 290 с.
37. Слыщенков В.А. Участие государства в отношениях, регулируемых гражданским правом: к вопросу о правовом положении государственных органов // Вестник гражданского права. 2010. № 6. С. 58-91.
38. Шайдуллин А.И. Особенности участия связанных с должником кредиторов в процедурах банкротства // Закон. 2020. № 9. С. 53-65.
39. Османова Д. О. Правовой режим основных множественостей в процедуре банкротства // Lex russica. 2021. Т. 74. № 11. С. 17-29.
40. Frosio G. User Patronage: The Return of the Gift in the "Crowd Society" // Michigan State Law Review. 2015. № 5. 2039 р.
41. Шевченко И.М. О некоторых вопросах оспаривания решений собрания кредиторов в делах о банкротстве // Закон. 2020. № 9. С. 66-78.
42. Фокин Е.А. Защита прав участников рынка ценных бумаг органами конституционного и международного правосудия // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. № 1. С. 128-139.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Правосубъектность кредиторского сообщества в отношениях несостоятельности: теоретическое обоснование и практические следствия».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам правосубъектности кредиторского сообщества в отношениях несостоятельности. Автором раскрывается сущность данного сообщества с точки зрения частного права, критически анализируется подход к тому, что кредиторское сообщество в отношениях несостоятельности приравнивается к модели гражданско-правового сообщества. Кредиторское сообщество рассматривается как носитель универсальных признаков субъекта права, раскрывается уникальность кредиторского сообщества, изучается практическая реализация правосубъектности кредиторского сообщества, раскрываются микро- и макроправовые последствия признания правосубъектности кредиторского сообщества. В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, положения законодательства, мнения ученых, материалы правоприменительной практики.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье заявлена: «Целью является проверка гипотезы о том, что кредиторское сообщество в процедуре банкротства обладает совокупностью таких признаков, позволяющих рассматривать его как особого носителя свойств субъекта права». Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов судебной практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства. Например, следующий вывод автора:

«Организационное единство кредиторского сообщества находит свое институциональное воплощение в законодательно установленной структуре органов: собрания кредиторов (как высшего органа волеобразования) и избираемого им комитета кредиторов (как представительного органа) (статьи 12, 17 Закона о банкротстве). Данные органы не выполняют лишь координационную функцию; они легитимно представляют кредиторское сообщество как целостность в отношениях с арбитражным управляющим, должником и судом. Их решения, принятые в установленной законом процедуре, обладают нормативной силой и обязательны для всего круга лиц, признанных участниками сообщества, включая кредиторов без права голоса (субординированные, зареестровые), но сохраняющих процессуальный статус лица, участвующего в деле».

Следует положительно оценить возможности эмпирического метода исследования, связанного с изучением материалов судебной практики. В частности, делается следующий авторский вывод: «судебной практикой признается за кредиторским сообществом субъективное право требовать взыскания кредиторских убытков (определение Верховного Суда РФ от 28.03.2024 № 305-ЭС23-22266 по делу № А40-169761/2018); субъективное право требовать признания незаконными действий (бездействия) арбитражного управляющего, отстранения его от исполнения обязанностей (постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12.11.2024 № Ф09-2062/19 по делу № А60-51084/2018); право выбора определенной стратегии получения удовлетворения требований кредиторов (постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09.03.2023 № Ф09-10194/22 по делу № А71-6361/2020) и т.д».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема правосубъектности кредиторского сообщества в отношениях несостоятельности сложна и неоднозначна. Действительно, кредиторское сообщество обладает определенными правами и обязанностями в деле о несостоятельности, однако его правосубъектность вызывает вопросы, требует уточнения. Сложно спорить с автором рецензируемой статьи в том, что «Правовая природа указанного сообщества остается недостаточно исследованной в доктринальных источниках. Существующие научные труды, в которых косвенно затрагивается феномен кредиторского сообщества, преимущественно редуцируют его сущность до модели гражданско-правового сообщества. Данный вывод конструируется, главным образом, на основе буквального толкования п. 2 ст. 181.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), где кредиторы при банкротстве рассматриваются как участники гражданско-правового сообщества».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод: «Кредиторское сообщество, как это следует из проведенного анализа, не является абстрактной конструкцией или теоретической фикцией – оно реально функционирует через организационное единство, воплощенное в структуре органов (собрание и комитет кредиторов); способность к формированию единой воли, выражаемой в решениях, обязательных для всех участников сообщества (включая субординированных и зареестровых кредиторов); функциональную связь с конкурсной массой как обособленным имуществом; внешнюю индивидуализацию в процессе, подтверждаемую судебной практикой (например, при оспаривании сделок должника, где истцом признается единое сообщество, а не отдельные кредиторы)».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию действующего законодательства. В частности,

«Практическая значимость исследования заключается в последовательном обосновании необходимости законодательного признания правосубъектности кредиторского сообщества через три ключевых механизма: установление монополии его органов на инициирование требований, влияющих на конкурсную массу (включая оспаривание сделок и привлечение к субсидиарной ответственности), внедрение финансово-процессуальных сдерживающих инструментов, таких как отнесение судебных расходов на конкурсную массу при исках органов сообщества и возложение персональной финансовой ответственности на кредиторов, действующих вопреки решениям сообщества, а также цифровизацию правового статуса путем создания единого профиля в ЕФРСБ, обеспечивающего прозрачность решений и автоматизацию процедурных и процессуальных действий».

Приведенный вывод может быть актуален и полезен для правотворческой деятельности. Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования»,

так как она посвящена правовыми проблемами, связанным с правосубъектностью кредиторского сообщества в отношениях несостоятельности.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг поставленной цели работы, указав на конкретные направления совершенствования института кредиторского сообщества в отношениях несостоятельности.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Останина Е.А., Есманский А.А., Будылин С., Кресс В.В., Пономарева Е.В. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области несостоятельности (банкротства). Хотело бы отметить использование автором большого количества материалов судебной практики, что позволило придать исследованию правоприменимительную направленность.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к перспективным направлениям развития законодательства в части регулирования кредиторского сообщества в отношениях несостоятельности.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Леканова Е.Е. К вопросу об осуществлении государством защиты детства, материнства, отцовства и семьи в семейно-правовой сфере // Юридические исследования. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.8.72517 EDN: XMBRJQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72517

К вопросу об осуществлении государством защиты детства, материнства, отцовства и семьи в семейно-правовой сфере**Леканова Екатерина Евгеньевна**

ORCID: 0000-0003-4350-7955

аспирант; Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

150003, Россия, Ярославская область, г. Ярославль, ул. Советская, 14

✉ lekanova.katya@yandex.ru

[Статья из рубрики "Семейное право "](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.8.72517

EDN:

XMBRJQ

Дата направления статьи в редакцию:

30-11-2024

Аннотация: В статье рассмотрены особенности, пределы и иные проявления защиты государством детства, материнства, отцовства и семьи в семейно-правовом поле. Проанализированы действия государственных органов в сфере защиты детства, материнства, отцовства и семьи. Актуальность исследования семейно-правовых особенностей защиты государством детства, материнства, отцовства и семьи обусловлена тем, что особая защита государством таких ценностей как материнство, отцовство, семья и детство гарантирует непрерывную смену поколений, а также важна для сохранения и развития многонационального народа России. Когда речь идет о защите детства, материнства, отцовства государством, то в качестве членов семьи законодатель подразумевает супругов, родителей (усыновителей) и их несовершеннолетних детей, не обладающих полной гражданской дееспособностью. С помощью метода правовой индукции автором статьи сформулированы выводы об осуществлении государством защиты детства, материнства, отцовства и семьи в семейно-правовой сфере посредством анализа правоприменительной практики и

правовых норм. Анализ семейного законодательства показывает, что защита детства, материнства, отцовства и семьи в лице государства осуществляется судом при наличии к тому оснований в случае предъявления иска, а также иными государственными органами (в частности, органами опеки и попечительства, прокурором) – в случаях, предусмотренных СК РФ. Семейно-правовая защита семьи государством представляет собой меры, направленные на поддержание государством целостности семьи. Семья в виде супружеской пары распадается в случае прекращения брака. В свою очередь, семья в виде родителей (одного родителя, усыновителей) и их несовершеннолетних детей (ребенка), не обладающих полной гражданской дееспособностью, может распасться в случае разлучения ребенка и родителей (родителя, усыновителя). Государственные органы имеют в своем арсенале ряд мер, которые могут предотвратить или остановить распад семьи, если члены семьи также будут прилагать усилия в обозначенном направлении. Пределы действия принципа защиты детства, материнства, отцовства и семьи можно обнаружить при сопоставлении данного принципа с другими принципами семейного права (в частности, с принципом добровольности брачного союза; принципом недопустимости произвольного (необоснованного) вмешательства кого-либо в дела семьи; принципом добросовестности осуществления семейных прав).

Ключевые слова:

государство, защита, семья, детство, материнство, отцовство, суды, органы опеки, прокурор, принцип

В научной литературе защиту государством детства, материнства, отцовства и семьи часто описывают в конституционно-правовом [1, с. 45 – 51; 2, с. 61 – 68] и социально-обеспечительном [3, с. 108 – 115; 4, с. 197 – 204] ракурсах, не уделяя должного внимания особенностям, пределам и «подводным камням» принципа государственной защиты детства, материнства, отцовства и семьи в семейно-правовом поле.

Актуальность исследования семейно-правовых особенностей защиты государством детства, материнства, отцовства и семьи обусловлена тем, что особая защита государством таких ценностей как материнство, отцовство, семья и детство «гарантирует непрерывную смену поколений» [5, с. 31], а также важна для сохранения и развития многонационального народа России.

Защита семейных прав осуществляется судом по правилам гражданского судопроизводства, а в случаях, предусмотренных СК РФ, государственными органами, в том числе органами опеки и попечительства (п. 1 ст. 8 СК РФ). Так как суды входят в состав органов государственной власти (ст. 10 Конституции РФ), то защита детства, материнства, отцовства и семьи в лице государства осуществляется судом при наличии к тому оснований в случае предъявления иска, а также иными государственными органами – в случаях, предусмотренных СК РФ.

Семейно-правовая защита детства государством предполагает повышенное внимание к интересам детей со стороны органов опеки и попечительства, прокуроров и иных государственных органов.

Как не раз упоминалось в научной литературе, СК РФ не изобилует дефинициями [6, с. 127; 7, с. 30; 8, с. 68; 9, с. 35, 89; 10, с. 56; 11, с. 77]. Понятие «детство» в нем упоминается

только один раз (не считая упоминания словосочетания «ребенок-инвалид с детства») в п. 1 ст. 1 СК РФ: «Семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства».

Если проанализировать нормы п. 1 ст. 54 СК РФ, п. 2 ст. 61 СК РФ, п. 2 ст. 120 СК РФ, ст. 21 ГК РФ, то с юридической точки зрения **детство** представляет собой период развития человека с момента рождения до достижения ребенком совершеннолетия или до досрочного достижения им полной гражданской дееспособности.

К числу основных государственных органов, которые осуществляют семейно-правовую защиту детства относятся **суды, органы опеки и попечительства и прокурор**.

Семейное законодательство в части разрешения дел, связанных с защитой прав и интересов несовершеннолетних, в большей степени ориентировано на судебный порядок. И лишь некоторая часть таких дел отнесена к компетенции органов опеки и попечительства. В частности, органы опеки и попечительства разрешают споры между родителями об имени и (или) фамилии ребенка (п. 4 ст. 58, ст. 59 СК РФ), споры между опекуном ребенка несовершеннолетнего и самим несовершеннолетним родителем (п. 2 ст. 62 СК РФ), споры родителей, касающиеся воспитания и образования детей (п. 2 ст. 65 СК РФ), споры между родителями и близкими родственниками о предоставлении последним возможности общаться с ребенком (п. 2 ст. 67 СК РФ) [\[12, с. 237\]](#).

Кроме того, органы опеки и попечительства привлекаются судом к участию по всем категориям дел, связанным с воспитанием детей. Согласно требованиям п. 2 ст. 78 СК РФ орган опеки и попечительства обязан провести обследование условий жизни ребенка и лиц, претендующих на его воспитание, а также представить суду основанное на акте обследования заключение по существу спора.

Также одним из главных направлений защиты детства органом опеки и попечительства выступает забота о детях, оставшихся без попечения родителей. Это является одним из проявлений социального характера российского государства.

По ряду семейных дел участником гражданского процесса выступает и прокурор. По смыслу ст. 45 ГПК РФ прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту семьи, материнства, отцовства и детства, а в случаях, предусмотренных специальным отраслевым законодательством, он обязан принимать участие в процессе, инициированном другими субъектами, в форме дачи заключения по делу. С его обязательным участием рассматриваются дела о лишении родительских прав, восстановлении в родительских правах, ограничении родительских прав, установлении усыновления (удочерения), отмене усыновления (удочерения) [\[13, с. 136\]](#). В соответствии с разъяснением п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 года № 44 с участием прокурора исходя из аналогии закона (ч. 4 ст. 1 ГПК РФ) подлежат рассмотрению также дела об отмене ограничения родительских прав и дела о признании недействительным акта органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или главы муниципального образования об отобрании ребенка и о возврате его в семью с учетом того, что в соответствии с п. 2 ст. 77 СК РФ в случае отобрания ребенка в связи с непосредственной угрозой его жизни или здоровью прокурор незамедлительно уведомляется об этом органом опеки и попечительства.

Семейно-правовая защита семьи государством представляет собой меры, направленные на поддержание государством целостности семьи (Предоставление различных пособий лицам, имеющим детей, и прочая материальная поддержка семьи со

стороны государства выходит за рамки семейного права и носит социально-обеспечительную правовую природу).

По общему правилу (ст. 2 СК РФ, п. 2 ст. 61 СК РФ) под членами семьи законодатель понимает супругов, родителей (усыновителей) и несовершеннолетних детей, не обладающих полной гражданской дееспособностью. В отдельных случаях и в пределах, предусмотренных семейным законодательством, состав членов семьи рассматривается законодателем шире (ст. 2 СК РФ). Речь идет об алиментных правоотношениях, в рамках которых членами семьи законодатель признает не только супругов, родителей (усыновителей) и несовершеннолетних детей, не обладающих полной гражданской дееспособностью, но совершеннолетних детей (в том числе усыновленных), бабушек, дедушек, внуков и внучек, братьев и сестер, мачеху, отчима, пасынков и падчериц, а также фактических воспитанников и воспитателей.

Анализ норм СК РФ, в которых упоминается семья, показывает, что законодатель под семьей подразумевает супружескую пару без общих несовершеннолетних детей, не обладающих полной гражданской дееспособностью, либо родителей (одного родителя, усыновителей) и их несовершеннолетних детей (ребенка), не обладающих полной гражданской дееспособностью. Рассмотрим данные нормы. Так, согласно п. 1 ст. 22 СК РФ расторжение брака в судебном порядке при отсутствии согласия одного из супругов производится, если судом установлена «невозможность дальнейшей совместной жизни супругов и сохранения семьи». В соответствии с п. 1 ст. 27 СК РФ брак признается недействительным в случае заключения фиктивного брака, то есть если супруги или один из них зарегистрировали брак без намерения создать семью. Из этого, следует, что в ст. 22 и ст. 27 СК РФ под семьей законодатель понимает находящихся в браке мужчину и женщину, которые способны совместно решать внутрисемейные вопросы по взаимному согласию, а не всех близких родственников со стороны мужа и жены вместе с ними. В соответствии с п. 2 ст. 54 СК РФ каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, насколько это возможно. Ребенок имеет право жить именно с родителями (усыновителями) (п. 2 ст. 20 ГК РФ). В то же время другие родственники не обязаны жить вместе с ребенком, за исключением тех случаев, когда они согласились быть опекунами (попечителями) ребенка. Из этого следует, что под семьей в ст. 54 СК РФ законодатель понимает родителей (одного родителя, усыновителей) и их несовершеннолетних детей (ребенка), не обладающих полной гражданской дееспособностью.

Таким образом, когда речь идет о защите семьи государством, о поддержании государством целостности семьи, то в качестве членов семьи рассматриваются именно супруги, родители (усыновители) и их несовершеннолетние дети (ребенок), не обладающие полной гражданской дееспособностью.

В связи с этим семейно-правовую защиту семьи государством целесообразно рассматривать вместе с **семейно-правовой защитой материнства и отцовства**. Анализ ст. 47, ст. 48, ст. 49 СК РФ помогает понять, какой смысл вкладывает законодатель в понятие «материнство» и «отцовство». Материнство – это происхождение ребенка от конкретной женщины, при регистрации которого в установленном законом порядке у женщины возникают родительские права и обязанности. В свою очередь, отцовство – это происхождение ребенка от конкретного мужчины, при регистрации которого в установленном законом порядке у мужчины возникают родительские права и обязанности.

Рассмотрим **случаи распада семьи** и возможности государства по их предотвращению.

Семья в виде супружеской пары распадается в случае прекращения брака. Государственные органы в своем арсенале имеют следующие меры для предотвращения расторжения брака. Во-первых, суды при отсутствии согласия одного из супругов на развод вправе отложить разбирательство дела на срок не более трех месяцев, тем самым предоставив супругам время и возможность для примирения (п. 2 ст. 22 СК РФ). Во-вторых, суды, руководствуясь ст. 17 СК РФ, отказывают в расторжении брака, если муж без согласия жены предъявляет заявление о расторжении брака во время беременности жены и в течение года после рождения ребенка.

Семья в виде родителей (одного родителя, усыновителей) и их несовершеннолетних детей (ребенка), не обладающих полной гражданской дееспособностью, может распасться в случае разлучения ребенка и родителей (родителя, усыновителя).

У государственных органов имеются меры по обеспечению регулярного общения ребенка и родителя в случае их раздельного пребывания (проживания) при условии, что это не противоречит интересам ребенка.

Во-первых, в соответствии с п. 2 ст. 55 СК РФ ребенок, находящийся в экстремальной ситуации (задержание, арест, заключение под стражу, нахождение в медицинской организации и другое), имеет право на общение со своими родителями (усыновителями), а государственные и иные органы, у которых находится ребенок, обязаны обеспечить реализацию соответствующего права.

Во-вторых, не живущим вместе ребенку и родителю гарантированы регулярные встречи для осуществления отдельно живущим родителем воспитания (п. 1 ст. 66 СК РФ). Если второй родитель необоснованно препятствует такому общению, то для решения этой проблемы подключаются судебные органы и органы опеки и попечительства (п. 3 ст. 66 СК РФ).

В-третьих, отобрание ребенка государственными органами, ограничение и лишение родительских прав должно производиться в строго установленном законом порядке. Все три меры защиты ребенка от ненадлежащего родительского поведения связаны с «судебной компонентой». Ограничение и лишение родительских прав возможны только в судебном порядке. Отобрание ребенка при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью хоть и осуществляется в административном порядке, но в силу п. 2 ст. 77 СК РФ орган опеки и попечительства в течение семи дней после вынесения акта об отобрании ребенка должен обратиться в суд с иском о лишении родителей родительских прав или об ограничении их родительских прав, иначе государственные органы будут не вправе по истечении семи дней удерживать ребенка. Так как государство стоит на страже целостности семьи данные меры носят преодолимый характер в случае изменения родительского поведения в лучшую сторону. Улучшение родителем своего поведения – это то, чего ждут от родителя государство и общество, поэтому родителю предоставляют время для этого. При наличии к тому оснований суд вправе отменить ограничение родительских прав или восстановить в родительских правах. Если родитель ограничен в родительских правах, то ему предоставляется шесть месяцев, прежде чем орган опеки и попечительства должен будет обратиться в суд с иском о лишении родительских прав в связи с тем, что родитель не изменил своего поведения в лучшую сторону (абз. 2 п. 2 ст. 73 СК РФ). Родителю, лишенному родительских прав, гарантирована невозможность усыновления его родного ребенка без его согласия в течении шести месяцев со дня вынесения решения суда о лишении родителей родительских прав (п. 6 ст. 71 СК РФ).

Пределы действия принципа защиты детства, материнства, отцовства и семьи можно обнаружить при сопоставлении данного принципа с другими принципами семейного права. Рассмотрим основные из них.

Во-первых, **принцип добровольности брачного союза** выступает пределом применения государством мер по поддержанию целостности семьи. Защита государством семьи не предполагает возможности у государства признавать фактические отношения между мужчиной и женщиной официальным браком и препятствовать взаимно согласованному разводу супругов, так как это противоречит принципу добровольности брачного союза, закрепленному в ст. 1 СК РФ.

Во-вторых, еще одним пределом принципа защиты детства, материнства, отцовства и семьи является **принцип недопустимости произвольного (необоснованного) вмешательства кого-либо в дела семьи**.

В частности, на практике встречаются случаи произвольного вмешательства органов опеки и попечительства в дела семьи, получившие широкий общественный резонанс. К примеру, в 2018 году органы опеки и попечительства изъяли у жительницы Владимировской области четверых детей из-за того, что электрическая проводка в ее доме «выполнена со многими техническими нарушениями, что может привести к замыканию электропроводки с последующим возгоранием помещения». Этот факт стал поводом к тому, чтобы у трудоустроенной и любящей матери, воспитывающей четверых детей, экстренно изъяли детей из семьи. По мнению уполномоченного по правам ребенка во Владимировской области Г. Прохорычева, угрозы жизни детей в данной ситуации не существовало; специальным службам необходимо было оказать помощь многодетной семье, попавшей в трудную жизненную ситуацию, чтобы ликвидировать возможную угрозу жизни или здоровью детей. Позиции детского омбудсмена по Владимировской области впоследствии, более детально разобравшись в ситуации, стала придерживаться и прокуратура [\[14, с. 195\]](#). В анализируемом случае нельзя говорить о наличии реальной угрозы жизни или здоровью детей, речь идет только о потенциальной угрозе жизни или здоровью детей, которая не реализовалась за многие месяцы, в течение которых дети с матерью жили в доме с техническими нарушениями в электрической проводке [\[15, с. 71\]](#). Таким образом, незамедлительного отобрания детей от родителя точно не требовалось.

Иными словами, государство вправе осуществлять защиту детства, семьи и родительства только при наличии к тому достаточных оснований, так как в противном случае вмешательство государства может необоснованно нарушить интересы одного или нескольких членов семьи при защите другого члена семьи.

В-третьих, **принцип добросовестности осуществления семейных прав** также указывает на границы принципа защиты детства, материнства, отцовства и семьи. Принцип добросовестности осуществления семейных прав хоть и в непоименованном виде, но все-таки содержится в СК РФ. В соответствии с п. 2 ст. 7 СК РФ семейные права охраняются законом, за исключением случаев, если они осуществляются в противоречии с назначением этих прав.

Если родители недобросовестным образом осуществляют свои родительские права, то речь идет об осуществлении данных прав в противоречии с их назначением – в ущерб интересам ребенка. В указанном случае государство не может поддерживать целостность такой семьи, защищать отцовские (материнские) права, и государственным органам приходится временно или бессрочно разлучить ребенка с его родителем или обоими

родителями.

Кроме того, государство не поддерживает фиктивные брачные союзы, так как в указанном случае речь идет о ненадлежащем осуществлении мужчиной и (или) женщиной своего права на брак, что приводит к нарушению принципа добросовестности осуществления семейных прав.

Однако часто правоприменители в своих решениях по делам о фиктивных браках, заключенных в связи с желанием одного из супругов получить российское гражданство, указывают со ссылкой на ст. 1 СК РФ, что в таких делах государство защищает семью.

К примеру, в судебном деле по иску прокурора, действующего в интересах Российской Федерации, рассмотренным 27 февраля 2024 года Максатихинским межрайонным судом Тверской области, зафиксировано, что гражданка Таджикистана вступила в брак с целью получения разрешения на временное проживание в РФ и получения российского гражданства в будущем, а гражданин РФ – с целью получения денежного вознаграждения в размере 15 тысяч рублей от своей будущей супруги. Также оба супруга сознались, что не имели цели создать семью и намерения поддерживать отношения друг с другом после свадьбы. Суд признал брак фиктивным, а в мотивировочной части, помимо норм о недействительности брака, сослался также на ч. 1 ст. 1 СК РФ, в которой определено, что семья, материнство, отцовство и детство в РФ находятся под защитой государства (Решение Максатихинского районного суда Тверской области от 27 февраля 2024 года по делу № 2-50/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Z7HWClpak0LX/>).

На наш взгляд, в указанном и подобных случаях семья как таковая просто не создана, в связи с чем государству, в интересах которого действует прокурор, в таких ситуациях нечего защищать, кроме как свои собственные интересы (в частности, контроля за миграцией). В связи с этим в решениях по делам о фиктивных браках, заключенных в связи с желанием одного из супругов получить российское гражданство, нужно делать ссылку на п. 2 ст. 7 СК РФ, указывая на недобросовестное распоряжение участниками дела правом на брак, а не п. 1 ст. 1 СК РФ.

На основе выше сказанного можно сделать ряд выводов.

1. Защита детства, материнства, отцовства и семьи в лице государства осуществляется судом при наличии к тому оснований в случае предъявления иска, а также иными государственными органами (в частности, органами опеки и попечительства, прокурором) – в случаях, предусмотренных СК РФ.
2. Когда речь идет о защите семьи государством, о поддержании государством целостности семьи, то в качестве членов семьи рассматриваются именно супруги, родители (усыновители) и их несовершеннолетние дети (ребенок), не обладающие полной гражданской дееспособностью. В связи с этим семейно-правовую защиту семьи государством целесообразно рассматривать вместе с семейно-правовой защитой детства, материнства и отцовства. Семья в виде супружеской пары распадается в случае прекращения брака. В свою очередь, семья в виде родителей (одного родителя, усыновителей) и их несовершеннолетних детей (ребенка), не обладающих полной гражданской дееспособностью, может распасться в случае разлучения ребенка и родителей (родителя, усыновителя). Государственные органы имеют в своем арсенале ряд мер, которые могут предотвратить или остановить распад семьи, если члены семьи также будут прилагать усилия в обозначенном направлении.

3. Пределы действия принципа защиты детства, материнства, отцовства и семьи можно обнаружить при сопоставлении данного принципа с другими принципами семейного права (в частности, с принципом добровольности брачного союза; принципом недопустимости произвольного (необоснованного) вмешательства кого-либо в дела семьи; принципом добросовестности осуществления семейных прав).

Библиография

1. Исаева А.Д. Конституционный принцип защиты семьи, материнства и детства // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: естественные, общественные науки. 2022. №1. С. 45-51.
2. Ходусов А.А. Конституционно-правовое регулирование защиты материнства и детства в Российской Федерации // Московский юридический журнал. 2020. С. 61-68.
3. Ячменев Ю.В. Социально-правовая политика государства по защите материнства и детства в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2008. №2. С. 108-115.
4. Коротун А.В. Механизмы социально-правовой защиты материнства и детства в современной России // Педагогическое образование в России. 2014. № 10. С. 197-204.
5. Мун В.А. Государственно-правовая охрана материнства и детства в России в середине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020. 37 с.
6. Антокольская М.В. Семейное право: учебник. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2013. 432 с.
7. Иванова Е.В., Семенова И.Ю. К вопросу законодательного оформления семьи как правовой категории // *Oeconomia et Jus*. 2017. №3. С. 28-34.
8. Семейное право: учебник для бакалавров / отв. ред. С.О. Лозовская. Москва: Проспект, 2018. 352 с.
9. Семейное право / под ред. Е.А. Чефрановой. Москва: Издательство Юрайт, 2013. 393 с.
10. Нечаева А.М. Семейное право: учебник для бакалавров. Москва: Издательство Юрайт, 2013. 303 с.
11. Тарусина Н.Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения: монография. Москва: Проспект, 2014. 288 с.
12. Сочнева О.И. Формы участия органов опеки и попечительства в рассмотрении споров о воспитании детей // Семейное право и законодательство: политические и социальные ориентиры совершенствования: сборник Международной научно-практической конференции. Тверь, 2015. С. 237-241.
13. Тарусина Н.Н., Сочнева О.И. Права детей: учебно-практическое пособие. Москва, 2018. 176 с.
14. Рябова О. А., Кузнецова Н. А., Матвеева Т. П., Кузнецова Н. В. Практика немедленного изъятия детей из семьи: проблемы и пути их решения // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия. Экономика и право. 2020. №3. С. 193-198.
15. Леканова Е.Е. Правовые проблемы внесудебного отборания ребенка: советское наследие, современное состояние и законотворческие перспективы // Юридическая наука и практика. 2023. № 4. С. 69-76.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «К вопросу об осуществлении государством защиты детства, материнства, отцовства и семьи в семейно-правовой сфере».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам защиты детства, материнства, отцовства и семьи в семейно-правовой сфере. Автором комментируются нормы семейного законодательства Российской Федерации с точки зрения принципа защиты детства, материнства, отцовства и семьи. В качестве конкретного предмета исследования выступили положения законодательства, мнения ученых, материалы правоприменительной практики.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса о защите детства, материнства, отцовства и семьи в семейно-правовой сфере. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства (прежде всего, норм Семейного кодекса РФ). Например, следующий вывод автора: «Анализ норм СК РФ, в которых упоминается семья, показывает, что законодатель под семьей подразумевает супружескую пару без общих несовершеннолетних детей, не обладающих полной гражданской дееспособностью, либо родителей (одного родителя, усыновителей) и их несовершеннолетних детей (ребенка), не обладающих полной гражданской дееспособностью. Рассмотрим данные нормы. Так, согласно п. 1 ст. 22 СК РФ расторжение брака в судебном порядке при отсутствии согласия одного из супругов производится, если судом установлена «невозможность дальнейшей совместной жизни супругов и сохранения семьи». В соответствии с п. 1 ст. 27 СК РФ брак признается недействительным в случае заключения фиктивного брака, то есть если супруги или один из них зарегистрировали брак без намерения создать семью. Из этого, следует, что в ст. 22 и ст. 27 СК РФ под семьей законодатель понимает находящихся в браке мужчину и женщину, которые способны совместно решать внутрисемейные вопросы по взаимному согласию, а не всех близких родственников со стороны мужа и жены вместе с ними. В соответствии с п. 2 ст. 54 СК РФ каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, насколько это возможно. Ребенок имеет право жить именно с родителями (усыновителями) (п. 2 ст. 20 ГК РФ). В то же время другие родственники не обязаны жить вместе с ребенком, за исключением тех случаев, когда они согласились быть опекунами (попечителями) ребенка. Из этого следует, что под семьей в ст. 54 СК РФ законодатель понимает родителей (одного родителя, усыновителей) и их несовершеннолетних детей (ребенка), не обладающих полной гражданской дееспособностью».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки

зрения теории тема защиты детства, материнства, отцовства и семьи в семейно-правовой сфере. Сложно спорить с автором в том, что «В научной литературе защиту государством детства, материнства, отцовства и семьи часто описывают в конституционно-правовом [1, с. 45 – 51; 2, с. 61 – 68] и социально-обеспечительном [3, с. 108 – 115; 4, с. 197 – 204] ракурсах, не уделяя должного внимания особенностям, пределам и «подводным камням» принципа государственной защиты детства, материнства, отцовства и семьи в семейно-правовом поле. Актуальность исследования семейно-правовых особенностей защиты государством детства, материнства, отцовства и семьи обусловлена тем, что особая защита государством таких ценностей как материнство, отцовство, семья и детство «гарантирует непрерывную смену поколений» [5, с. 3], а также важна для сохранения и развития многонационального народа России».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать. Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«Когда речь идет о защите семьи государством, о поддержании государством целостности семьи, то в качестве членов семьи рассматриваются именно супруги, родители (усыновители) и их несовершеннолетние дети (ребенок), не обладающие полной гражданской дееспособностью. В связи с этим семейно-правовую защиту семьи государством целесообразно рассматривать вместе с семейно-правовой защитой детства, материнства и отцовства. Семья в виде супружеской пары распадается в случае прекращения брака. В свою очередь, семья в виде родителей (одного родителя, усыновителей) и их несовершеннолетних детей (ребенка), не обладающих полной гражданской дееспособностью, может распасться в случае разлучения ребенка и родителей (родителя, усыновителя). Государственные органы имеют в своем арсенале ряд мер, которые могут предотвратить или остановить распад семьи, если члены семьи также будут прилагать усилия в обозначенном направлении».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по соотношению принципов семейного права, что может быть полезно в правоприменительной деятельности. В частности, отмечено следующее: «Пределы действия принципа защиты детства, материнства, отцовства и семьи можно обнаружить при сопоставлении данного принципа с другими принципами семейного права (в частности, с принципом добровольности брачного союза; принципом недопустимости произвольного (необоснованного) вмешательства кого-либо в дела семьи; принципом добросовестности осуществления семейных прав)».

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с защитой детства, материнства, отцовства и семьи в семейно-правовой сфере.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Антокольская М.В., Исаева А.Д., Ходусов А.А., Ячменев Ю.В. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области семейного права.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам защиты детства, материнства, отцовства и семьи в семейно-правовой сфере.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Англоязычные метаданные

Legal regulation of personal data processing in tourism product realization: current trends and digital transformation

Sergienko Sergei YUrevich

Postgraduate student; Department of Public Law and Digital Law; Moscow Financial and Industrial University
'Synergy'
Legal Adviser; Geo LLC

150 Krasnoyarskiy Rabochy Ave., office 119, Krasnoyarsk region, Krasnoyarsk, 660064, Russia

✉ 143417@mail.ru

Abstract. The legal mechanism for processing personal data by performers when concluding and executing an agreement on the sale of a tourist product, including in the context of digitalization of the industry, is being investigated. The subject of the study is the peculiarities of the application of legal norms in the processing of personal data of tourists, due to the law. The subject of the study includes the following aspects: Regulation of the processing of personal data in the tourism sector, including: current legal norms in the field of personal data protection; special requirements for data processing in tourism; law enforcement practice by service providers of legal grounds for processing personal data of tourists; law enforcement practice of courts (arbitration courts, courts of general jurisdiction). The purpose of the study is a comprehensive analysis of the existing legal mechanisms for processing personal data and determining the directions for their improvement in the digital environment. In the course of the study, general scientific (dialectical and systemic), private scientific (comparative legal and formal legal) methods were applied, an analysis of the regulatory framework was carried out with an emphasis on practical application. The Federal Law "On Personal Data," the Federal Law "On the Basics of Tourist Activities in the Russian Federation," contracts for the legality of the grounds for processing personal data are being investigated. The findings of the study demonstrate the need to adapt the existing legal mechanisms governing the processing of personal data to modern technological realities in order to eliminate legal uncertainty and increase the efficiency of interaction between participants in the tourism market.

It is proposed to introduce additional norms into the Federal Law "On the Basics of Tourist Activities in the Russian Federation," regulating the procedure and grounds for processing personal data of tourists and the customer under an agreement on the sale of a tourist product. The scientific novelty of the study consists in a comprehensive analysis of legal norms, identifying gaps in the legislation governing the processing of personal data of subjects, and developing proposals for their elimination. The practical significance of the work is determined by the possibility of using the results obtained by law enforcement agencies and participants in contractual relations when selling a tourist product. The material will be useful both to the subjects of the tourism industry and to organizations of other spheres of economic activity that process personal data. The formulated conclusions can be used in further research in the field of personal data processing.

Keywords: personal data, digitalization of tourism product implementation, personal data of the tourist, consumer, tourist, tourism product implementation, tourism product, personal data processing, digital transformation, digitalization

References (transliterated)

1. Bystryakova S. A. Razvitie pravovogo regulirovaniya personal'nykh dannykh v usloviyakh formirovaniya ekonomiki dannykh v Rossii / Bystryakova S. A. // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2024. – № 2 (230). – S. 179-182. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_2_179.
2. Dobrobaba M. B. Ponyatie personal'nykh dannykh: problema pravovoi opredelennosti / Dobrobaba M. B. // Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). – 2023. – Ponyatie personal'nykh dannykh. – № 2 (102). – S. 42-52. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.102.2.042-052 EDN: MZFQKT
3. Edidin B. A. Sbor izbytochnykh dannykh: voprosy pravovogo regulirovaniya / Edidin B. A., Kochetkova (Krymskaya) K. V. // Pravo i tsifrovaya ekonomika. – 2022. – Sbor Izbytochnykh Dannykh. – № 2 (16). – S. 27-32. DOI: 10.17803/2618-8198.2022.16.2.027-032 EDN: GLYBFM
4. Los' L. V. Aktual'nye voprosy zashchity personal'nykh dannykh: obzor pravovykh pozitsii vysshikh sudebnykh instantsii / Los' L. V. – [Elektronnyi resurs] // Okhrana i zashchita prav i zakonnykh interesov v sovremenном prave: sbornik statei po rezul'tatam III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Simferopol' : OOO "Izdatel'stvo Tipografiya "Arial", 2024. – Aktual'nye voprosy zashchity personal'nykh dannykh. – S. 430-436. EDN: TKTSSY
5. Mikheeva I. V. Zakonodatel'stvo o zashchite personal'nykh dannykh: neopredelennost' vs konkretnosti / Mikheeva I. V., Nakhman F. G. // Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya. – 2023. – № 3 (17). – S. 52-59. DOI: 10.22394/2686-7834-2023-3-52-59 EDN: MTHGCK
6. Mishchenkova K. V. Soglasie kak osnovanie obrabotki personal'nykh dannykh / Mishchenkova K. V. // Universum: ekonomika i yurisprudentsiya. – 2024. – № 4-1 (114). – S. 42-44. EDN: ORSBZX
7. Sergienko S. Yu. O nekotorykh problemnykh aspektakh v regulirovaniya grazhdansko-pravovykh otnoshenii na turisticheskem rynke / Sergienko S. Yu., Grib V. G. // Turizm: pravo i ekonomika. – 2024. – № 2 (89). – S. 27-30. DOI: 10.18572/1813-1212-2024-2-27-30 EDN: CWWGRZ
8. Sergienko S. Yu. Problemy pravoprimeneniya polozheniya ob elektronnoi putevke pri realizatsii turistskogo produkta / Sergienko S. Yu. // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. – 2025. – № 3 (153). – S. 1-4. DOI: 10.60797/IRJ.2025.153.102.
9. Talapina E. V. Pravo na informatsionnoe samoopredelenie: na grani publichnogo i chastnogo / Talapina E. V. // Pravo. Zhurnal vysshei shkoly ekonomiki. – 2022. – Pravo na informatsionnoe samoopredelenie. – № 5. – S. 24-43. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.5.24.43 EDN: JYVMRV
10. Shablinskii I. G. Pravovoe regulirovaniye informatsionnykh otnoshenii v sfere obrabotki personal'nykh dannykh: uchebnoe posobie dlya vuzov / Shablinskii I. G.; Fedotov M. A. red. – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva : Izdatel'stvo Yurait, 2024.
11. Eke D. Ethics in the governance of data and digital technology: an analysis of european data regulations and policies / Eke D., Stahl B. // Digital Society. – 2024. – Vol. 3. – Ethics in the Governance of Data and Digital Technology. – № 1. – P. 1-23. DOI: 10.1007/s44206-024-00101-6 EDN: QOJFMQ
12. Lučić S. Protection of personal data in the tourism sector / Lučić S. // Menadzment u hotelijerstvu i turizmu. – 2023. – № 11(1). – P. 193-206. DOI: 10.5937/menhottur2301193L
13. Lyskey O. Complete and effective data protection / Lyskey O. // Current Legal

Examination of digital evidence in criminal proceedings: judicial aspect

Turshin Andrei Ivanovich

Postgraduate student; Department of Criminal Procedure Law named after N.V. Radutnaya; Russian State
University of Justice

152850, Russia, Yaroslavl region, Poshekhone, Sogozhi river embankment, 2, sq. 9

✉ antursh@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the examination of digital evidence as an investigative action conducted at the pre-trial and trial stages of criminal proceedings. The aim of the research is to develop scientific and practical recommendations on the issues of examining digital evidence during court investigations. The development and widespread adoption of digital technologies lead to an increasing number of crime traces being recorded in digital form. In this regard, proposals are emerging in the doctrine to enshrine electronic investigative actions in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Specific features of interacting with digital information are also reflected in foreign countries. However, researchers rarely address the trial stage, not analyzing the procedure for examining electronic evidence in court. Therefore, this article attempts to reveal the specifics of examining electronic evidence. To achieve this goal, both general scientific methods of cognition and specialized legal methods were used. The method of analyzing judicial practice was used to clarify the peculiarities of examining electronic evidence. The method of comparative law allowed for the analysis of relevant legislation in foreign countries, identifying its advantages and disadvantages. The formal-legal method was employed to elucidate the content of legal norms. Based on the analysis of the works of S.V. Zuev, R.I. Okonenko, M.S. Sergeev, A.B. Smushkin, and K.Y. Yakovleva, it was established that the issues of examining electronic evidence by the court have not previously received wide coverage. As a result of the study, the author conducted a detailed analysis of the examination of electronic evidence as an investigative action. The element of novelty lies in the identification of three main types of examination of electronic information in court proceedings: examination of electronic evidence formed at the pre-trial stage, examination of electronic media provided by the parties during the court proceedings, and examination of online sources. The author's contribution lies in substantiating the need to supplement the current criminal procedural law with an article regulating the procedure for judicial examination of electronic evidence and their attachment to the criminal case. A draft article of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation dedicated to the judicial examination of electronic evidence has been proposed. This solution will help eliminate the existing gap in legislation by providing a special investigative action for the examination of electronic evidence, ensuring uniformity of judicial practice.

Keywords: proving, electronic information carriers, investigative actions, digitization, judicial investigation, remote examination, electronic examination, examination of electronic evidence, electronic evidence, criminal proceedings

References (transliterated)

1. Zuev S.V. Osmotr i iz"yatie elektronnykh nositelei informatsii pri provedenii

- sledstvennykh deistvii i operativno-rozysknykh meropriyatiy // *Zakonnost'*. 2018. № 4. С. 58-60. EDN: UNYMRO.
2. Zuev S. V., Morugina N. A. Elektronnoe ugolovnoe delo: teoreticheskaya model' // *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2024. № 3 (57). S. 83-94. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-57-9. EDN: CQSDYT.
3. Konovalov S.G. Ispol'zovanie v ugolovnom protsesse tsifrovых dannykh, khranящихся v telefone: nazrevshie voprosy i puti ikh resheniya // *Zakon*. 2021. № 11. S. 128-138. DOI: 10.37239/0869-4400-2021-16-11-128-138. EDN: NCNSAA.
4. Kukhta A.A. Dokazyvanie istiny v ugolovnom protsesse: avtoref. dis. ... dok. yurid. nauk: 12.00.09. Nizhnii Novgorod, 2012. 61 s.
5. Momotov V.V. Elektronnoe pravosudie v Rossiiskoi Federatsii: mif ili real'nost'? // *Rossiiskaya yustitsiya*. 2021. № 7. S. 2-9.
6. Okonenko R.I. "Elektronnye dokazatel'stva" i problemy obespecheniya prav grazhdan na zashchitu tainy lichnoi zhizni v ugolovnom protsesse: srovnitel'nyi analiz zakonodatel'stva Soedinennykh Shtatov Ameriki i Rossiiskoi federatsii: dis. ... kan. yurid. nauk: 12.00.09. M., 2016. 158 s. EDN: VMNEAE.
7. Plotnikov A., Kharitonuk K. Elektronnoe sudoproizvodstvo i rassmotrenie elektronnykh dokazatel'stv pri rassmotrenii del ekonomicheskimi sudami // *Sudebnyi vestnik Plyus: ekonomicheskoe pravosudie*. 2021. № 8. С. 4-13.
8. Rossinskii S.B. Sledstvennye deistviya: monografiya. M. Norma, 2018. 240 s. EDN: ZSYGNX.
9. Sergeev M.S. Pravovoe regulirovanie primeneniya elektronnoi informatsii i elektronnykh nositelei informatsii v ugolovnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. Kazan', 2018. 322 s. EDN: RWUZOU.
10. Smushkin A.B. "Kontseptsiya elektronnykh sledstvennykh deistvii // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2021. № 3. S. 165-172. DOI: 10.24412/2587-9820-2021-3-165-172. EDN: MPMSKP.
11. Khmel'nitskaya T.V. Problemy formirovaniya dokazatel'stv v khode dosudebnogo proizvodstva po ugolovnomu delu: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. Nizhnii Novgorod, 2016. 213 s. EDN: WFMQYF.
12. Cherkasov V.S. Problema razgranicheniya sledstvennykh deistvii: osmotr i obysk pri poluchenii komp'yuternoi informatsii // *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. 2018. № 1 (16). S. 99-103. EDN: YWUJVG.
13. Yakovleva K.Yu. Sobiranie dokazatel'stv, soderzhashchikh elektronnyu informatsiyu, v ugolovnom protsesse (na primere osmotra) // *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*. 2023. № 1. S. 40-44. DOI: 10.18572/2072-4411-2023-1-40-44. EDN: IGXXTJ.
14. Yakovleva K.Yu. Kontrol'naya summa kak element dostovernosti dokazatel'stva, soderzhashchego elektronnyu informatsiyu, v ugolovnom protsesse // *Rossiiskii sledovatel'*. 2024. № 2. S. 39-43. DOI: 10.18572/1812-3783-2024-2-39-43. EDN: QTOFGL.
15. Jones S. Trial by Google Maps? The Dangers of Admitting Privatized GIS Technology by Judicial Notice // *California Western Law Review*. 2023. Vol. 60, Iss. 1, Article 7. P. 185-219.
16. Koenig A., Freeman L. Cutting-Edge Evidence: Strengths and Weaknesses of New Digital Investigation Methods in Litigation // *Hastings Law Journal*. 2022. Vol. 73, Iss. 5. P. 1233-1254.
17. Mason, S., & Seng, D. (Eds.). *Electronic Evidence and Electronic Signatures* (5th ed.). Institute of Advanced Legal Studies, University of London Press. 2021. 540 p.

18. Novak M. Digital Evidence in Criminal Cases Before the U.S. Courts of Appeal: Trends and Issues for Consideration // Journal of Digital Forensics, Security and Law. 2020. Vol. 14, Article 3.

The concept of legal risk in the modern Russian legal order

Suvorov Ilya Konstantinovich

Postgraduate student; Department of Law of Obligations; S.S. Alekseev Research Center for Private Law under the President of the Russian Federation

6 Ilyinka St., Moscow, Tverskoy district, 109012, Russia

✉ IKSuvorov.work@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of risk as a specific legal category, as well as the historical prerequisites that shaped its content. The author analyzes approaches to understanding legal risk, forms of its normative fixation, and the scope of application of the corresponding provisions of the law. The examination of this institution is conducted in the context of the historical development of ideas about legal risk – from Roman law and pandectism to modern doctrines. Special attention is given to the normative fixation of legal risk in the provisions of the Civil Code of the Russian Federation and its interpretation by the Resolution of the Plenary Supreme Court of the Russian Federation No. 6 of 2020. The research aims to find patterns in the rules for the allocation of risk between the parties to the obligation, criteria for distinguishing the rules about risk and civil liability of the parties to the obligation, as well as to identify the place of legal risk within the system of institutions of Russian obligation law. The methodological foundation of the work consists of historical-legal, comparative-legal, and systemic analysis of the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation in connection with the provisions of the Russian Civil Code. The practical significance of this approach lies in clarifying the scope of application of the rules on risk, which allows for a clearer delineation of the zones of responsibility and risk of the parties in such legal relationships. The novelty of the study consists in a comprehensive reconstruction of risk as a purely legal category and the identification of the dual nature of this legal phenomenon specifically in the Russian legal system. As a result, the author demonstrates that in modern Russian law, legal risk functions in two forms – the risk of loss and the risk of not receiving a counter-performance; they are viewed by the legal system as particular cases of the same exception to the general rule concerning the consequences of the accidental occurrence of permanent impossibility of performance of the obligation. The Russian concept of legal risk combines certain features of the traditions initiated by German pandectism and theories of objective civil liability of the 20th century. At the same time, the corresponding legal interpretations maintain the integrity of the conceptual apparatus and internal systemic coherence, which allows risk to be viewed as a phenomenon with a unified legal content. In conclusion, the author formulated the ideas about further development of the doctrine of legal risk in domestic civil law.

Keywords: Force majeure, Periculum est emptoris, Synallagma, Civil liability, Law of obligations, Impossibility of performance, Non-receipt of counter-performance, Risk of damages, Legal casus, Sales contract

References (transliterated)

1. Rossiiskaya Imperiya. Zakony. Pravila o voznagrazhdennii poterpevshikh vsledstvie

- neschastnykh sluchaev rabochikh i sluzhashchikh, a ravno chlenov ikh semeistv v predpriatyakh fabrichno-zavodskoi, gornoi i gornozavodskoi promyshlennosti [Elektronnyi resurs] : [Vysochaishe utv. 2 iyunya 1903 g.].
2. Zakonodatel'stvo o bankrotstve: preemstvennost' i novatsii / P.R. Abdullaeva, N.V. Bandurina, Yu.M. Voronina i dr.; otv. red. S.A. Karelina, I.V. Frolov. M.: Yustitsinform, 2023.
 3. Nol'ken A.M. Zakony o voznagrazhdennii za uvech'e i smert' v promyshlennykh zavedeniyakh chastnykh, obshchestvennykh i kazennykh : prakticheskoe rukovodstvo. SPb.: Izdanie Yuridicheskogo knizhnogo sklada "Pravo", 1911.
 4. Oigenzikht V.A. Problema risika v grazhdanskem prave : chast' obshchaya. Dushanbe: Izd. "Irfon", 1972.
 5. Passek E.V. Ponyatie nepreodolimoi sily (vis major) v grazhdanskem prave // Neimushchestvennyi interes i nepreodolimaya sila v grazhdanskem prave. M.: Statut, 2003.
 6. Sklovskii K.I. Sostvennost' v grazhdanskem prave. 6-e izd., ispr. i dop. M.: Statut, 2023.
 7. Dozhdev D.V. Vozlozhenie risika na pokupatelya v klassicheskoi kuple-prodazhe // Evropeiskaya traditsiya chastnogo prava : issledovaniya po rimskomu i srovnitel'nому pravu : v 2 t. / T. 2: Zalogovoe pravo. Obyazatel'stvo. Dogovor kupli-prodazhi. M.: Statut, 2021. S. 398-457.
 8. Dozhdev D.V. Rimskoe chastnoe pravo : uchebnik / pod obshch. red. V.S. Nersesyantsa. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Norma : INFRA-M, 2022.
 9. Knel'ts (Kapitonova) A.M. Sinallagma v dogovornom prave // Dogovory i obyazatel'stva : sb. rabot vypusknikov Rossiiskoi shkoly chastnogo prava pri Issledovatel'skom tsentre chastnogo prava im. S. S. Alekseeva pri Prezidente RF : v 2 t. / sost. i otv. red. A. V. Egorov i A. A. Novitskaya. T. 1. Obshchaya chast'. M.: Issledovatel'skii tsentr chastnogo prava im. S. S. Alekseeva pri Prezidente RF, 2018. S. 187-232.
 10. Novitskaya A.A. Uchenie o sinallagmaticeskem dogovore v rimskom prave. Kontrakt Labeona // Vestnik grazhdanskogo prava. 2013. № 2. S. 50-59.
 11. Osokin, A. V. Raspredelenie riskov pri organizatsii stroitel'stva // Problemy stroitel'nogo prava. Vypusk 2: sbornik statei / sost. i otv. red. N. B. Shcherbakov. M.: Statut, 2023. S. 382-428.
 12. Pivits E.E. Znachenie viny, sluchaya i nepreodolimoi sily v grazhdanskem prave // Vestnik grazhdanskogo prava. 2010. № 5, 6.
 13. Tololaeva N.V. Kommentarii k stat'e 1080 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii // Vestnik grazhdanskogo prava. 2023. № 2. S. 112-144. DOI: 10.24031/1992-2043-2023-23-2-112-144 EDN: MDTTJM
 14. Vyacheslavov F.A. Raspredelenie riskov v dogovornykh obyazatel'stvakh : dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.03 : zashchishchena 14.05.08 / Vyacheslavov Fedor Aleksandrovich. M., 2008. 04200811405. EDN: NPKFHJ
 15. Grazhdanskoе pravo: uchebnik: v 4 t. / otv. red. D-r yurid. nauk., prof. E.A. Sukhanov. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Statut, 2023. T. I: Obshchaya chast'.
 16. Gromov A.A., Tololaeva N.V. Obyazatel'stvennoe i dogovorne pravo : kurs lektsii. M.: Statut, 2025.
 17. Plyaniol' M. Kurs frantsuzskogo grazhdanskogo prava. Ch. 1. Teoriya ob obyazatel'stvakh. Vyp. 1; per. s fr. i predislovie V. Yu. Gartmana. Petrokov: Tip. S. Panskogo, 1911.
 18. Sanfilippo Ch. Kurs rimskogo chastnogo prava : uchebnik; per. s ital. I. I. Makhan'kova

- ; pod obshch. red. D. V. Dozhdeva. M.: Norma : INFRA-M, 2022.
19. Stuchka P.I. Kurs sovetskogo grazhdanskogo prava. V 3 t. T. 3. Osobennaya chast'. – M.: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1931.
20. Chr. Filios P. Die Gefahrtragung beim Kauf (§ 446 BGB) im Rahmen des Synallagmas. Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1964.
21. Eisser G. Die Gefahrtragung beim Kaufvertrag in rechtsvergleichender Darstellung. Berlin: Julius Springer, 1927.
22. Aksoy H.C. Impossibility in Modern Private Law : A Comparative Study of German, Swiss and Turkish Laws and the Unification Instruments of Private Law. London: Springer, 2014.
23. Pennitz M. Martin Bauer, Periculum emptoris. Eine dogmengeschichtliche Untersuchung zur Gefahrtragung beim Kauf // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Ableitung. 2000. No 1(117). Pp. 631-635.
24. Wächter C.G. Wer hat bei Obligationen die Gefahr zu tragen? // Archiv für die civilistische Praxis. 1832. Pp. 97-138.
25. Schirmer T. Zur Lehre von dem periculum casus bei Obligationen // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Ableitung. 1872. No 1(10). Pp. 70-83.

"Southern" constitutionalism: features of the transformation of public power in the countries of Latin America and Africa.

 Poyarkov Sergei Yur'evich

PhD in Pedagogy

Scientific Secretary, Federal State Unitary Enterprise 'All-Russian Scientific Research Institute of Physico-Technical and Radio Engineering Measurements'

Office 4, Khimzavodskaya str., 48, Krasnodar Territory, 350007, Russia

 niipg2025@mail.ru

 Goncharov Vitalii Viktorovich

PhD in Law

Associate Professor, Department of Civil Procedure and International Law, Kuban State University

350040, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Stavropol str., 149

 niipgergo2009@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the public-legal analysis of the features of the transformation of public authority in the states of Latin America and Africa. The relevance of studying "southern" constitutionalism is due not only to its empirical diversity but also to the fact that it challenges the universalizing approach to constitutional design. The aim of the research is to analyze the features of the transformation of public authority in the states of Latin America and Africa through the lens of "southern" constitutionalism, not through direct comparison of the legal systems of these regions, but by extracting their main typological characteristics, identifying and formalizing institutional innovations and cultural-legal meanings that reflect the contours of the processes of formation and development of constitutionalism in these states. The tasks of the article include, first of all, identifying the common and distinctive features of public authority models on both continents, determining the relationship of southern constitutionalism with broader typologies (in particular, liberal,

socialist, hybrid constitutionalism), and analyzing the transformational mechanisms used in the context of constitutional pluralism. Scientific methods employed include dialectical analysis; postcolonial analysis methodology; comparative legal analysis; historical-legal; and sociological analysis. Addressing the phenomenon of "southern" constitutionalism allows for an expansion of the horizons of comparative analysis, calling into question the universality of normative models dominant in Western scholarship. This necessitates a rethinking of the very language we use to talk about law, power, and statehood. Indeed, it is in southern contexts that the tension between the form and substance of public authority, between declared norms and actual practices, between legal universality and specific cultural situations, is fully manifested. Southern constitutionalism is not an alternative as a deviation but an alternative as a possible path, a reality in which public authority learns to be legitimate and justifiable in the eyes of the diverse communities that constitute its body. It is a process where instead of imposed models, forms rooted in the cultural, historical, and social context are born. It is a political-legal philosophy where the horizon of power relies not on a center but on a multiplicity of points of assembly. In this multiplicity, in this tension between stability and change, in this search for a balance between universalism and locality lies the main contribution of southern constitutionalism to the renewal of contemporary public law doctrine.

Keywords: constitutional pluralism, states of the North, «global South», postcolonial, Africa, Latin America, public power, features of transformation, «southern» constitutionalism, constitution

References (transliterated)

1. Afrikanskaya khartiya prav cheloveka i narodov. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: https://storage-ddh-prod.s3.fr-par.scw.cloud/filer_public/e7/7b/e77bf49b-d776-41d4-93b2-480d0cbc6810/charter_africaine_des_droits_de_l_homme_et_des_peuples_ru.pdf (data obrashcheniya: 15.07.2025).
2. de Sousa Santos B. Epistemologies of the South: Justice Against Epistemicide. Paradigm Publishers, 2014. 426 s.
3. de Sousa Santos B. The End of the Cognitive Empire: The Coming of Age of Epistemologies of the South. Duke University Press, 2018. 392 s.
4. Berihun G. Decoding legal pluralism in Africa. The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. 2017. № 49. S. 228-249.
5. Boaventura de Sousa Santos, Sara Araújo, Orlando Aragón Andrade (Eds.). Decolonizing Constitutionalism: Beyond False or Impossible Promises. Routledge, 2024. 354 s.
6. Bourdieu P. Réflexive Sociologie. Paris: Éditions de Minuit, 1994.
7. Buen Vivir. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.hyperkulturell.de/buen-vivir-15> (data obrashcheniya: 15.07.2025).
8. Chieftaincy Act. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: [https://ir.parliament.gh/bitstream/handle/123456789/1771/CHIEFTAINCY%20ACT,%202008%20\(ACT%20759\).pdf](https://ir.parliament.gh/bitstream/handle/123456789/1771/CHIEFTAINCY%20ACT,%202008%20(ACT%20759).pdf) (data obrashcheniya: 15.07.2025).
9. Chinweizu. The West and the Rest of Us: White Predators, Black Slavers, and the African Elite. New York: Random House, 1975. 520 s.
10. Gloria Orrego Hoyos. The Amparo Context in Latin American Jurisdiction: An Approach to an Empowering Action. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.nyulawglobal.org/globalex/amparo1.html> (data obrashcheniya: 15.07.2025).

11. Goncharov V.V., Petrenko E.G., Borisova A.A., Tolmacheva L.V., Dmitrieva I.A. Sistema sotsial'nogo doveriya (sotsial'nogo reitinga) v KNR: problemy i perspektivy vnedreniya v Rossiiskoi Federatsii // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2023. № 3. S. 78-91. DOI: 10.7256/2454-0595.2023.3.39983 EDN: TLCPOC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39983
12. Heeks R. From Digital Divide to Digital Justice in the Global South: Conceptualising Adverse Digital Incorporation (August 18, 2021). Digital Development Working Paper № 90.
13. Hirschl R. Constitutionalism, judicial review, and progressive change: A rejoinder to McClain and Fleming-Reply. *Texas Law Review*. 2005. № 84. S. 471-507.
14. Klug H. Towards a Sociology of Constitutional Transformation: understanding South Africa's post-apartheid order, in *Sociological Constitutionalism* (ed. Paul Blokker & Chris Thornhill). Cambridge University Press, 2017. S. 67-94.
15. Klug H. *Constituting Democracy: Law, Globalism and South Africa's Political Reconstruction*. Cambridge University Press, 2000.
16. Lebowitz M. A. *Construir el socialismo bolivariano del siglo XXI: La economía política de la transición*. Buenos Aires: CLACSO, 2012.
17. Matial A., Extension Kiu Publication. Exploring the Efficiency of the Inspectorate of Government in Anti-Corruption Regime in Uganda. 2024. № 11. S. 40-51.
18. Mbaku J. M. Corruption Cleanups in Africa Lessons from Public Choice Theory. *Journal of Asian and African Studies*. 2008. № 43. S. 427-456.
19. Merry S. E. *The Seductions of Quantification: Measuring Human Rights, Gender Violence, and Sex Trafficking*. University of Chicago Press, 2016. 249 s.
20. Na'im A. A. *African Constitutionalism and the Role of Islam*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2006. 216 s.
21. N'Diaye M.-F. *La réforme du droit de la famille: Une comparaison Sénégal-Maroc*. Montréal: Presses de l'Université de Montréal, 2016. 302 s.
22. O'Donnell G. Delegative Democracy. *Journal of Democracy*. 1994. № 5(1). S. 55-69.
23. Poyarkov S.Yu. Adaptivnyi konstitutsionalizm: kontseptual'nye osnovaniya i institutsional'nye mekhanizmy v usloviyakh politiko-pravovoi turbulentnosti // *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*. 2025. № 3. S. 67-85. DOI: 10.7256/2454-0595.2025.3.74695 EDN: OYYMQE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74695
24. Rodríguez-Garavito César. Human Rights: The Global South's Route to Climate Litigation. *AJIL Unbound*. 2020. № 114. S. 40-44. DOI: 10.1017/aju.2020.4. EDN: TCSERZ.
25. Rodney W. *How Europe Underdeveloped Africa*. London: Bogle-L'Ouverture, 1972. 320 s.
26. Sáenz de Viteri Vázquez, Andrea & Bjørnskov Christian. Populism and Constitutional Reform in Latin America and the Caribbean. *SSRN Electronic Journal*. 2018. DOI: 10.2139/ssrn.3290019.
27. Scott J. C. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve. 1998. 568 s.
28. Tamanaha B. Z. Understanding Legal Pluralism: Past to Present, Local to Global. *Sydney Law Review*. 2007. № 29. S. 375-411.
29. Tully J. *Strange Multiplicity: Constitutionalism in an Age of Diversity*. Cambridge University Press, 1995.
30. Uprimny R. The Recent Transformation of Constitutional Law in Latin America: Trends

- and Challenges. Texas Law Review. 2011. № 89. S. 1587-1610.
31. Von Bogdandy A., Urueña R. International Transformative Constitutionalism in Latin America. American Journal of International Law. 2020. № 114(3). S. 403-442. DOI: 10.1017/ajil.2020.27. EDN: ZTIZQP.

Improving human trafficking investigation tactics based on situational theory: Russian experience and recommendations for Vietnam

Nguyen Thi Hoan

PhD Candidate, Department of Forensic Expertise and Customs,
Institute of Law and Management, Tula State University

Russia, Tula region, Tula, Sovetsky district, Friedrich Engels St., 155 K. 135

 thihoannguyen39@gmail.com

Abstract. The subject of this study is the investigation tactics of human trafficking, within the framework of applying the situational approach developed in Russian forensic science. Special attention is given to the theoretical foundations of forensic situology by Professor T.S. Volchetskaya and the practical experience of Russian law enforcement agencies. The analysis focuses on how the classification of typical investigative situations and corresponding tactical decisions can be adapted to Vietnam's conditions to improve the effectiveness of detection, evidence, and prosecution of transnational crimes. The study examines the integration of scientifically based situational analysis methodology into Vietnamese investigative practice, considering legal system specifics, international cooperation, and victims' roles as key participants in criminal proceedings. The methodology relies on situational theory, particularly the "situology" school established by the aforementioned researcher. Methods include situational and comparative-legal analysis, examination of investigative practices in Russia and Vietnam, and the use of statistical and qualitative data on interagency and international cooperation models in investigations. Results confirm the effectiveness of situational theory in classifying human trafficking stages (recruitment, transportation, exploitation), identifying typical investigative challenges (proof difficulties, victim non-cooperation, cross-border elements), and developing tactical responses. Russian experience shows that modeling investigative situations, personnel training, and implementing digital technologies (including AI and social media analysis) significantly enhance investigative efficiency. The conclusions are applicable to reforms of Vietnam's Criminal Procedure Code (2025), investigator training, the creation of a model database, and the expansion of international cooperation. The scientific novelty lies in the first comprehensive systematization of situational approach application to human trafficking cases in Russia and in forming integrated recommendations for Vietnam. The study has theoretical and practical significance for strengthening capacity to combat transnational crime.

Keywords: criminal law, crime, policy recommendations, investigative situation, investigation methodology, international cooperation, Russian experience, human trafficking, criminal investigation, situational theory

References (transliterated)

1. Gavritsky A.V., Demidchenko Yu.V., Palieva O.N., Paliev V.B., Poltavtseva L.I., Tsoi B.A. Information Technologies in Criminal Proceedings of Russia: Controversial Issues

- of Proof. International Journal of Economics & Business Administration (IJEBA). 2020. Vol. 0(4). P. 598-612. DOI: 10.35808/ijeba/611. EDN: TOHUIE.
2. Dimas G.L., Konrad R.A., Lee M.K., Trapp A.C. Operations research and analytics to combat human trafficking: A systematic review of academic literature. PLoS ONE. 2022. Vol. 17(8): e0273708. DOI: 10.1371/journal.pone.0273708. EDN: QILCFS.
3. European Commission. EU Strategy on Combatting Trafficking in Human Beings 2021–2025. Brussels: European Commission Publications Office, 2021.
4. International Labour Organization. Global Estimates of Modern Slavery: Forced Labour and Forced Marriage. Geneva: ILO Publications, 2022.
5. Jan E.I. Situational approach and its significance for the crime investigation. Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2018. No. 1. P. 104-117.
6. Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons, Especially Women and Children, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime. 2000. P. 3.
7. Shevchuk V. The criminalistic situation and its effect on the formation of the concept of tactical operations. Theory and Practice of Forensic Science and Criminalistics. 2019. No. 1.
8. Tran Van Tuan. The Role of Evidence in the Investigation of Human Trafficking Cases. Procuracy Science. Special Issue. 2020. No. 2.
9. Winkler S.J. Human trafficking: Definitions, data, and determinants. World Bank Policy Research Working Paper. 2021. No. 9623.
10. Abramova S.R. Vozmozhnosti ispol'zovaniya dannykh o litse, sovershivshem prestuplenie, pri rassledovanii torgovli lyud'mi. Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2024. № 2. S. 5-13. DOI: 10.5922/vestnikhum-2024-2-1. EDN: HBUMIR.
11. Volchetskaya T.S. Razvitiye kriminalisticheskoi teorii v Rossii i Soedinennykh Shtatakh Ameriki: sravnitel'nyi analiz. Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. 2018. № 3. S. 5-12.
12. Volchetskaya T.S. Sovremennye tendentsii razvitiya kriminalistiki v Rossii i SShA. Folia Iuridica Universitatis Wratislaviensis. 2015. № 4(1). C. 150.
13. Kobets P.N. Protivodeistvie prestupleniyam, sovershaemym s tsel'yu torgovli lyud'mi i kriminal'noi ekspluatatsii cheloveka. Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2023. № 3(38). S. 124-130. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-38-3-124-130. EDN: SLDMXK.
14. Kobets P.N. Psikhologicheskaya reabilitatsiya poterpevshikh ot prestuplenii, sovershennykh s tsel'yu torgovli lyud'mi i kriminal'noi ekspluatatsii cheloveka. Yuridicheskaya psikhologiya. 2024. № 1. S. 15-17. DOI: 10.18572/2071-1204-2024-1-15-17. EDN: CCEUYP.
15. Napso R.R., Malin P.M. Otdel'nye aspekty prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov pri rassledovanii prestuplenii, svyazannykh s torgovli nesovershennoletnimi. Epomen. Global. 2023. № 42. S. 162-169. EDN: NEQKSU.
16. Ramaldanov Kh.Kh. Primenenie tsifrovyykh tekhnologii pri rassledovanii prestuplenii, svyazannykh s torgovli lyud'mi. Vestnik kriminalistiki. 2023. № 2(86). S. 76-82. EDN: EZHEDP.

The legal capacity of the creditor community in insolvency relations: theoretical justification and practical consequences

Postgraduate student; Department of Business and Corporate Law; Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

123242, Russia, Moscow, Presnensky district, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9, building 1

✉ sogoyan99@yandex.ru

Abstract. The subject of this study is a comprehensive analysis of the legal nature and legal status of the creditor community within the framework of bankruptcy procedures. The author consistently substantiates the thesis that this entity possesses a complete set of universal characteristics typical of a full-fledged subject of law. The work conducts a detailed critical analysis of the reductive position established in scientific doctrine and law enforcement practice, which reduces the essence of the creditor community to a narrow, limited model of a civil law community. Through an in-depth comparative legal analysis, its principled distinction from classical constructs of legal entities and simple partnerships is proven, indicating its unique legal nature that cannot be reduced to existing forms. Thus, the central question is the problem of adequate legislative recognition of its special legal subjectivity. The methodological foundation of the research consists of general scientific and specific scientific methods of cognition: dialectical, formal-legal, comparative-legal, system-structural analysis, as well as methods of legal modeling and interpretation of legal norms. The novelty of the study lies in the development and justification of the concept of legislative recognition of the creditor community as an independent *sui generis* legal subject. As a key mechanism for realizing its legal subjectivity, the establishment of the principle of unity of the community's will is proposed. This principle implies the establishment of a monopoly for its bodies to initiate claims that significantly affect the formation of the bankruptcy estate (for example, challenging the debtor's transactions, filing claims for subsidiary liability), while simultaneously introducing a mandatory pre-trial filter to review initiatives from individual creditors. The work analyzes both micro-level consequences of this recognition (increased efficiency and speed of the procedure, reduction of abuses) and macro-legal consequences (improvement of the entire insolvency institution, prompt transition to restructuring). The main conclusion is that the legislative consolidation of this status of the creditor community not only reflects objective legal reality but also creates a solid foundation for balanced and coherent modernization of the Russian bankruptcy institution.

Keywords: civil law community, legal subject, simple partnership, legal entity, meeting of creditors, legal capacity, creditor community, separate property, bankruptcy, competitive mass

References (transliterated)

1. Ayotte K., Morrison E.R. Creditor Control and Conflict in Chapter 11 // The Journal of Legal Analysis. 2009. № 2. P. 511-551.
2. Esmanskii A.A. Restrukturizatsiya zadolzhennosti: kak zashchitit' interesy nezavisimykh kreditorov // Zakon. 2023. № 4. S. 90-104.
3. Budylin S. Delo o dominiruyushchem kreditore: kogda kreditor otvechaet za rezul'taty kommercheskoi deyatel'nosti bankrota // Yuridicheskaya rabota v kreditnoi organizatsii. 2022. № 4. S. 41-55.
4. Sogoyan D.P. Kreditorskoe soobshchestvo v pravootnosheniakh nesostoyatel'nosti (bankrotstva): opyt Rossii i zarubezhnykh stran // Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki. 2025. № 1. S. 110-121.
5. Shevchenko I.M. K voprosu o rezhime imushchestvennoi massy suprugov (nekotorye razmyshleniya na primere del o bankrotstve) // Zakon. 2023. № 4. S. 118-127.

6. Gaevskii S.V. Reabilitatsionnyi mekhanizm na stadii preduprezhdeniya i vosstanovitel'noi stadii protsessa nesostoyatel'nosti (bankrotstva) yuridicheskogo litsa: otlichitel'nye osobennosti // Vestnik arbitrazhnoi praktiki. 2024. № 6. S. 3-19.
7. Kress V.V. Razvitie grazhdansko-pravovykh soobshchestv kak priznak i sledstvie tsifrovizatsii grazhdanskikh pravootnoshenii // Predprinimatel'skoe pravo. 2024. № 4. S. 2-7.
8. Shershenevich G.F. Obshchaya teoriya prava. Vypusk 3. M., 1912. 814 s.
9. Laptev V.A. Predprinimatel'skie ob"edineniya: kholdingi, finansovo-promyshlennye gruppy, prostye tovarishchestva. M.: Volters Kluver, 2008. 176 s.
10. Gintsburg L.Ya. Trudovoe zakonodatel'stvo: prava, obyazannosti, sfera deistviya // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1971. № 11. S. 42-49.
11. Ponomareva E.V. Sub"ekty i kvazisub"ekty prava: teoretiko-pravovye problemy razgranicheniya: dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2019. 208 s.
12. Shakhov V.D. Mekhanizm samoupravleniya trudovogo kollektiva (organizatsionno-pravovye problemy). Sverdlovsk: Izd-vo Ural. Un-ta, 1990. 215 s.
13. Mozolin V.P. Sistema rossiiskogo prava (Doklad na Vserossiiskoi konferentsii 14 noyabrya 2001 g.) // Gosudarstvo i pravo. 2003. № 1. S. 107-113.
14. Lugantsev V.M. Kollektivnye sub"ekty trudovogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1984. № 4. S. 63-67.
15. Vindsheid B. Uchebnik pandektnogo prava / Soch. prof. Geidel'berg. un-ta Vindsheida. Obshchaya chast'. Sankt-Peterburg: Gieroglyph i Nikiforov, 1874. 358 s.
16. Vindel'bant V. O svobode voli. Sankt-Peterburg: V.V. Bitner, 1904. 112 s.
17. Kel'zen G. Chistoe uchenie o prave. 2-e izd / per. s nem. M.V. Antonova i S.V. Lezova. Sankt-Peterburg: OOO Izdatel'skii Dom "Alef-Press", 2015. 542 s.
18. Girke O. Nemetskoe chastnoe pravo. Berlin, 1895. 897 s.
19. Kozlova N.V. Ponyatie i sushchnost' yuridicheskogo litsa. Ocherk istorii i teorii: Uchebnoe posobie. M.: Statut, 2003. 318 s.
20. Kripak I.I. Slozhnyi kollektivnyi sub"ekt prava: problemy obshchey teorii i praktiki: dis. ... kand. yurid. nauk. Kostroma, 2006. 225 s.
21. Ioffe O.S. Izbrannye trudy po grazhdanskому pravu. Iz istorii tsivilisticheskoi mysli. Grazhdanskoе pravootnoshenie. Kritika teorii "khozyaistvennogo prava". M.: Statut, 2000. 780 s.
22. Mitskevich A.V. Sub"ekty sovetskogo prava. M.: Gosyurizdat, 1962. 213 s.
23. Nersesyants V.S. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva: Uchebnik dlya vuzov. M., 1999. 539 s.
24. Ibragimov K.Yu. Fenomen yuridicheskogo obosobleniya imushchestva v chastnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. Sankt-Peterburg, 2025. 194 s.
25. Ibragimov K.Yu. Obosoblennoe imushchestvo i pravosub"ektnost' // Leningradskii yuridicheskii zhurnal. 2024. № 1 (75). S. 28-28.
26. Ostanina E.A. Imushchestvennaya obosoblennost' fizicheskogo litsa i posledstviya, s neyu svyazannye // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii. 2024. № 12. S. 48-74.
27. Zakharova E.I. Imushchestvennaya obosoblennost' kommercheskikh organizatsii kak priznak yuridicheskogo litsa: dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2013. 214 s.
28. Stroikina Yu.V. Imushchestvennaya obosoblennost' kak konstruktivnyi priznak kommercheskoi organizatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. Orenburg, 2002. 175 s.

29. Kantor N.E. Primenenie business judgment rule v sporakh o grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti arbitrazhnykh upravlyayushchikh // Vestnik ekonomiceskogo pravosudiya Rossijskoj Federatsii. 2023. № 7. S. 165-182.
30. Shevchenko I.M. Nekotorye voprosy obrashcheniya vzyaskaniya na imushchestvo suprugov-sozalogodatelei v delakh o bankrotstve // Rossiiskii sud'ya. 2020. № 6. S. 3-8.
31. Korporativnoe pravo: uchebnyi kurs: v 2 t. / E.G. Afanas'eva, V.A. Vaipan, A.V. Gabov i dr.; otv. red. I.S. Shitkina. M.: Statut, 2017. T. 1. 990 s.
32. Mikryukov V.A. Kategoriya analogii v sisteme regulirovaniya chastnopravovykh otnoshenii: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2025. 694 s.
33. Laptev V.A., Chucha S.Yu. Rukovoditel' organizatsii i organ yuridicheskogo litsa: edinstvo sushchnosti i protivorechiya // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2023. № 2. S. 285-311.
34. Andreev V.K., Laptev V.A. Korporativnoe pravo sovremennoi Rossii: monografiya. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2023. 432 s.
35. Korkunov N.N. Russkoe gosudarstvennoe pravo: posobie k lektsiyam. V 2 t. T. 2. 6-e izd. Sankt-Peterburg: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1909. 748 s.
36. Rozhdestvenskii A.A. Teoriya sub"ektivnykh publichnykh prav. M.: Pech. A.I. Snegirevoi, 1913. 290 s.
37. Slyshchenkov V.A. Uchastie gosudarstva v otnosheniakh, reguliruemykh grazhdanskim pravom: k voprosu o pravovom polozhenii gosudarstvennykh organov // Vestnik grazhdanskogo prava. 2010. № 6. S. 58-91.
38. Shaidullin A.I. Osobennosti uchastiya svyazannykh s dolzhnikom kreditorov v protsedurakh bankrotstva // Zakon. 2020. № 9. S. 53-65.
39. Osmanova D. O. Pravovoi rezhim osnovnykh mnozhestvennostei v protsedure bankrotstva // Lex russica. 2021. T. 74. № 11. S. 17-29.
40. Frosio G. User Patronage: The Return of the Gift in the "Crowd Society" // Michigan State Law Review. 2015. № 5. 2039 p.
41. Shevchenko I.M. O nekotorykh voprosakh osparivaniya reshenii sobraniya kreditorov v delakh o bankrotstve // Zakon. 2020. № 9. S. 66-78.
42. Fokin E.A. Zashchita prav uchastnikov rynka tsennykh bumag organami konstitutsionnogo i mezhdunarodnogo pravosudiya // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i srovnitel'nogo pravovedeniya. 2023. № 1. S. 128-139.

On the issue of the state protection of childhood, motherhood, paternity and family in the family law sphere

Lekanova Ekaterina Evgenevna

Postgraduate student; P.G. Demidov Yaroslavl State University

150003, Russia, Yaroslavl region, Yaroslavl, Sovetskaya str., 14

 lekanova.katya@yandex.ru

Abstract. The article examines the features, limits and other manifestations of state protection of childhood, motherhood, paternity and family in the family legal field. The actions of government bodies in the field of protection of childhood, motherhood, paternity and family are analyzed. The relevance of the study of family legal features of the state's protection of childhood, motherhood, paternity and family is due to the fact that the state's special protection of such values as motherhood, paternity, family and childhood guarantees a

continuous change of generations, and is also important for the preservation and development of the multiethnic nation of Russia. When it comes to the protection of childhood, motherhood, and paternity by the state, the legislator means spouses, parents (adoptive parents) and their minor children who do not have full civil capacity as family members. An analysis of family law shows that the protection of childhood, motherhood, paternity and family represented by the state is carried out by the court if there are grounds for it in the event of a claim, as well as by other government bodies (in particular, guardianship and trusteeship authorities, the prosecutor) - in cases provided for Family Code of the Russian Federation. Family legal protection by the state is measures aimed at maintaining the integrity of the family by the state. A family in the form of a married couple breaks up if the marriage ends. In turn, a family in the form of parents and their minor children, who do not have full civil capacity, may fall apart if the child and parents (parent, adoptive parent) are separated. Government authorities have a number of measures in their arsenal that can prevent or stop the breakdown of a family if family members also make efforts in this direction.

Keywords: prosecutor, guardianship authorities, courts, paternity, motherhood, childhood, family, protection, state, principle

References (transliterated)

1. Isaeva A.D. Konstitutsionnyi printsip zashchity sem'i, materinstva i detstva // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: estestvennye, obshchestvennye nauki. 2022. №1. S. 45-51.
2. Khodusov A.A. Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie zashchity materinstva i detstva v Rossiiskoi Federatsii // Moskovskii yuridicheskii zhurnal. 2020. S. 61-68.
3. Yachmenev Yu.V. Sotsial'no-pravovaya politika gosudarstva po zashchite materinstva i detstva v Rossii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2008. №2. S. 108-115.
4. Korotun A.V. Mekhanizmy sotsial'no-pravovoi zashchity materinstva i detstva v sovremennoi Rossii // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2014. № 10. S. 197-204.
5. Mun V.A. Gosudarstvenno-pravovaya okhrana materinstva i detstva v Rossii v seredine XIX – nachale XX vv.: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2020. 37 s.
6. Antokol'skaya M.V. Semeinoe pravo: uchebnik. Moskva: Norma: INFRA-M, 2013. 432 s.
7. Ivanova E.V., Semenova I.Yu. K voprosu zakonodatel'nogo oformleniya sem'i kak pravovoi kategorii // Oeconomia et Jus. 2017. №3. S. 28-34.
8. Semeinoe pravo: uchebnik dlya bakalavrov / otv. red. S.O. Lozovskaya. Moskva: Prospekt, 2018. 352 s.
9. Semeinoe pravo / pod red. E.A. Chefranovoi. Moskva: Izdatel'stvo Yurait, 2013. 393 s.
10. Nechaeva A.M. Semeinoe pravo: uchebnik dlya bakalavrov. Moskva: Izdatel'stvo Yurait, 2013. 303 s.
11. Tarusina N.N. Semeinoe pravo: v «orkestrovke» suverennosti i sudebnogo usmotreniya: monografiya. Moskva: Prospekt, 2014. 288 s.
12. Sochneva O.I. Formy uchastiya organov opeki i popechitel'stva v rassmotrenii sporov o vospitanii detei // Semeinoe pravo i zakonodatel'stvo: politicheskie i sotsial'nye orientiry sovershenstvovaniya: sbornik Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Tver', 2015. S. 237-241.
13. Tarusina N.N., Sochneva O.I. Prava detei: uchebno-prakticheskoe posobie. Moskva, 2018. 176 s.

14. Ryabova O. A., Kuznetsova N. A., Matveeva T. P., Kuznetsova N. V. Praktika nemedennogo iz"yatiya detei iz sem'i: problemy i puti ikh resheniya // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya. Ekonomika i pravo. 2020. №3. S. 193-198.
15. Lekanova E.E. Pravovye problemy vnesudebnogo otobraniya rebenka: sovetskoe nasledie, sovremennoe sostoyanie i zakonotvorcheskie perspektivy // Juridicheskaya nauka i praktika. 2023. № 4. S. 69-76.